

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)
Издается с 2001 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Балашова Л. В.** Место метафоры в репрезентации концептов (на материале концепта «сосед») 131
- Авдевина О. Ю.** Слово-концепт «дело» в русском интердискурсе 137
- Тарасова И. А.** Коммуникативная структура лирики Георгия Иванова в аспекте эволюции идиостиля 145
- Катяян Р.** Семантические повторы в текстах сказок из сборника А. Н. Афанасьева 151
- Данилина Н. И.** Проблемы гнездования терминов-интернационализмов (на материале лингвистической терминологии древнегреческого происхождения в русском языке) 155
- Ильясов В. С.** Семантика членов арабского фразеологического поля «Питание» в концептуальном аспекте 161
- Шакирова У. А.** Особенности субстантивной полисемии регионализмов французского языка во Франции 165
- Гарагуля С. И.** Раскрытие содержания английских фамильных имен в лингвокультурологическом словаре 170
- Ширяев Н. С.** Коммуникативно-дискурсивные характеристики аналитических блогов, посвященных независимости Шотландии 175

Литературоведение

- Устратова М. В.** Специфика мотива пути в прозаическом отрывке Пушкина 179
- Юхнович Ю. В.** «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского в романах «Братья Карамазовы» и «Подросток»: старорусский период творчества 184
- Коневец С. Н.** Кошмары Свидригайлова и ад героя В. Набокова (о трансформации одного сюжета) 188
- Захаров К. М.** «Богиня беззаботного счастья»: игры Лидии Чебоксаровой 191
- Пырков И. В.** «Луч гуманизма». К вопросу о переписке И. А. Гончарова и А. Ф. Кони 194
- Шуринова Н. С.** Textoобразующая ирония в «Словах» Ж.-П. Сартра 198
- Воробьева С. Ю.** Речевая репрезентация гендерного сознания в современной «женской» прозе 203
- Суворов А. А.** «Антилитература» Владимира Сорокина: читатель как объект троллинга 209
- Ванюков А. И.** Колизии «света и тени» в современной русской литературе: три повести 2015 года 216

Журналистика

- Сурнина И. А.** Крестьянский вопрос на страницах «Экономического указателя» (1857–1861) И. В. Вернадского 220
- Боченков В. В.** М. П. Давыдов – забытый журналист-старообрядец из Саратова 227

Приложения

- Представляем книгу** 234
- Хроника** 245
- Сведения об авторах** 247

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56153 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.05.17.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–16 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- внешнюю по отношению к автору рецензию, заверенную печатью организации, в которой работает рецензент.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Balashova L. V.** The Place of Metaphor in the Representation of Concepts (Based on the Concept of 'Neighbor') 131
- Avdevnina O. Yu.** Word-Concept 'Case' in the Russian Interdiscourse 137
- Tarasova I. A.** Communicative Structure of Georgy Ivanov's Lyric Poetry in Terms of Idiostyle Evolution 145
- Katyaan R.** Semantic Repetitions in Fairy-tale Texts from A. N. Afanasyev's Collection 151
- Daniilina N. I.** The Problems of Word Family of International Terms (on the Material of the Linguistic Terminology of Ancient Greek Origin in the Russian Language) 155
- Ilyasov V. S.** The Semantics of the Elements of the Arabic Phraseological Field 'Nutrition' in the Conceptual Aspect 161
- Shakirova U. A.** The Features of Substantive Polysemy of Regionalisms of the French Language in France 165
- Garagulya S. I.** Revealing the Content of English Family Names in a Linguocultural Dictionary 170
- Shiryayev N. S.** Communicative and Discursive Characteristics of Analytical Blogs Dedicated to Scottish Independence 175

Literary Criticism

- Ustratova M. V.** The Features of the Road Motive in a Prose Fragment by Pushkin 179
- Yukhnovich Yu. V.** F. M. Dostoyevsky's 'Insulted and Humiliated' in the Novels *The Brothers Karamazov* and *The Adolescent*: Staraya Russa Period of Work 184
- Konevets S. N.** Svidrigailov's Nightmares and the Inferno of V. Nabokov's Hero (on the Transformation of One Plot) 188
- Zakharov K. M.** 'The Goddess of Light-Hearted Happiness': Lidiya Cheboksarova's Games 191
- Pyrkov I. V.** 'A Ray of Humanity'. To the Question of I. A. Goncharov and A. F. Koni's Correspondence 194
- Shurina N. S.** Text-forming Irony in *Les Mots* by J.-P. Sartre 198
- Vorobyeva S. Yu.** Speech Representation of the Gender Consciousness in the Modern 'Female' Prose 203
- Suvorov A. A.** Vladimir Sorokin's 'Anti-Literature': the Reader as the Target for Trolling 209
- Vanyukov A. I.** Collisions of 'Light and Shadow' in the Modern Russian Literature: Three Short Novels of 2015 216

Journalism

- Surnina I. A.** The Peasant Question on the Pages of *Economicheskij Ukazatel'* (1857–1861) of I. V. Vernadsky 220
- Bochenkov V. V.** M. P. Davydov – a Forgotten Old Believer Journalist from Saratov 227

Appendices

- Presentation of the Book** 234
- Chronicle** 245
- Information about the Authors** 247

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

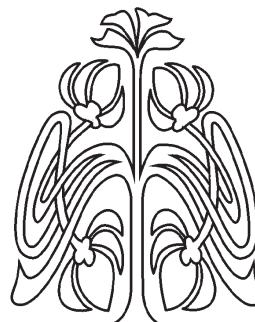
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

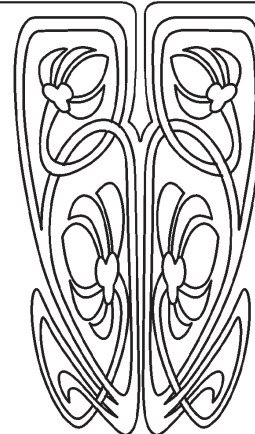
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Лённгрен Тамара Павловна, Ph.D, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Раева Александра Васильевна, кандидат филол. наук (Саратов, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D, профессор (Вена, Австрия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)

Шраер Максим Давидович, Ph.D, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ivanyushina I. Yu. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

BorISOV Yu. N. (Saratov, Russia)
Goroshko E. I. (Kharkov, Ukraine)
DolInin A. A. (Madison, Wisconsin, USA)
Egorov B. F. (St. Petersburg, Russia)
YelIna E. G. (Saratov, Russia)
Kabanova I. V. (Saratov, Russia)
Krysin L. P. (Moscow, Russia)
Lönngren T. (Tromsø, Norway)

Maslova V. A. (Vitebsk, Belarus)
Nikitina S. Ye. (Moscow, Russia)
Norman B. Yu. (Minsk, Belarus)
Rayeva A. V. (Saratov, Russia)
Rathmayr R. (Vienna, Austria)
SiroTinina O. B. (Saratov, Russia)
Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Shrayer M. D. (Brookline, Massachusetts, USA)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373.612.2

МЕСТО МЕТАФОРЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ (на материале концепта «сосед»)

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Balashova53@yandex.ru

В статье выявляются основные признаки концепта «Сосед» как части оппозиции «Свой» – «Чужой» и степень их отражения в основных метафорических моделях лексемы *сосед* и ее словообразовательных дериватах.

Ключевые слова: метафора, модель, концепт, концептуальный признак.

The Place of Metaphor in the Representation of Concepts (Based on the Concept of 'Neighbor')

L. V. Balashova

The article identifies the main characteristics of the concept 'neighbor' as a part of the opposition 'own' – 'alien' and the extent of their reflection in the basic metaphorical models of the lexeme 'neighbor' and its word-formation derivatives.

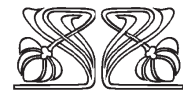
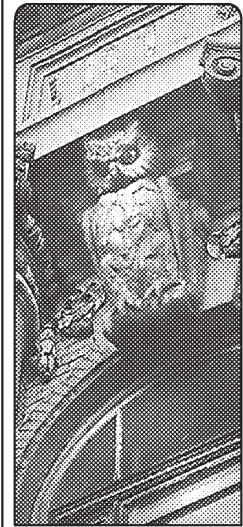
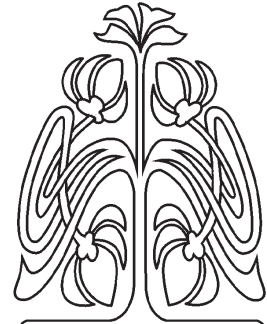
Key words: metaphor, model, concept, conceptual feature.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-131-136

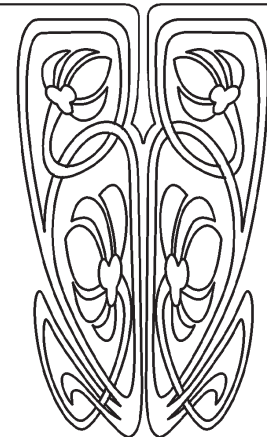
Фундаментальным положением современной теории метафоры является представление о данном феномене как об одном из ключевых способов репрезентации языковой картины мира и ее отдельных составляющих – оязыковленных концептов¹. Однако вопрос о степени полноты в отражении различных когнитивных признаков того или иного концепта остается дискуссионным, поскольку концептуальные метафоры обычно становятся самостоятельным объектом исследования (вне полноценного анализа самого концепта) или рассматриваются как особая («образная») зона в рамках структурного описания концепта².

Объектом данного исследования стал концепт «Сосед» – важная составляющая универсальной концептуальной оппозиции «Свой» – «Чужой». Данная оппозиция относится к числу базовых в картине мира любого этноса. «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, русского»³. С одной стороны, оппозиция получает разнообразное воплощение в культуре и языке, а с другой – отражает вовлеченность личности/социума в многообразные, многоуровневые, многослойные отношения с окружающим миром. Вследствие этого противопоставлению «Свой» – «Чужой» свойственна принципиальная градуальность, и степень «чуждости» может быть различной⁴.

В словарях современного русского языка⁵ первичное языковое значение лексемы *сосед*, репрезентант одноименного концепта, определяется следующим образом: 'тот, кто живет поблизости, рядом с кем-л.'; 'человек, проживающий вблизи, рядом с кем-л.'. Понятие близости подразумевает наличие общей границы (некоторой нейтральной полосы и/или зоны общего пользования) между пространственными зонами соседей. Таким образом, понятийная (сигнификативная) зона концепта «Сосед», по лексикографическим источникам, включает представление

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

о таком человеке как о «не своем» (с точки зрения, например, генетических (родственных) связей), но в то же время как и о не совсем «чужом», поскольку постоянное местожительство именуемого лица вблизи субъекта речи обычно обеспечивает их принадлежность к некоей социальной общности (жители одного дома, одной улицы в селе, общины и т. п.). Вместе с тем признак ‘чуждости’ все же преобладает над признаком ‘свойства’, так как внутренняя форма лексемы и ядро ее первичного значения составляют пространственные, а не социальные компоненты.

Выявленные по лексикографическим источникам когнитивные признаки понятийной зоны хорошо прослеживаются в сочетаемости лексемы *sosед* и ее словообразовательных дериватов в современных текстах разной дискурсивной принадлежности (при подготовке статьи мы использовали данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) за период 2000–2016 гг.). Например: *Тайник в Толстопальцево обнаружен благодаря бдительности сельчан, поделившихся с соответствующими органами своими подозрениями. ... Выяснилось, что дом № 3 по улице Чапаева снимали мать с сыном славянской внешности. Причем показания соседней противоречивы: постояльцы жили тихо, незаметно и никого не беспокоили...* (А. Уриханян. Пояс зла возле столицы // «Время МН», 2003.07.26) – в роли «соседей» выступают односельчане, проживающие на одной улице (общая пространственная зона) с именуемым объектом (постояльцами дома № 3 по улице Чапаева), причем компонент ‘чуждости’ в данном случае вполне очевиден.

Понятийно-прагматическая и/или прагматическая зона концепта «Сосед», согласно анализу данных НКРЯ, включает несколько признаков, в том числе и антонимических, которые характеризуют тип отношений между постоянно проживающими в непосредственной близости людьми, не связанными генетическими (родственными) связями. Комплекс этого типа признаков может быть определен как ‘наличие неформальных (межличностных) отношений’.

При репрезентации данного комплекса акцент делается на том, что у людей, проживающих отдельно друг от друга, но в непосредственной близости, в пределах общего пространства (дом, улица и т. п.), могут возникать более или менее устойчивые отношения (формальные и неформальные), обусловленные наличием общих интересов, проблем, общих условий жизни, общего информационного фонда, фоновых знаний и т. п.). Например: *На каждой улице была своя жизнь, свои прехотливые отношения между соседями, свои собаки, дети, машины, велосипеды, обеды, обиды, нравы...* (А. Варламов. Купавна // «Новый мир», 2000); *Если в одной квартире идет ремонт, то страдают все соседи* (С. Мазур. Кто в доме хозяин (2002) // «Домовой», 2002.08.04).

Принципиально значимым является тот факт, что при постоянном проживании в непосредственной близости друг от друга и наличии общих условий жизни (интересов, проблем и т. п.) возможна актуализация нескольких типов концептуальных признаков понятийно-прагматического характера, связанных с расширением концептуальной зоны ‘свойства’ или ‘чуждости’.

Во-первых, в когнитивном плане пространственная близость и наличие условий, интересов может порождать ‘понимание’ соседями друг друга, т. е. постижение образа мыслей, действий, намерений друг друга и т. п. Тем самым зона ‘свойства’ расширяется, а зона ‘чуждости’ сужается. Например: *Близкие родственники и соседи всегда будут понятнее, чем живущие за морем-океаном дальние кузены* (М. Соколов. Сила океана // «Эксперт», 2015).

Во-вторых, постижение образа мыслей, действий, намерений соседей, безусловно, усиливается, если постоянное проживание рядом друг с другом порождает ‘личный интерес’, т. е. внимание друг к другу, восприятие того, что связано образом жизни и т. п. друг друга как важного, значимого. В принципе, этот интерес может быть «здоровым», формируемым на базе безразличия к другим людям в целом, и «нездоровым», т. е. проявляться как ‘любопытство’ (мелочный интерес, желание знать во всех подробностях то, что не связано непосредственно с собственными интересами). В первом случае усиливается роль компонента ‘свойство’, во втором – компонента ‘чуждость’. По данным НКРЯ, именно второе проявление признака ‘интерес’ является преобладающим в понятийно-прагматической зоне концепта «Сосед». Например: *За Вашей семьей тоже соседи присматривают? И выявляют, на свой соседский взгляд, в их действиях нарушения?..* («Русский акцент Deutsche Bank». Комментарии к статье, 2015); *По дому и так-то ходили слухи, будто он, Иван Дмитриевич, тайно следит за соседями, чтобы впоследствии шантажировать тех, кто побогаче, разными интимными обстоятельствами их личной жизни* (Л. Юзефович. Дом свиданий, 2001). Вместе с тем фиксируются примеры с усиленной зоной ‘свойства’. Например: *Сосед слушал Ласкина с неподдельным интересом и даже задавал вопросы. – Как жалко, что надо уходить, – сказала, поднимаясь, сосед Ласкина* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека, 2001); *Вроде бы прежде Трегубов осторожно наводил там справки насчет Завадова и оставлял соседям свой номер телефона, рассчитывая на помощь* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша, 2004).

Следует отметить также тот факт, что в текстах XXI в. регулярно происходит нейтрализация признака ‘интерес’, в результате которого актуализируется компонент ‘принципиальное безразличие’, за счет чего зона ‘чуждости’ возрастает в большей степени, чем при актуальности признака

‘нездоровый интерес’. Например: *И даже появление новых соседей – квартиры продавались, сдавались – не вызывало интереса* (М. Трауб. Замочная скважина, 2012); *Я на новых соседей внимания не обращаю, и им до меня дела не было* (А. Варламов. Падчевары // «Новый мир», 2002).

В-третьих, на базе первой и второй групп понятийно-прагматических компонентов (‘понимание’, ‘интерес’) возможно развитие еще одной группы признаков, связанных с формированием более или менее устойчивых межличностных отношений. Характер таких отношений может колебаться от нейтрального до максимально эмоционального – как позитивного (‘доброжелательность’, ‘приятельство’, ‘дружба’), так и негативного (‘неприязнь’, ‘вражда’, ‘открытый конфликт’ и более сложные эмоции, например, ‘зависть’). В первом случае приятельские и дружеские отношения могут практически нейтрализовать компонент ‘чуждости’, замещая его компонентом, отражающим стереотипные отношения между близкими (и любимыми) родственниками. Большую роль при этом играет коммуникативный признак ‘неформальное общение’, в данном случае контактируемый с компонентом ‘доверительность’. Например: – *Стал общаться с соседями, и как-то сразу у меня со всеми сложились добрые отношения* (Прихожан ждут на родине (2003) // «Жизнь националистов», 2003.06.18); *Но я-то был не посторонний, я был сосед, Ольгин приятель, человек, которому она вполне доверяла и с которым не прочь была поделиться* (Вера Белоусова. Второй выстрел, 2000). Во втором случае усиливается компонент ‘чуждость’, а коммуникация сопряжена с открытой или завуалированной агрессивностью и неприязнью. Например: *Обыватель, особенно из тех, кого радует не то, что тебе хорошо, а что соседу плохо, может спать спокойно*. (И. Гальперин. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09); *Главное назначение миниатюрных садов – отличиться и удивить соседей* (А. Лысиков. Райский садик (2002) // «Сад своими руками», 2002.11.15); *Три дня назад она ругалась на кухне с соседями, и ее в сердцах облили горячим клюквенным киселем* (В. Найдин. Вечный двигатель // «Знание – сила», 2005); *Шкаф сам упал, а соседи, сволочи, сразу позвонили в милицию* (М. Гиголашвили. Чертовое колесо, 2007).

Наиболее ярко компоненты ‘неформальные отношения’, ‘доверительность’ реализуются в семантике словообразовательного деривата *по-соседски*. Например: *И хотя Академия ювелирного искусства будет еще советаться: дарить или нет шапку, но если и нет – я по-соседски найду способ вручить ее президенту* (Антон Елин. Кто ее надевает, тот долго не живет (2002) // «Известия», 2002.10.03); *А может, Васька Семихватский просто по-соседски зашел...* (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013); *Свинья эта однажды запросто, без чинов, по-соседски, за-*

брела в княгинюшкин огород (Б. Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010); *Ольга с рассадой ромашки полевой пошла по-соседски знакомиться*. (М. Трауб. Ласточ...ка, 2012). Примечательно, что почти в каждом контексте есть указание на возможность соседей пересечься на общей территории («нейтральной полосе»), не принадлежащей конкретно никому из таких людей, или пересечь «межевую черту», оказаться на территории другого члена общности, в предельном случае – вести себя на этой территории как на «своей». Например: *Если ей случается отлучиться «в Хмельный», она освобождает Шарика с проволоки на тот случай, если кому-то вздумается накопать себе молодой картошки «на закуску» или нарвать «по-соседски» ее огурчиков «на салат»* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009).

Если рассмотреть метафорические ЛСВ репрезентанта концепта субстантива *сосед* и его словообразовательных дериватов (*соседка, соседство, соседушка, добрососедский, по соседству, по-соседски, присоединиться, соседить, соседиться, соседний, соседов, соседский, соседственный, соседствовать*), то обращает на себя внимание несколько фактов. Во-первых, наиболее разнообразной и концептуально значимой является система переносов именно у ядерного в гнезде субстантива. Во-вторых, словообразовательные дериваты обычно специализируются на актуализации одного из концептуальных признаков концепта в большей степени, чем других. В-третьих, значения некоторых из первичных ЛСВ дериватов могут быть охарактеризованы как односторонние словообразовательные метафоры.

Так, наиболее последовательно члены словообразовательного гнезда *сосед* развивают метафорическое значение, связанное с переносом в социальную и/или пространственно-географическую сферу, указывая на государство, административные территории, пространственные объекты, расположенные рядом с именуемым объектом (ср.: *сосед* (перен.) ‘государство, местность, граничащие с другим государством, местностью’; *соседство* ‘смежность, близость с чем-л. по месту расположения’; ‘расположенный рядом, поблизости с чем-л.’). При этом регулярно такого рода употребления репрезентируют только сигнификативный пространственный компонент – с возможным указанием на общую зону или на общую границу (без актуализации понятийно-прагматических и/или прагматических признаков), причем наиболее ярко это проявляется при метафоризации адъектива *соседний*. Например: *На форум прибыло около 30 посланцев парламентов и парламентских организаций из 11 стран – соседей по Балтике* (Е. Роткевич. Европа устала обсуждать Калининград (2002) // «Известия», 2002.09.30); *По нашему общему убеждению, иракское урегулирование вряд ли сможет приобрести позитивную динамику без*

активной роли ООН, а также *соседей* Ирака и других мусульманских государств (С. В. Лавров. Выступление на сессии ОИК // «Дипломатический вестник», 2004); *После подписания соглашения Сирия и Израиль выяснили свои отношения силовыми способами на территории соседнего Ливана и в его воздушном пространстве* (Израиль вновь обвинил Сирию в пособничестве террористам (2004) // РБК, 2004.09.13); *Не означает ли это, что где-то по соседству с нашей существует множество других «параллельных» вселенных и мы можем ждать не только радиосигналов с соседних звезд, но и гравитационных телеграмм из других измерений?* (В. Барашенков. Верен ли закон Ньютона? // «Знание – сила», 2003).

Обычно не актуализируются понятийно-прагматические и/или прагматические признаки при реализации другого варианта метафорического значения – при указании на смежность в некотором графическом, временном и/или логическом ряду (множестве). Этот тип переноса обнаруживается как у вершинного существительного *сосед*, так и у большинства его дериватов – адъективов, субстантивов, глаголов (ср.: *соседний, соседство, соседствовать* и др.). Например: *Рассмотренная схема в наибольшей степени соответствует ЛВС с организованным круговым одновременным обменом между РС по принципу «соседу слева (справа)»* (А. Б. Барский. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // «Информационные технологии», 2004); *Если проследовать от него к третьему по счету атому углерода, мы увидим, что он и некоторые другие после него соединены с соседями двойной химической связью – это и есть омега-3 – полиненасыщенная жирная кислота* (Сергей Ильин. Всего два гена // «Знание-сила», 2014); *Данные прослой не дали своих пиков на кривой, так как на них наложились пики от соседних прослоев* (Интерпретация результатов компьютерного моделирования фильтрации ... // «Геоинформатика», 2004); *Совокупность всех соседних **сосстояний** называется окрестностью текущего состояния* (Комплекс алгоритмов и программ расчета гильотинного раскроя // «Информационные технологии», 2004); *Геномное исследование показало, что это просто обычная аутосома, которая когда-то, после полной дегградации и исчезновения древнего «Игрека», присосе-дилась к оставшейся в одиночестве X-хромосоме и стала ее партнером по паре* (Р. Нудельман. Y-хромосома: жизнь и судьба // «Знание – сила», 2006); *Исходные данные показали стабильное снижение баланса фактических изменений в апреле-июне после мартовского взлета, который теперь выглядит лишь эпизодом в соседстве со слабым февральским восстановлением и набором негатива во втором квартале 2015 года* (Пессимизм промышленников нарастает // «Эксперт», 2015).

Актуализация понятийно-прагматической и/или прагматической зоны концепта обнаружи-

вается у ядерного субстантива *сосед* и большинства его дериватов почти исключительно при характеристике отношений между граничащими государствами, этносами, проживающими в непосредственной близости друг от друга. Состав признаков, входящих в данную зону, ориентируется на систему компонентов, обнаруживаемых при употреблении лексем в их первичном ЛСВ, но дублирует их полностью.

В частности, наиболее регулярно актуализируются компоненты, связанные с указанием на наличие общих интересов, особых отношений, формируемых на базе длительного проживания в непосредственной близости друг от друга. Например: *И тогда, по этой логике, референдум даст небольшой шанс начать новый отсчет **взаимного существования**, исторически навязанного большой нацией своему маленькому соседу* (Волеизвержение (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17); *Совершенно очевидно, что все эти цели могут быть достигнуты только на путях дальнейшей интеграции России в мировую экономику и продолжения многовекторной политики, направленной на развитие **взаимовыгодных связей с соседями** по СНГ, Европейским союзом, США, Китаем, Индией, Японией, странами Азии, Латинской Америки и других регионов* (С. В. Лавров. Статья в газетах «Коммерсант» и «Уолл-стрит джорнал» // «Дипломатический вестник», 2004); *Пока власти двух стран вдумчиво обсуждают перспективы российско-украинского газотранспортного консорциума и погашение украинских долгов за газ, российские бизнесмены проявляют себя прагматиками и всюю **осваивают экономическое пространство** юго-восточного соседа* (Е. Григорьева, Е. Загородняя, И. Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24); *Этногенез славян должен рассматриваться во **взаимосвязи** с изучением этноистории соседних народов* (В. В. Седов. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003).

Характер таких отношений по преимуществу – дружественный, доверительный (прямое выражение это получает в деривате добрососедство, примечательно, что деривата с антонимическим значением в русском языке не формируется). Однако в политическом дискурсе, где сосредоточено большинство подобных метафорических употреблений, актуализация компонентов, усиливающих зону ‘свойство’, носит скорее декларативный характер, выражая общее направление внешней политики государств, а не реальное положение дел в мире. Более того, часто указание на ‘доверительность’, ‘сотрудничество’ используется при характеристике напряженных и даже враждебных межгосударственных, межэтнических отношений. Например: *В российском Правительстве и обществе в целом есть консенсус относительно строительства отношений с Латвией – мы хотим развивать с нашим ближним **соседом***

деловые дружеские отношения (И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // «Дипломатический вестник», 2004); *Самые первобытные культуры имеют шанс уцелеть и развиться, обогащаясь достижениями соседей и делясь с соседями своими достижениями* (Р. Ищенко. Русский мир и национальный вопрос // «Эксперт», 2014); *Я думаю, само собой разумеется, влияние и России, и Узбекистана на ситуацию в соседнем дружественном нам Афганистане было всегда серьезным* (В. В. Путин. Выступление на встрече с И. А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004); *Важное значение имеет для нас выполнение поставленной главами наших государств задачи превращения Каспийского региона в регион мира, дружбы и добрососедства* (С. В. Лавров. Встреча министров иностранных дел прикаспийских государств. Выступление на пресс-конференции по итогам встречи // «Дипломатический вестник», 2004); *Своей самой неотложной задачей Координационный совет считает укрепление мира, спокойствия, дружбы и братского взаимопонимания между осетинским и ингушским народами. Словом, соседи должны жить по-соседски* (За мир нужно бороться (2003) // «Жизнь национальностей», 2003.06.18).

Усиление зоны 'чуждости' при характеристике межгосударственных и межэтнических отношений в политическом дискурсе обычно декларируется как нежелательная реальность, как та обстановка, которая не соответствует норме отношений меж граничащими государствами и народами. Но актуализация этого типа концептуальных признаков обязательно требует включения в контекст соответствующих лексических маркеров. Например: *Показатели Германии в два раза меньше, а Англии уж и вовсе скромны – 10%. Получается, чем сосед богаче, тем ненавистнее?* (А. Лебедев. В боевиках и в реальности. Россия за границей видят в кривом зеркале (2001) // «Известия», 2001.06.25); *Если Россия решит вести войну с соседями, то без крупного бизнеса тут не обойтись* (Е. Григорьева. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24); *Он был убит в бою на одном из островов Филиппинского архипелага, выступив на стороне местного раджы, которому помог в войне против соседей* (О. Тихомиров. Подвиг Магеллана // «Мурзилка», 2002); *Советская Россия и продекларировала и на практике показала свое самое решительное отношение от старого мира и готовность строить – при надобности и за чертополохом – совершенно новое общество, по всем параметрам противопоставленное обществу европейских соседей* (М. Соколов. Сила океана // «Эксперт», 2015).

Наконец, метафорические ЛСВ членов словообразовательного гнезда *сосед* могут актуализировать еще один блок концептуальных признаков, совмещающий компоненты зоны

'свойства' и 'чуждости': указание на целенаправленное стремление подключиться к определенному единству, сообществу, обычно не имея на это прав, оснований или скрывая свою чуждость этому единству, свои истинные свойства и цели. Примечательно, что этот тип компонентов реализуется только у словообразовательных дериватов *присоседиться, присосеживаться*. В прямом значении этих глаголов ('сесть / садиться рядом, близко к кому-, чему-л.')

ядерным становится указание на временный и целенаправленный характер расположения кого-, чего-либо рядом с кем-, чем-либо. Например: *В действительности же равенство существует единственно между однозначными величинами, например, между ... между Лейбницем и Ломоносовым, но при том непрременном условии, что крестьянский мальчик в один прекрасный день присоседится к рыбному обозу – и полный вперед в Москву* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002); *Однако костер сделал свое дело..., и теперь приходилось то и дело отпугивать голубей, стремившихся присоседиться к нам уже в нашей пещере!* (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002); *Только наотрез отказался присоседиться в машину к Максиму или еще к кому-нибудь* (Е. Козырева. Дамская охота, 2001).

Характерно также, что переносное значение либо не фиксируется словарями, либо дается достаточно узким в денотативном отношении ('входить в общение, сближаться с кем-л.'). Тогда как тексты XXI в. показывают, что возможные ситуации, которые обозначаются с помощью метафорических ЛСВ глаголов, весьма разнообразны ('включаться в определенное межличностное, экономическое, политическое, идеологическое сообщество, в логическое, характерологическое и иное единство'). Но во всех них концептуальную значимость обычно сохраняют компоненты 'временность', 'целенаправленность', 'отсутствие качественного единства', 'осознание собственной чуждости и возможное намеренное сокрытие ее'. Например: *Такой эгоизм дорогого стоит: он ведет к миру и благополучию. К нему хочется присоседиться* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008); *(Вахтанг Федоров, муж) В одной шеренге – условный Чехов, к которому бы хотелось присоседиться; зато Сахаров расположился полноправно* (Б. Акунин говорит: есть мы и есть они, 2015); *И не надо тешить себя иллюзиями, что число терактов, выросшее именно после референдума, – случайность, к которой умело присосежился Басаев...* (Р. Шлейнов. Споры вокруг нового УПК не затихают (2003) // «Новая газета», 2003.01.02); *Учитывая общность сырьевых интересов, можно «присоседиться» и к родственному выпуску листового стекла* (В. Речицкий. Реконструкция памяти ... // «Наука и жизнь», 2008); *Однажды Королев закрыл глаза и попробовал вполголоса*

присоединиться к их пению (А. Иличевский. Матисс // «Новый мир», 2007); *(Елена, писк) Хотя есть наверное ряд таких людей, которые присоединяются к чужим праздникам (ну или горю), чтобы пожрать и повеселиться на халяву.. ну и спереть, наверное, что плохо лежит!* (Курьезы на свадьбах (форум), 2004).

Таким образом, можно констатировать, что метафора играет большую роль в репрезентации концепта «Сосед», причем в данном процессе участвуют члены словообразовательного гнезда, а не только номинант концепта. Вместе с тем нельзя утверждать, что переносные ЛСВ данных лексем, расширяя сферу их приложения, полностью дублируют систему признаков понятийно-прагматического или прагматического характера. Однако те прагматические компоненты, что обнаруживаются в метафорических употреблении субстантива *сосед* и его дериватов, являются наиболее устойчивыми в структуре концепта «Сосед» в целом.

Примечания

- 1 См.: *Апресян Ю.* Образ человека по данным языка : попытка системного описания // *Вопр. языкознания.* 1995. № 1. С. 37–67 ; *Арутюнова Н.* Язык и мир человека. М., 1998 ; *Балашова Л.* Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») // *Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 сентября 2009 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов.* Екатеринбург, 2009. С. 18–21 ; *Баранов А.* Дескрипторная теория метафоры. М., 2014 ; *Гак В.* Метафора : универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия.* М., 1988. С. 11–26 ; *Москвин В.* Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997.
- 2 См.: *Алефиренко Н.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010 ; *Балашова Л.* Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. М., 2014 ; *Воркачев С.* «Из истории слов» : лингвокультурный концепт // *Новое в когнитивной лингвистике : сб. Кемерово, 2006.* С. 3–14 ; *Зализняк А.* Многочисленность в языке и способы ее представления. М., 2006 ; *Карасик В.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004 ; *Попова З., Стернин И.* Когнитивная лингвистика. М., 2007 ; *Телия В.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников.* М., 1988. С. 74–98.
- 3 *Степанов Ю.* Константы. Словарь русской культуры. М., 2001. С. 126.
- 4 См.: *Балашова Л.* Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // *Политическая лингвистика.* Екатеринбург, 2014. Вып. 1 (47). С. 40–50 ; *Ее же.* Социальная метафора в диахронии (на материале лексики, противопоставленной по шкале «свой» – «чужой») // *III Житниковские чтения : Динамический аспект лингвистических исследований : материалы Всерос. науч. конф. (Челябинск, 21–23 апреля 1999 г.) : в 2 ч.* Челябинск, 1999. Ч. 2. С. 5–13 ; *Балашова Л.* «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003 ; *Бойко М.* Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности СМИ // *Политическая лингвистика.* Екатеринбург, 2005. № 2 (17). С. 163–178 ; *Бутакова Л., Кучинская Е.* Смысловое поле «свой – чужой» как компонент современного русского языкового сознания // *Новое в когнитивной лингвистике : сб. Вып. 8. Кемерово, 2006.* С. 321–332 ; *Выходцева И.* Концепт *свой – чужой* в советской словесной культуре : 20–30-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006 ; *Красильникова Н.* Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории *свой – чужие* в экологическом дискурсе США, России и Англии. Екатеринбург, 2005 ; *Красных В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М., 2003.
- 5 См.: *Большой академический словарь русского языка : в 23 т.* М. ; СПб., 2004–2014 ; *Елистратов В.* Толковый словарь русского сленга. М., 2007 ; *Лопатин В., Лопатина Л.* Русский толковый словарь. М., 1998 ; *Мокиенко В., Никитина Т.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001 ; *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М., 2000 ; *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2008 ; *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984 ; *Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина [и др.].* М. ; Л., 1948–1965 ; *Тихонов А.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1990 ; *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова.* М., 2007.

Образец для цитирования:

Балашова Л. В. Место метафоры в репрезентации концептов (на материале концепта «сосед») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 131–136. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-131-136.

Cite this article as:

Balashova L. V. The Place of Metaphor in the Representation of Concepts (Based on the Concept of ‘Neighbor’). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 131–136 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-131-136.

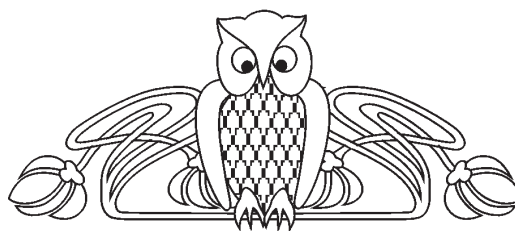

УДК 811.161.1'42

СЛОВО-КОНЦЕПТ «ДЕЛО» В РУССКОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ

О. Ю. Авдевина

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: olga.rosauzb@gmail.com

В статье предложен анализ слова *дело*, обозначающего один из ключевых концептов юридической речи. Его использование в разных видах дискурсов позволяет обнаружить действие интегративных процессов в концептосфере культуры. Концепт претерпевает содержательную трансформацию, системность которой может быть представлена в аспекте обоснования и изучения понятий «профессиональный дискурс» и «интердискурс».

Ключевые слова: концепт, профессиональный дискурс, интердискурс, судебная речь, имя события, концептуализация слова.

Word-Concept 'Case' in the Russian Interdiscourse

O. Yu. Avdevnina

The article offers the analysis of the word 'case' denoting one of the key concepts of the legal speech. Its being used in different types of discourses allows to reveal the action of the integrative processes in the concept sphere of culture. The concept undergoes the transformation of meaning, the consistency of which can be represented in terms of substantiation and studying the notions of 'professional discourse' and 'interdiscourse'.

Key words: concept, professional discourse, interdiscourse, courtroom speech, event name, word conceptualization.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144

Методы выявления и реконструкции концепта, как и само определение этого понятия, давно и прочно вошли в практику функциональных исследований языка в лингвокультурологической парадигме современной лингвистики. В ходе становления теоретических подходов к анализу концептов всегда подчеркивалось, что само это понятие является действенным инструментом изучения социальных аспектов языка, потому что позволяет представить конкретно и комплексно как взаимодействие человека и культуры, отраженное в языке, так и взаимодействие культуры и языка, воплотившееся в ментальных формах. Называя концепты «сгустками культурной среды в сознании человека»¹, Ю. С. Степанов акцентирует внимание на их сложной лингво-социо-ментальной природе, на их существовании в конгломерате языка, культуры/социума и сознания, коррелятивных в концептуальном пространстве культуры и языковой картине мира.

Какими бы различными ни были научные интерпретации концепта, инвариантным положением в их определении является сформулированная Ю. С. Степановым идея триединства «язык – культура – языковое сознание», представления о

котором при разных подходах конкретизируются, детализируются и методологически упорядочиваются. Само же понятие «концепт» позволяет взглянуть на реализацию этого триединства как на закономерные и определенным образом оформленные модели бытования языка в ментальном поле культуры.

Важнейшими для нас в данной статье являются два направления исследования концептов: в их соотношении, во-первых, со словом, во-вторых, с понятием дискурса.

Первое направление связано с изучением процессов вербализации концептов, их наименования, детерминации семантикой и функционированием единиц языка, прежде всего – слова.

Так, намечая алгоритм выявления концепта, в качестве отправной точки его реконструкции ученые предлагают функционально-семантический анализ слова. Согласно этой методике, изучение концепта должно двигаться от исследования внутренней формы слова (по Потембне: ближайшего этимологического значения, звукообраза) и комплекса лексических значений слова к анализу исторических, социальных и культурологических условий, традиций словоупотребления, к иным, неязыковым, фактам культуры (обычаям, традициям и т. п.)². Слово имеет когнитивную память: «смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка»³, которые накапливаются в его семантике и расцениваются как важнейший компонент концепта.

Мы ставим вопрос о целесообразности обратного хода исследовательской мысли: анализа не концепта через слово, а слова – через концепт. Это возможно в контексте того, что уже известно о концептосфере языка – того ее сегмента, в котором используется анализируемый концепт. Для этого необходимо обратиться к фактам особого употребления тех слов, которые уже «замечены в причастности» к вербализации концептов. В той же мере важен анализ и широкого социального контекста функционирования слова, его социолингвистической и лингвокультурологической «биографии», в аспекте новых возможностей обозначения экстралингвистических феноменов.

Поэтому второе интересующее нас направление изучения концепта связано с его формированием и использованием в контексте особого социокоммуникативного конструкта, называемого *дискурсом*.

Как неоднородны имеющие множественные наслоения концепты⁴, так неоднородна и многоаспектна подвергающаяся концептуализации коммуникативная и ментальная сфера их функционирования. В границах социального бытия в ней выделяются области общественной деятельности, коммуникации и общественного сознания, которые называются дискурсами. Связь дискурса с концептом представляется связью на уровне функционального аспекта слова, маркирующего концептуальную специфику дискурса: комплекс идей, представлений, характер культурных наслоений на речь и общение, стиль мышления.

В дискурсе, определяемом как коммуникативная ситуация, ставшая фактом культуры⁵, выделяются, помимо лингвистического, социальный (деятельностный, этнически и исторически обусловленный), связанный с социальным коммуникативный аспект, характеризующий общение, речь в той или иной сфере жизни общества, а также когнитивный – комплекс знаний, содержащихся в дискурсивных сообщениях.

Для понимания специфики профессионального дискурса важно иметь в виду, что дискурсом является как целостное континуальное образование (дискурс эпохи, личности, этноса), так и его разновидности – «дискурсивные формации», – которые образуются «на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса»⁶. Заданность коммуникативных ситуаций в сочетании со спецификацией знания, обусловленной жесткой прагматикой и общения, и использования знания, особенно полно воплощается в *дискурсе профессиональном*.

Профессиональная деятельность и сфера профессиональной коммуникации являются важнейшим аспектом социальной жизни. Поэтому взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов речи, и единство речи как механизма когниции и как социального действия, особенно отчетливо проявляется в профессиональном дискурсе. Вот почему интерес к нему растет, и он активно изучается наряду с такими практиками, как дискурс политический, деловой, рекламный, художественный, научный, газетный, просветительский и т. д. – в коммуникативном, когнитивном, культурологическом, лингвистическом аспектах⁷.

Юридический дискурс как подтип дискурса профессионального отличается своеобразием сферы коммуникации и рядом параметров, соответствующих названным выше аспектам: социальному, коммуникативному, когнитивному, лингвистическому. Юридический дискурс можно определить как общение, обусловленное формами юридической деятельности, отличающееся многообразием жанров, стилей, ситуаций, спецификой отбора языковых средств и их функционирования, а также как область смыслов, сформированных на основе специфицированного знания и реализуемого в этой сфере типа мышления.

С точки зрения организации коммуникации юридический дискурс характеризуется системой

речеповеденческих традиций и норм, регулирующих правовым и профессиональным этикетом, проявляющихся, например, в ранжировании средств обозначения лиц, обращений, этикетных формул, запрете употребления в официальных ситуациях отдельных слов и оборотов и т. п. Регламентированные коммуникативные ситуации и жанры общения сочетаются в юридической сфере с нерегламентированными. Поэтому с точки зрения целенаправленности и прагматической обусловленности общения юридический дискурс отличается относительной системностью и институциональностью (наличием коммуникативно-ролевых рамок общения), что позволяет предположить разомкнутость границ юридического дискурса и его активное взаимодействие с другими дискурсивными формациями и другими сферами культуры и жизни общества.

Юридический дискурс характеризуется своеобразием не только коммуникативной практики, но и концептуализации представлений о мире. В многовековой истории профессиональной деятельности юристов и в профессиональной среде сегодняшнего времени формируется своя картина мира со своим набором концептов, отраженных отчасти в терминах и специальных понятиях (*закон, норма, законный/незаконный⁸, преступление/правонарушение, наказание, de facto/de jure* и т. п.), отчасти – в юридической спецификации онтологических и гносеологических универсалий (*человек, личность, государство, право, владение, справедливость, власть* и т. п.).

Если происходит смещение в каком-то из названных полей дискурса (сфере коммуникации, сфере культурологических представлений или типе мышления), можно вести речь о возникновении интердискурса. Такое явление имеем, например, в отражении профессионального дискурса в художественном произведении, которое не сводится только к стилизации речевых и коммуникативных особенностей профессиональной сферы, но включает воспроизведение других параметров дискурса: представлений, характера мышления, концептов. При этом стилизация дискурса подчинена не столько индивидуализации героя, сколько воссозданию исторического социокультурного фона художественного образа. Возникают своеобразные дискурсивные проекции в художественном тексте⁹.

В качестве ментальной базы (основания дискурсивности) юридического дискурса исследователи называют главенствующий в нем особый тип мышления – так называемое *правовое мышление*¹⁰, отличающееся целым рядом модусов мысли: направленностью на социальные явления, главенством категорий прав и обязанностей, установкой на диалог, специфическим целеполаганием мыслительного процесса, ориентированного на состязательность и доказывание, системностью мысли особого рода – подчиненной системности права, связью с императивным, волевым характером правового сознания и т. п.¹¹

С точки зрения лингвистической организации дискурса, разные дискурсивные формации, и профессиональный дискурс в частности, отличаются лексическим маркированием. Не случайно в лексике той или иной разновидности профессионального дискурса формируется пласт прагматически обусловленных единиц, слов узкоспециального употребления – терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонов.

Но и нетерминологические слова могут стать лексическими маркерами профессионального дискурса. В юридическом дискурсе это целый ряд слов, обозначающих самые разные феномены этического, психологического, умозрительного, когнитивного характера, связанные с профессиональной деятельностью и правовым сознанием юриста. Они-то и получили название «ключевых слов» или «ключевых концептов» юридического дискурса¹².

Цель данной статьи – рассмотреть не концепты, а особенности их интеграции в другие сферы культуры, обусловленность содержания концепта его словесным знаком и движение ключевого концепта за пределы профессионального дискурса в иные сферы коммуникации (дискурс политический, художественный). Мы предполагаем, что функционирование слова в качестве обозначения ключевого концепта не только обогащает его иными смыслами, но и в какой-то степени концептуализирует сам языковой знак: само слово, обозначающее концепт, становится концептом. Вот почему в название статьи вынесено понятие «слово-концепт»¹³, под которым понимается слово с преобразованным, обогащенным концептуальным содержанием, маркирующее общественно значимые оценки феноменов социальной действительности. Сдвиги в концептуальном содержании слова являются результатом выхода профессионального концепта в другие виды дискурса.

Возможность такого движения можно продемонстрировать на примере лексемы *дело*, которая получила в культуре особое употребление, трансформирующее профессиональное содержание концепта и в то же время сохраняющее следы принадлежности юридическому дискурсу.

Н. С. Скрипичникова рассматривает это слово в ряду «ключевых концептов» речи работников правоохранительных органов и даже выстраивает схему основных направлений его использования в юридическом дискурсе (работа, занятия, деятельность, судебное разбирательство: *завести, закрыть дело, уголовное дело* и т. п.)¹⁴. Эти направления напрямую соотносятся со словарными значениями самого слова, что позволяет предположить обусловленность концептуального потенциала слова его интенционалом, прямую связь концептосферы и словаря. Значениями лексемы *дело* являются 'работа, занятие, деятельность', 'административное, судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта; судебный процесс', 'собрание документов, относящихся к

какому-либо факту или лицу'¹⁵, реализованные в употреблениях *текущие дела, по делам службы, возбудить дело* и т. п.

Слово многозначное (15 значений по МАС), и, помимо трех названных выше значений, концептуально «заряжены», т. е. потенциально могут участвовать в категоризации социокультурных феноменов, и такие его значения, как 'деятельность, направленная к осуществлению, достижению чего-либо' (ср. *дело Ленина, дело революции*), 'практическая деятельность, действие, в противоположность мыслям, словам'; 'поступок', 'то, что полезно, важно, существенно' (ср. *доказать не словом, а делом*), 'специальность, профессия, круг занятий, область знаний или навыков' (ср. *иметь дело в руках*), 'промышленное или коммерческое предприятие' (ср. «*Дело Артамоновых*»), 'деловая надобность, нужда, потребность; отношение, касательство, причастность'¹⁶ и т. д.

Слово может обозначать и события, что важно для выбранного нами направления исследования его концептуального наполнения; в словаре эту возможность отражают такие значения, как 'сражение, бой' (*Грушницкий сльвет отличным храбрецом; я видел его в деле...*), 'происшествие, событие, факт' (*Дела давно минувших дней...*), 'положение вещей, обстановка, обстоятельства' (*дела на фронте очень тяжелые...*)¹⁷.

Терминологическое же значение слова связано с документоведением. Согласно Государственному стандарту, *делом* называется совокупность документов, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещенных в отдельную обложку¹⁸. Юридическое значение: 'административное, судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта; судебный процесс' (*уголовное дело, гражданское дело*) – может рассматриваться как семантический коррелят термина из сферы документооборота: как обозначение процесса и текстовой его фиксации, потому что документация, посвященная судебному разбирательству, тоже называется «Дело». Именно это семантическое сращение и получает концептуальное переосмысление в разных видах дискурса.

Можно выделить две ступени вторичной концептуализации «документного» (в комплексе со значением «процессным») значения слова *дело*, две степени усложнения его концептуального содержания. Во-первых, это частичная нейтрализация значения в текстах иностилевой, не связанной с деловой или профессиональной юридической деятельностью, сферы, и, во-вторых, полная утрата значения юридического документа и переход в область обозначения политических, историко-культурных и иных (например художественных) концептов.

Частичную нейтрализацию узкоспециального содержания это слово претерпевает в популяризации судебного красноречия – в публикации судебных речей знаменитых отечественных юристов (например, А. Ф. Кони, С. А. Андреевского, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича и др.), где оно

используется в названии текстов публикуемых речей: «*Дело об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем*» (А. Ф. Кони¹⁹), «*Дело Н. А. Лукашевича, обвиняемого в убийстве мачехи*» (Ф. Н. Плевако²⁰), «*Дело Е. И. Маркова и редактора "Нового времени" Ф. И. Булгакова. Обвинение в диффамации и оскорблении*» (С. А. Андреевский²¹) и т. д.

В качестве опорного компонента номинации тех или иных ситуаций судебного разбирательства оно маркирует реальность события и ту сферу социальной жизни, к которой относится данное произведение ораторского искусства адвоката или прокурора. Само ораторское мастерство, владение технологиями ведения судебной полемики, стратегия защиты или обвинения и т. п. воспринимаются, благодаря такой номинации, как явление общественно значимое.

Заголовки с опорным словом *дело* позволяют не только продемонстрировать связь с профессиональной протокольностью изложения дела, но и придает тематическую целостность повествованию. Выполняя текстовую функцию заголовка, слово маркирует также и событийный статус того, о чем повествуется в данном тексте (это не просто событие, ситуация, случай из жизни, а то событие, которое стало юридическим фактом и разбиралось в суде). Многочисленно воспроизведенная в роли мета-средства номинации текста, лексема *дело* развивает признаки концепта (регулярность употребления в сходных контекстах – одно из условий формирования концепта)²².

Особо следует отметить, что целью публикации судебных речей составители объявляют не мастер-класс по ведению защиты или обвинения, а именно речевое мастерство – искусство судебного красноречия. Поэтому выбор названия текста, сама однотипность грамматической модели заголовка не случайны: такие названия призваны указать на ситуацию появления речевых произведений, форму речи (устное выступление), отношение оратора к повествуемому событию и актуализировать связь этих событий со сферой юридической деятельности.

Названия с лексемой *дело* строятся по регулярно воспроизводимым семантико-синтаксическим моделям, выбор которых зависит от степени «протокольности» даже не передачи речи, а замысла издателя.

Например, в собрании речей А. Ф. Кони заголовки большинства текстов предельно точно отражают юридическую квалификацию тех событий, которым посвящена речь:

Дело о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой;

Дело о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Гермении Акар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов;

Дело об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению;

Дело о подлоге завещания капитана гвардии Седкова;

Дело о нанесении побоев губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину, вызвавших смерть последнего;

*Дело о французской подданной Маргарите Жюжан, обвиняемой в отравлении*²³.

Модель *Дело о...* не является типичным названием той совокупности разнородных материалов, которые сложены в папку и названы «Дело», потому что нарративная направленность – рассказ о событии – не является целью «Дела». Его функция – документальная фиксация события и правовых процедур с прицелом на использование материалов в качестве доказательства в суде (средство идентификации «Дела» – его номер: *Дело № ...*).

Модель *Дело о...* задает повествовательную перспективу через детализированную юридическую квалификацию событий: кто что совершил, в отношении кого или чего. Сами заголовки представляют собой развернутую повествовательно-резюмирующую развернутую конструкцию со множеством языковых черт профессиональной юридической речи: употреблением терминов и профессионализмов, в числе которых отглагольные образования, характерные для деловой речи, например, обозначения преступных действий (*подлог, нанесение побоев, отравление, ввоз, вывоз, выпуск, подделка, обращение билетов* и т. п.), социальные понятия (звания, гражданский статус лица, должности и т. п.: *княгиня, акушер, дворянин, губернский секретарь, капитан гвардии, мещанин, французская подданная* и т. п.), названия документов, ценных бумаг (*завещание, акции, рубли серебром, кредитные билеты* и т. п.). Можно отметить также случаи прономинализации прилагательных и причастий – частичной их десемантизации в результате употребления в функции местоименного слова (*данный, настоящий, последний* и т. п.), специфический синтаксический строй, например, употребление регулярно воспроизводимых в юридической речи конструкций: *обвиняемый в..., вызвавшим смерть...* и т. п.

Связь приведенных выше заголовков с юридическим дискурсом выражается также в стилизации протокольного воспроизведения произнесенной на суде речи юриста или даже стенографии судебного заседания, на котором была произнесена речь адвоката, например, по «Делу Цедербаума с Лютостанским»²⁴, и ремарках типа *Дело слушалось в Тверском окружном суде. Сущность дела видна из речи*²⁵.

Несмотря на стилистическую близость жанрам юридического дискурса: протоколам, стенограммам судебных заседаний – эти тексты в их популяризаторской публикации представлены как произведения судебного ораторского искусства. Можно предположить, что сами речи создавались с установкой не только на рациональное, но и на эстетическое их восприятие (пафос как

эмоционально-эстетическая окраска речи, наряду с логосом и этосом, является необходимой составляющей ораторского произведения).

Извлеченная из протокола и представленная широкому читателю, речь судебного оратора покидает пределы юридического дискурса и становится достоянием других областей культуры – той области русской словесности, которая поднимает животрепещущие вопросы социального бытия, духовной жизни общества, политики, нравственности, власти, в которой находят отражение художественные, публицистические, ораторские традиции.

Заголовок же, отсылающий к дискурсу-источнику, призван создать контраст документальной точности факта, делового речевого стандарта и оригинальности словесного искусства оратора, яркости и эмоциональности его оценок описываемых событий. В популярном издании эти тексты могли бы быть названы и иначе, например, менее определено: *Об убийстве мужем жены*²⁶ – такой заголовок более бы соответствовал целям типизации, обобщения, рассуждению о психологии, общественных нравах. Но употребленное в заголовке обозначение *дело* способствует созданию эффекта протокольной беспристрастности повествования.

При этом концептуализируется и слово, оно становится знаком типизированных событий и оценок: *дело* – это не только расследование и его результаты, сложенные в папку, но и деяние обвиняемого, обстоятельства его преступления, мотивы, причины, среди которых могут быть трагические состояния души, отчаяние, заблуждения, это еще и эмоциональный юридический подтекст: равнодушие присяжных, адвокатов, общественности, нравственный облик участников процесса, осуждение, сочувствие, общественный резонанс события, его след в истории общества и т. д. и т. п. Получая эти и многие другие смысловые наслоения, слово становится «сгустком культуры».

Это особенно верно для модели *Дело кого...* (метонимия от *Дело по обвинению кого*), в которой в качестве второй части употребляется наименование лица (лиц), чаще всего имя обвиняемого. В отличие от модели *Дело о чем...*, эта конструкция более емко выражает гуманистический пафос произведения судебной речи, поскольку в центр внимания выносятся человек: «Дело ксендза Белякевича»²⁷, «Дело люторических крестьян»²⁸, «Дело Бартенева»²⁹ и т. п.

Эта модель так выразительна, что, даже будучи развращены в опубликованной речи, заголовки сокращаются во вторичном свободном их употреблении до двухчленных сочетаний: «Дело Веры Засулич» (из практики А. Ф. Кони), «Дело игуменьи Митрофании», «Дело Прасковьи Качки», «Дело Саввы Ивановича Мамонтова»³⁰ (из практики Ф. Н. Плевако) и т. п.

Они же используются и в художественной стилизации жанра судебной речи. Так, «Дело корнета Елагина» И. А. Бунина не просто воспроизводит в деталях «Дело Бартенева» из практики

Ф. Н. Плевако и стилизует профессиональную манеру изложения дела, жанр судебного ораторского искусства – защитительную речь, выступление адвоката³¹, но и заимствует даже саму модель номинации судебного повествования. Интересна также отсылка к слову *дело* в самом начале рассказа, в котором явственно проступает концептуальное его содержание, обнаруживаемое во множестве эпитетов и контекстуально замещающих его номинаций (*бульварный роман, случай, поступок*):

Ужасное дело это – странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой – очень сложно, похоже на бульварный роман, – так все и называли его в нашем городе, – и в то же время могло бы послужить к созданию глубокого художественного произведения... Вообще справедливо сказал на суде защитник.

– В этом деле, – сказал он в начале своей речи, – нет как будто места для спора между мной и представителем обвинения: ведь подсудимый сам признал себя виновным <...> Допустим, что моя цель – добиться только снисхождения подсудимому. Я бы мог тогда сказать немного. Законодатель не указал, чем именно должны руководствоваться в случаях, подобных нашему, он оставил большой простор их разумению, совести и зоркости, которым и надлежит в конце концов подобрать ту или иную рамку закона, наказуемого деяние. И вот я <...> будил бы в судьях чувства добрые и делал бы это тем настойчивее, что ведь он отрицает лишь одно в своем поступке: сознательную злую волю. Однако и в этом случае мог ли бы я избежать спора с обвинителем, определившим преступника не более не менее, как «уголовным волком»?»³²

Художественная рефлексия ищет и находит в концепте *дело* человеческое и общественное измерение. У И. А. Бунина это трагизм декадентской романтизации любовной страсти, смерти, романтической маски символизма, которая прирастает к личности настолько, что человек не ощущает грани между жизнью и искусством и гибнет, умирает. И смерть его лишена всякой художественности – это не прекрасный уход с розой в бледных пальцах в антураже изысканных интерьеров, а безобразный акт преступления, беспощадно предъявленный публике в физиологических подробностях близости, отравления, алкогольного возлияния – почти по протоколу, как это принято у юристов, у судмедэкспертов. Художественное обобщение возвышается до того, что возводит трагедию конкретного преступления от человеческих отношений к судьбам культуры: по Бунину, это трагедия русской литературы, ищущей красивой гибели в фантазиях символизма³³.

Еще одно художественное прочтение концепта – использование модели *Дело кого...* с контрастным подтекстом, как в художественном сюжете о ложном обвинении невинного человека в киноленте Ю. Германа, И. Хейфица «Дело

Румянцева». То, что названо здесь *делом* – является делом фиктивным, наветом, ложью, злой волей нечестных людей (или нечестной власти), направленной на уничтожение честных людей. Примененное к ним обозначение *дело кого...* возвышает *кого* до уровня героев, гонимых властью, обществом, страдающих и стойких в своем страдании. Именно в таком оценочном контексте слово-концепт *дело* используется сегодня в политическом дискурсе (см. ниже).

Так называемые «громкие» дела в уголовной и политической истории нашей страны тоже оформляются по модели *Дело кого: Дело Бейлиса*, известное в связи с протестом русских писателей во главе с В. Г. Короленко против антисемитизма, проявившегося в этом деле о ложном обвинении еврея Бейлиса. Само это дело и участие в судьбе обвиняемого писательской общественности упоминает, например, Н. Н. Берберова в мемуарной книге «Курсив мой. Автобиография»³⁴. На слуху также *Дело врачей* времен сталинского режима и т. д.

Слово участвует в обозначении исторически значимого политического события, ставшего символом эпохи. Его выход за пределы юридического дискурса очевиден, хотя сохраняется и связь с расследованием, обвинением, судебной государственной машиной. Такое явление – наложение одного дискурса на другой (юридического на художественный, политический) – позволяет говорить о существовании такой формации культуры, как интердискурс.

Интердискурсивное употребление модели *Дело кого...* и сегодня востребовано и развивает шлейф разнородных коннотаций, что наглядно демонстрируют примеры из современной речи (материалы взяты из Национального корпуса русского языка³⁵, далее – НКРЯ):

В ближайшее время в кассационной коллегии Мосгорсуда будет рассматриваться дело Евгения Николаева и Алексея Голубовича, так называемое дело «лимоновцев» (А. Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 22.08.2003);

Просто, понятно и вполне конкретно. «Дело Ходорковского», «дело Гусинского», «дело Березовского». Обыватель, особенно из тех, кого радует не то, что тебе хорошо, а что соседу плохо, может спать спокойно (И. Гальперин. Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 09.08.2003);

Такое отношение к простым военным, на плечах которых выиграли кампанию 1999–2000 годов и внесли на престол нынешнюю власть, не вызывает уже никакого удивления и вообще эмоций после оглашённого за неделю до Моздокской трагедии приговора Северокавказского военного суда в Ростове-на-Дону по делу Буданова (А. Гамаюн. Северокавказский приговор // «Завтра», 06.08.2003);

Но имеющаяся информация уже сейчас позволяет категорично заявить: «дело Ахатовой» – это очередная провокация против элитных российских спортсменов (А. Митьков. «Она была на

границе жизни и смерти...»). Лучшую российскую биатлонистку обвиняют в применении допинга // «Известия», 20.02.2003);

Зачастую о громких уголовных делах начинают говорить задолго до начала процесса. Вспомнить хотя бы дело Холодова. О нём пишут уже многие годы (Лед тронулся // «Газета», 02.07.2003);

Вспомните, например, дело Никитина (в 1996 году норвежские власти обвинили Александра Никитина в том, что он передал норвежской экологической организации «Беллуна» данные о радиоактивном загрязнении в районах базирования российского Северного флота). Можно спорить, правомерно или нет засекречены материалы, которые он передавал норвежцам, но они были засекречены (Н. Леонов, Наталия Геворкян. Кому мешают русские шпионы // «Коммерсантъ-Власть», 1998);

Нам же ближе «полоненное дело» Александра Литвиненко, до сих пор не раскрытое, но, кажется, навсегда связанное западными медиа с заказом Кремля (П. Скоробогатый. Убийство на экспорт // «Эксперт», 2015) и т. п.

Коннотация заключается, например, в ироническом отношении к тому факту, которое обозначено конструкцией *Дело кого...*: это сомнение в правомерности заведения дела на то или иное конкретное лицо, конфронтационное настроение по отношению к власти, недоверие к судебной системе. Отсюда различные средства выражения иронии: кавычки, оборот *так называемое...*, общий иронический тон повествования.

На месте имени обвиняемого может стоять и название учреждения: *Дело ЮКОСа, Дело Сибнефти*. Во второй части конструкции встречается и имя потерпевшего: *Прокуратура похоронила дело Кукуры*. *В среду прокуратура Московской области приостановила следствие по делу о похищении первого вице-президента нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» Сергея Кукуры* (Л. Беррес. Прокуратура похоронила дело Кукуры // «Известия», 12.02.2003). Реже используются имена истца и ответчика: *Дело Ароян – Киркорова* и т. п.³⁶

Семантическими тенденциями в использовании моделей с именами (названиями) можно считать, во-первых, актуализацию нарративной глубины концепта *дело* – повествовательной перспективы, которую это слово задает уже в названии текста (*дело* – наименование деяния-события); во-вторых, антропоцентрический подтекст, актуализирующийся в номинации юридического события, реализующий философский принцип древних, в том числе и древнего права: *homo est mensura omnia rerum* (человек есть мера всех вещей); имя маркирует человеческую «меру», знаком события в истории и культуре становится человек; в-третьих, формирование особого, контекстуально (и даже конструктивно – в составе определенной конструкции) обусловленного значения самого слова, которое можно было бы сформулировать как «общественно значимое со-

бытие криминального характера, подвергшееся расследованию, рассмотренное в суде».

Совершенно очевидно, что на протяжении большого периода русской истории (по нашим наблюдениям, не позже чем с середины XIX в.) модель *Дело кого...* используется не просто как свернутая номинация юридического события (*дело по обвинению...*), а как выразительное средство.

Выразительностью обладают и другие метонимические свертки, которые тоже пополняют фонд «юридических» номинаций исторического дискурса, например, трансформации модели *Дело о чем...* в сочетании с относительным прилагательным: «полониевое дело», «хлопковое дело», «бриллиантовое дело» (Зои Федоровой) и т. п., или по месту совершившихся преступлений: *Саратовское дело* 1853 г. (о ритуальном убийстве детей, это дело до сих пор на знамени антисемитизма и черносотенства), *Чубаровское дело* 1926 г. (по названию сквера Чубарова в Ленинграде, дело о групповом изнасиловании, давшее толчок к борьбе общества с разгулом хулиганства в 30-е гг. прошлого века), *Ленинградское дело* 40–50 гг. прошлого века, *Врадиевское дело* 2013 г. (по названию с. Врадиевка на Украине, это дело об изнасиловании и покушении на убийство с участием милиционеров, безнаказанность которых спровоцировала народные возмущения на местах и отчасти кризис власти на Украине).

Так, посредством уже одного только слова-концепта юридический дискурс оказывается активно интегрированным в дискурс художественный, политический, а через него – в исторический. Сфера использования профессионального лексического маркера *дело* в ходе этой интеграции становится дискурсивно нечеткой, неопределенной по всем трем составляющим дискурса: в области коммуникативной (изменяются ситуации, цели, стилевые установки использования ключевого для юридической речи концепта *дело*), когнитивной (меняется стиль мышления, подача информации: слово становится средством не столько номинации, сколько интерпретации и оценки социально значимых событий, изменяются его отношения с другими средствами когниции – обозначением людей – участников событий, места события), историко-культурной (в составе целостных номинативных единиц слово пополняет фонд обозначений исторических событий).

Все это позволяет сделать вывод об актуальности интердискурса как того дискурсивного образования, которое является областью взаимодействия разных дискурсивных формаций, в котором могут скапливаться различные, выбившиеся, подобно слову *дело*, из своей дискурсивной среды, концептуальные единицы. Именно такие миграции концептов свидетельствуют о непрерывной изменчивости концептосферы культуры и о культурной ассимиляции разных направлений коммуникации.

Сегодня отмечается, что «интердискурсивность» – характерная черта современного обще-

ния, и ни один тип дискурса не является замкнутым и завершенным, а «взаимодействие элементов различных дискурсов, которые используют конкретный язык, меняет определенный дискурс и – как следствие – социальный и культурный мир... “борьба дискурсов” вносит вклад в изменение социальной реальности»³⁷.

Еще один вывод касается трансформации по линии выразительности институциональных, «невыразительных» типов дискурсов – делового или юридического. Говоря о текучести современных дискурсивных практик, о преобладании структуры над структурами, О. Г. Ревзина сетует об утрате художественным дискурсом русской классической литературы «бесценного значения интертекстуального донора»: «Современный художественный дискурс мало востребован социумом. Широкое распространение получил интертекстуальный фонд, представленный в СМИ, с его установками на редукцию культурной памяти и сосредоточению вокруг параметров “здесь” и “сейчас”»³⁸. Можно предположить, что такое перераспределение в актуализации сфер культуры обуславливает те трансформации, которые были продемонстрированы на примере концепта *дело*.

Изменяются направления формирования интертекстуальности: символический фонд культуры пополняется не сверху – с высот художественного гения, а снизу – за счет интереса общества к текущему моменту, его месту в современной социальной жизни и истории, к правде самой жизни, ее страстям, слезам, порокам, потерям, боли, испытаниям, т. е. к конкретным человеческим судьбам, хранящимся в картонной папке с лаконичной надписью «Дело».

Примечания

- 1 Степанов Ю. Константы : Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 42.
- 2 Там же. С. 6.
- 3 Ангелова М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2004. С. 3. URL: <http://www.mgimo.ru/library/publications/1004201> (дата обращения: 19.10.2016).
- 4 См.: Степанов Ю. Указ. соч. С. 48.
- 5 См.: Палашевская И. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 535–539.
- 6 Ревзина О. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 67. URL: <http://www.oleshkov.info-tag.ru> (дата обращения: 20.09.2016).
- 7 См., например, работы по разным дискурсивным, профессионально обусловленным формациям: Йокяма О. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их прагматическое моделирование // Изв. Урал. гос. ун-та. 2003. № 25. URL: <http://www.oleshkov.info-tag.ru> (дата обращения: 20.09.2016) ; Коновалова М. Гло-

- бальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008 ; *Крапивкина О., Непомилев Л.* Юридический дискурс : понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://www.human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 26.04.2015) ; *Попова Л. Е.* Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005 ; *Ракитина С.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007 ; *Ее же.* Научный текст – дискурс – дискурсивная деятельность // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. А. Ворожбитовой. Сочи, 2003. С. 97–104 ; *Ширяева Т.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
- 8 Именно с анализа этого противопоставления концептов (*законный/противозаконный*) Ю. С. Степанов начинает размышления о социокультурологической специфике концептов (см.: *Степанов Ю.* Указ. соч. С. 43).
- 9 Проекция из профессионального дискурса (в социокоммуникативном аспекте) в художественный текст мы продемонстрировали в работах: *Авдевшина О.* Дискурсивные проекции в художественном тексте (постановка проблемы) // Русская литература и современные проблемы образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 15 октября 2015 г.). Саратов, 2015. С. 33–39 ; *Ее же.* Профессиональный дискурс в художественном тексте // Русская речевая культура и текст : материалы XI Междунар. конф. (Томск, 15–16 апреля 2016 г.). Томск, 2016. С. 209–216.
- 10 См.: *Храмцова Н.* Правовой дискурс и дискурсивность права // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 57–61.
- 11 Там же.
- 12 См.: *Скрипичникова Н.* Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 120–123.
- 13 Возможно даже в слитном написании: *словоконцепт* – или *словесный концепт* – в значении концептуализированной лексической единицы.
- 14 См.: *Скрипичникова Н.* Указ. соч.
- 15 См.: *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. I. А–Й. (МАС).
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 См.: Государственный стандарт РФ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», 1998. URL: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (дата обращения: 10.09.2016).
- 19 См.: *Кони А.* Избранные труды и речи. М., 2015.
- 20 См.: *Плевако Ф.* Избранные речи. М., 2015.
- 21 См.: *Андреевский С.* Судебные речи. М., 2015.
- 22 См.: *Степанов Ю.* Указ. соч.
- 23 См.: *Кони А.* Указ. соч.
- 24 См.: *Андреевский С.* Указ. соч. С. 139–146.
- 25 Там же. С. 52.
- 26 «Дело Андреева. Убийство жены» (Там же. С. 335).
- 27 Там же. С. 235–245.
- 28 См.: *Плевако Ф.* Указ. соч. С. 587–608.
- 29 Там же. С. 609–635.
- 30 В приведенном издании речей Ф. Н. Плевако заголовки представляют собой заголовочные комплексы, которые включают названную модель заголовка и уточняющую часть о существе дела (причастие *обвиняемый* в ... – мелким шрифтом), например: «Дело П. П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского» (Там же. С. 386).
- 31 Подробнее об этом см.: *Авдевшина О.* Профессиональный дискурс в художественном тексте.
- 32 *Бунин И.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1988. С. 172–173.
- 33 См.: *Грачева А.* Рецепция символизма в эмигрантском творчестве И. А. Бунина («Дело корнета Елагина»). URL: <http://www.postsymbolism.ru/joomla/index> (дата обращения: 01.10.2015).
- 34 См.: *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=122279> (дата обращения: 10.07.2016).
- 35 Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 20.06.2016).
- 36 См., например, новостные сайты: Официальный сайт филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Дон-ТР». URL: <http://dontr.ru/vesti/proisshestviya/33201> (дата обращения: 15.10.2016) ; Mediaport. URL: <http://www.mediaport.ua/news/culture/14981> (дата обращения: 15.10.2016).
- 37 *Иссерс О.* Интердискурсивность и интеркодировость в новых коммуникативных практиках русского языка // Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык : исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 г.). М., 2010. С. 119.
- 38 *Ревзина О.* Русский дискурс в XXI веке : структура и структурация // Там же. С. 138.

Образец для цитирования:

Авдевшина О. Ю. Слово-концепт «дело» в русском интердискурсе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 137–144. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144.

Cite this article as:

Avdevnina O. Yu. Word-Concept 'Case' in the Russian Interdiscourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 137–144 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-137-144.

УДК 821.161.1.09-1+929Иванов

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ЛИРИКИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА В АСПЕКТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИДИОСТИЛЯ

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tarasovaia@mail.ru

В статье рассматриваются коммуникативные модели лирики Г. Иванова и их смена от петербургского к эмигрантскому периоду творчества. Высказывается предположение, что изменение коммуникативной структуры стихотворений может служить одним из маркеров эволюции индивидуального стиля.

Ключевые слова: Г. Иванов, идиостиль, лирика, коммуникативная модель.

Communicative Structure of Georgy Ivanov's Lyric Poetry in Terms of Idiostyle Evolution

I. A. Tarasova

The article considers communicative models of G. Ivanov's lyric poetry and their transition from St. Petersburg period of work to that of the exile. An assumption is put forward that the change of the poems' communicative structure can serve as one of the indicators of the individual style evolution.

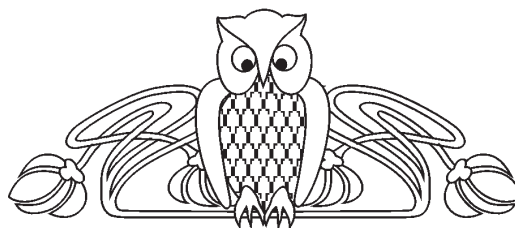
Key words: G. Ivanov, idiostyle, lyric poetry, communicative model.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-145-150

Впервые на возможность исследования лирического текста в коммуникативном аспекте указал Г. О. Винокур в оставшейся незавершенной статье «Я и ты в лирике Баратынского»¹. Там же в имплицитной форме содержится мысль о том, что изменение в способе выражения речевого субъекта может служить одним из показателей эволюции идиостиля (сравните выводы о росте стихотворений с явно не обозначенным адресатом в поздний период творчества Е. Баратынского).

Статья Г. О. Винокура стоит у истоков того направления изучения художественной речи, которое впоследствии получило название «поэтическая грамматика» (Р. О. Якобсон, Ю. И. Левин, Я. И. Гин, И. И. Ковтунова и др.). В работе И. И. Ковтуновой кратко изложена история изучения категории лица в лирике². Не повторяя основных положений этого обзора, добавим, что интересные наблюдения содержатся также в трудах Б. О. Кормана³ и развивающего его концепцию С. Н. Бройтмана⁴.

В работах по поэтической грамматике неоднократно высказывалась мысль о том, что формы выражения речевого субъекта и внутритекстового адресата можно рассматривать как важнейшую черту индивидуального стиля⁵.

Методологической значимостью обладает коммуникативная типология текстов, представленная в статье Ю. И. Левина «Лирика с коммуникативной точки зрения»⁶. Исходя из эксплицированных в тексте «я» и/или «ты», исследователь предлагает различать *эготивные* тексты (написанные от 1-го лица); *апеллятивные* тексты (организованные как единое обращение к эксплицированному адресату); тексты, одновременно *эготивные* и *апеллятивные*; тексты, в которых не выражена ни эготивность, ни апеллятивность. Основополагающим является утверждение Ю. И. Левина о том, что «для различных поэтов (или для разных периодов творчества одного поэта), как правило, характерно предпочтение определенных коммуникативных схем»⁷.

Таким образом, мы исходим из следующих общих положений, раскрываемых на материале поэзии Георгия Иванова: 1) типичные способы отношения между речевым субъектом и внутритекстовым адресатом можно представить в виде коммуникативных моделей (схем); 2) коммуникативные параметры лирического сборника определяются преобладающими коммуникативными моделями и речевыми формами диалога; 3) изменение коммуникативных параметров свидетельствует об эволюции поэтического идиостиля.

Объектом нашего анализа послужила коммуникативная организация пяти стихотворных сборников Георгия Иванова, созданных в разные периоды творчества: «Отплыть на о. Цитеру» (1911), «Вереск» (1915), «Сады» (1921), «Розы» (1931), «Посмертный дневник» (1958)⁸. Первые три принадлежат перу «петербургского» Г. Иванова, последние два наиболее ярко характеризуют лирику эмигрантской поры. Неоднократно привлекающие внимание исследователей существенные различия между «двумя Г. Ивановыми» – «петербургским» и «парижским» – находят в них свое коммуникативное проявление.

Два ранних сборника Г. Иванова, «Отплыть на о. Цитеру» и «Вереск», демонстрируют преобладание коммуникативной модели с формально не выраженным речевым субъектом и внутритекстовым адресатом. Максимум «объективированных» стихотворений приходится на «Вереск» – 20. Конечно, поэтическое я присутствует и в таких текстах, но «не как главный предмет описания, а только как субъект восприятия и чувства, неизбежный в лирическом тексте даже тогда, когда в нем нет слова я»⁹. В связи с этим современный

Г. Иванову критик недоумевал: «Почему поэт только видит, а не чувствует, только описывает, а не говорит о себе, живом и настоящем, радующемся и страдающем?»¹⁰

Преобладание неличных форм выражения авторского сознания оказывает влияние на жанровый состав «Вереска»: в это время излюбленным жанром молодого поэта является экфрасис:

Цитерский голубок и мальчик со свирелью,
На мраморной плите – латинские стихи.
Как нежно тронуты прозрачной акварелью
Дерев раскидистых кудрявые верхи...¹¹

В стихотворениях, построенных по эготивной модели, поэтическое *я* весьма своеобразно. Словно стараясь спрятать свое истинное лицо, автор прибегает к помощи «ролевого» субъекта. На несколько типов таких субъектов указывается в работе Е. А. Кац: это «фольклорный» персонаж («Мы пололи снег морозный...»), «мечтательный пастух» («Мечтательный пастух»), «восточный влюбленный» (газеллы), «инок» («Солнце Божие»), актер/актерка («Фигляр», «Бродячие актеры» и др.)¹². В результате поэтическое *я* предстает в различных образах, каждому из которых соответствует свое стилистическое наполнение. Так, в цикле «Солнце Божие» – это высокая церковнославянская лексика («прободенная», «осветленная», «пронзенная», «грядущий», «воскрес», «одежды»), слова из семантической сферы «Божественное» («Христос», «Господен», «ангел», «икона», «киот», «райский», «благостный», «схима»), христианская символика («розы Христовы рдяные», «трубный звук»).

Совсем иная речевая фактура доминирует в «актерском» цикле («Фигляр», «Бродячие актеры», «Болтовня зазывающего в балаган», «Я кривляюсь вечером на эстраде...», «Актерка»). В нем актуализируется лексика с отрицательными и сниженными коннотациями («размалевана», «девица», «зеваки», «клянчит», «кривляюсь»), в том числе в номинации самого говорящего («фигляр», «бродяги», «я ломака, я Пьеро»). Стихия сниженности отражается в предметном мире цикла («девица на летучей мыши», «картонный конь», «ученые прыгают блохи», «глупые чучела»), в сюжетных подробностях («Рыжекудрая Елена, / Наша общая жена», «сидим до ночи в деревенском кабаке», «нагруженные узлами, / Снова мы подошвы трем»).

Условно-романтический герой появляется в цикле «Любовное зеркало». Традиционным любовным мотивам сопутствует традиционно-поэтическая образность, граничащая со штампом («Купидоновы сети», «Амур пронзил меня стрелой», «сгорая в сладостном огне», «воркуют голуби премило» и под.).

По контрасту с этими речевыми масками, весьма далекими от внутреннего и внешнего облика их автора, в поздней лирике будет доминировать «чистый я-субъект» (по выражению Е. А. Кац¹³), наделенный чертами автобиографизма.

Таким образом, первое существенное коммуникативное отличие «петербургского» и «парижского» Г. Иванова проходит по линии ролевой я/«чистый я-субъект». Второе отличие касается речевых форм диалога, предпочитаемых в разные периоды творчества.

Ранние тексты Г. Иванова характеризует несколько парадоксальная коммуникативная особенность. В первых сборниках зафиксировано минимальное количество стихотворений (по 6), в которых говорящий и его адресат связаны отношениями апеллативности. Естественным было бы ожидать редкого употребления автором приема обращения. Однако это не так: обращения, призванные, по своей сути, «апеллировать» к адресату, представлены у раннего Г. Иванова в значительном количестве, особенно на фоне поздней лирики. Анализ семантики обращений приводит к выводу об определенном «напряжении» между формой и функцией этого поэтического приема: являясь по своей первичной роли средствами адресации, в ранней поэзии Г. Иванова они выполняют функцию номинации.

Так, герой-инок обращается к Христу, имитируя жанр акафиста с его многократными обращениями-характеристиками:

О, Христос, душ умиритель,
О, Христос, сердец пленитель,
Прободенный копием розан! (129).

В стихотворении, написанном от лица «мечтательного пастуха», возлюбленная именуется перифрастически – «моя звезда»:

И снова гимны я наигрываю
Тебе, тебе, моя звезда! (113).

Этому тропическому обращению соответствует в зачине стихотворения номинативная метафора «нежности звезда»:

Мне тело греет шкура тигровая,
Мне светит нежности звезда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада (113).

Когнитивное наложение этих тропов приводит к тому, что функция адресации воспринимается на фоне функции номинации, оставляя читателя в недоумении: какой звезде – небесному светилу или земной возлюбленной – посвящает свое пение «мечтательный пастух»?

Такая же семантическая неопределенность (лицо/не-лицо) отличает апеллатив «любовь», многократно повторенный в «Газелле»:

Скакал я на своем коне к тебе, о любовь.
Душа стремилась в сладком сне к тебе,
о любовь <...>
Истекши кровью, я упал на розовый снег...
Лечу, лечу, казалось мне, к тебе, о любовь
(118).

Как пронизательно замечает И. И. Ковтунова, обращение к не-лицам становится знаком особой близости предметов к лирическому *я*¹⁴. Особо ощутима функция этого приема в традиционно-поэтических обращениях, окрашенных

романтическим мироощущением, намечающих символические контуры идиллической «окрестности говорящего»: «Ах, ранняя весна, как мила мне ты!» (115); «Слабые струны, порвитесь! / Падай на камни, бессильная лира!» (128); «Как хорошо на пристани в Марсели / Тебя встречать, румяная луна» (163); «Напрасно ворковать слетаешь, голубок, / Сюда на тихий подоконник» (185). Введение этих периферийных (по выражению Ю. И. Левина) персонажей увеличивает густоту коммуникативных связей и в некоторой степени является противовесом преобладающей в ранней лирике модели с невыраженным субъектом и адресатом.

Итак, в первых стихотворных сборниках субъект речи ведет диалог не с конкретным адресатом, а с не-лицами. Формы обращения используются как коммуникативная метафора. Авторскому самораскрытию поэт предпочитает систему условных культурных масок. Сходные наблюдения позволили Н. Н. Николаенко сделать остроумный вывод о том, что ранние книги Г. Иванова строятся как «система оборонь» – натуры (т. е. своего «я», подлинных чувств и переживаний) от ранящих воздействий внешнего мира¹⁵.

Своего максимума метафорическая функция обращений достигает в «Садах»: 22 из 34 обращений этого сборника адресованы либо не лицам («старомодные пейзажи», «дерево, камни и вода», «воспоминанья», «моя могила», «отчизна отдаленная моя», «радость», «слава», «малиновка», «мой вышитый ковер», «высохшая роза», «александрийский стих»), либо лицам, не способным вступить в коммуникативный контакт с говорящим. Ролью адресатов речи, усиливающей иллюзию их реального существования, наделяются мифологические персонажи («Муза», «Персей», «влажный бог наяд»), герои произведений искусства («матросы гаваней Лоррена», «Селим»).

Современники чутко уловили эту вызывающую для революционной эпохи дистанционность и отстраненность Г. Иванова от жизни, проявляющуюся не только в мотивах и образах, но и на коммуникативном уровне: «Душа Георгия Иванова наблюдает жизнь лишь издали <...> Его душа вся только в грезах о прошлом <...> Очарованная этими “воздушными мирами”, его душа слепа для бытия вокруг нас в муках и радостях жизни»¹⁶.

В «Садах» обращения маркируют значимые для говорящего зоны лирического пространства: к ним относятся типичные для поэзии явления природы, воспринятые Г. Ивановым в «культурной перспективе» («Тяжелые дубы, и камни, и вода, / Старинных мастеров суровые виденья, / Вы мной владеете...» (218); «О, ветер старины, я слышу голос твой...» (218); «Моя любовь, она все та же / И не изменит никогда / Вам, старомодные пейзажи, / Деревья, камни и вода» (234)); явления внутреннего мира, подчеркивающие обращенность к себе, к состоянию своей души («Но

терпкая отрава / Осенняя в душе перевита / С тобою, радость, и с тобою, слава!» (219)). Не случайно именно душу появляющегося в этот период творчества лирического героя поэзии Г. Иванова считает А. Ю. Арьев главным образом «Садов»: «Этой заброшенной в мир поэтической душе, обремененной телом, посвящен весь ивановский сборник»¹⁷.

Семантика обращений позволяет указать и на другие новые черты, представленные в коммуникативной организации стихотворных текстов периода «Садов». Во-первых, это довольно широкое использование обращений в функции адресации («мой друг», «подруга», «моя дорогая», «дитя»). Во-вторых, их «вписанность» в актуализированную Г. Ивановым коммуникативную модель эготивно-апеллятивного типа (пик ее приходится именно на «Сады»). По ней построено 9 стихотворений, в том числе и отмеченные безусловным лирическим напряжением – «Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами...», «Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил...», «Оттого и томит меня шорох травы...». Параллельно с тем, как обращению возвращается его исконная роль вовлечения собеседника в коммуникацию, в текстах появляется эксплицированный адресат, выраженный формами 2-го лица:

Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами,
А холодное солнце еще над водою горит,
И большая дорога на запад ведет облаками
В золотые, как поздняя осень, Сады Гесперид.
Дорогая моя, проходя по пустынной дороге,
Мы, усталые, сядем на камень и сладко вздохнем,
Наши волосы спутает ветер душистый, и ноги
Предзакатное солнце омоет прохладным огнем...
(226).

«Сады» – сборник, связывающий поэтику раннего и позднего Г. Иванова. Например, в нем в последний раз появляется «ролевой» речевой субъект фольклорного типа («Нищие, слепцы и калеки...», «После легкого дождя...»). В то же время здесь в полной мере проявляется себя такое типичное для поздней поэтики Г. Иванова явление, как автокоммуникативность. Маркерами автокоммуникативности выступают совмещение форм 1-го и 2-го лица в отношении говорящего («Ты влюблен, ты грустишь, ты томишься в прохладе ночной» – «И, как ризу Господню, целую я платья края...» (216)), автономинация «поэт» («Сейчас по голубой пустыне, / Поэт, для одного тебя, / Промчится отрок на дельфине...» (230)), инфинитивные конструкции с обобщенным модальным значением, включающим говорящего («От сумрачного вдохновенья / Так сладко выйти на простор...» (230)).

Следующий за «Садами» сборник «Розы» характеризуется максимумом автокоммуникативных форм. Примерно половина из них включена в апеллятивную схему, типичную для «Роз». Ее коммуникативное содержание наиболее точно отражает особенности внутренней речи, с ее

эллиптичностью, недоговоренностью, эмоциональностью:

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звезды, и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пеня...
– И ты не поможешь ему (251).

Парагаксис второй строки объединяет в себе центральные символы «Роз», отсылающие к сфере смерти. Если «тьма» является универсальным культурным символом с архаическими корнями, то «звезды» и «розы» – индивидуально-авторские поэтические символы. Их сложная семантика реконструируется на основе обобщения всех контекстов употребления, из которых, в конечном счете, «вычерпывается» их амбивалентная символическая составляющая: «розы» – «символ земной красоты, вечной любви и жизни; символ поэзии; символ смерти»¹⁸; «звезда» – «символ красоты, счастья, высокого, неземного; символ вечности и бессмертия; символ смерти»¹⁹.

При всей противоречивости указанных авторских ассоциаций символика смерти в процитированном примере является, конечно, определяющей. Осознание собственной судьбы, ведущей к гибели, – основная тема «Роз», которая варьируется от стихотворения к стихотворению, причем само слово «смерть» эвфемистически маскируется – да и нет необходимости в прямой номинации в стихах, обращенных к самому себе:

Это только синий ладан,
Это только сон во сне –
Звезды над пустынным садом,
Розы на твоём окне <...>
Взмахи черных весел шире,
Чище сумрак голубой...
Это то, что в этом мире
Называется судьбой (251).

Магическая сила воздействия «Роз» – не только в их музыкальности, суггестивности символики, но и в том, что экзистенциальное содержание – в силу обобщающего свойства автокоммуникативных форм – воспринимается читателем как личностный смысл.

В силу типологической близости автоадресованности с неопределенностью адресата ряд автокоммуникативных стихотворений Г. Иванова можно расценивать как экзистенциальную про-вокацию:

Синеватое облако
(Холодок у виска)
Синеватое облако
И еще облака... <...>
Все какое-то русское –
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое,
Словно лодка с детьми... (260).

Дополнительная близость автора и читателя возникает за счет впервые активно используемой коммуникативной модели, построенной на употреблении местоимения «мы» в позиции говорящего. Г. Иванов считает себя вправе гово-

рить от лица «потерянного поколения» – первой волны русской эмиграции. Таким «программным» стихотворением открываются «Розы», что сразу помещает эту коммуникативную схему в «сильную» позицию:

Над закатами и розами –
Остальное все равно –
Над торжественными звездами
Наше счастье зажжено (247).

Всего стихотворений, соответствующих указанной коммуникативной модели, позволяющей читателю отождествлять себя с говорящим, восемь, что делает «Розы», с учетом аппеллятивного потенциала автокоммуникативности, самым «читательско-ориентированным» из проанализированных сборников.

Диалогическую направленность «Роз» усиливает частотность императивных форм (19) – «сильных» показателей диалога. Их обобщенно-личное значение коррелирует с основным признаком этого сборника – автокоммуникативностью. Неопределенность адресата (говорящий и/или собеседник) подчеркивается чередованием возвратных и личных местоименных форм:

Страсть? А если нет и страсти?
Власть? А если нет и власти
Даже над самим собой?
Что же делать мне с тобой? (257).

Прочитанное стихотворение включает целую серию отрицательных императивов:

Только не гляди на звезды,
Не грусти и не влюбляйся,
Не читай стихов певучих
И за счастье не цепляйся... (257).

В этих формах заключен весь спектр модальных оттенков: приятие – неприятие, притяжение – отталкивание, желание – нежелание. Апофатическая поэтика (утверждение через отрицание) вообще присуща «Розам», выражаясь, как мы видим, и через семантику коммуникативных формул.

В соответствии с общей концепцией сборника находится экзистенциальный характер пожеланий, передаваемых повелительным наклонением:

...Взгляни: горит
Между черных лип звезда большая
И о смерти говорит <...>
И в последний раз в пустые очи
Звезд бессмертных – погляди (258).

Итак, базовая коммуникативная модель лирики 1930-х гг. – аппеллятивна. В последнем сборнике Г. Иванова, «Посмертный дневник», она уступает место эготивной модели, по которой строятся 18 из 38 стихотворений. Не случайно название сборника отсылает к максимально субъективированному дневниковому жанру. В то же время в 16 стихотворениях сборника выявляется внутренний адресат – от друга, возлюбленной до оппонентов, врагов («В громе ваших барабанов / Я стороной проходил» (330); «Ведь до поэзии, до вечной русской славы / Вам дела нет» (336)). Можно увидеть в этом чередовании эготивной

и апеллятивной моделей «мучительный спор с самим собой – столкновение подчеркнутой самоизоляции с непобедимым притяжением живой жизни»²⁰, коммуникативное проявление экзистенциального одиночества перед лицом смерти («Не о чем мне говорить») и потребности разделить с собеседником последние часы («О, говори со мною, говори!»). Именно на этой высокой лирической ноте – мольбе-заклинании о продолжении коммуникации – заканчивается «Посмертный дневник»:

Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О, говори со мною, говори!
Пусть прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной (341).

Несмотря на сильную финальную позицию императива, не эта форма диалогической речи доминирует в «Посмертном дневнике». Коммуникативное своеобразие сборника создает поэтика вопроса: в 17 из 38 стихотворений содержится 23 вопроса. Большинство из них носят автокоммуникативный характер и обладают широким спектром коннотаций – от трагедийных до горько-иронических: «А рассуждения о вечности... Да и кому она нужна?» (338); «Сколько их еще до смерти – / Три или четыре дня?» (330); «И кому какое дело, / Что меня на свете нет?» (335).

Специфику измененных состояний сознания передают «абсурдные» вопросы типа «Ку-ку-реку или бре-ке-ке-ке? / Крыса в груди или жаба в руке?» (331); «Аспазия, всегда Аспазия <...> / А кто она была такая? / И кто такая Навзикая?» (331). Прорвать сжимающийся круг смерти помогают лирическому герою вопросы, обращенные к лирической героине:

Зачем, как шальные, свистят соловьи
Всю южную ночь до рассвета?
Зачем драгоценные плечи твои...
Зачем? Но не будет ответа.
Не будет ответа на вечный вопрос
О смерти, любви и страдании... (333).

К вопросам, задаваемым лирической героине, больше всего подходит определение «безответные». Адресатом, способным ответить на такой вопрос, может быть лишь «высший наадресат», «ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени»²¹. Это тот читатель-друг, к которому Г. Иванов мечтает «вернуться в Россию – стихами» (335).

Средством активизации читателя, приглашением его к соразмышлению выступают вопросно-ответные единства, имитирующие процесс поиска ответа во внутренней речи.

А что такое вдохновенье?
– Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка (336).

Другая функция вопросно-ответных структур – введение «чужой» точки зрения, противоположной авторской: «Вас осуждать бы стал с какой же стати я / За то, что мне не повезло?» (336). «Чужое слово» может маркировать внутренний спор с самим собой:

А может быть, еще и не конец?
Терновый мученический венец
Еще мой мертвый не украсит лоб
И в fosse commune мой нищий ящик-гроб
Не сбросят в этом богомерзком Иере <...>
Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет.
На что надеяться? О чем мечтать?
Я даже не могу с кровати встать (330).

Вопросно-ответные структуры могут носить характер метакомментариев, не только связывающих воедино текст творчества Г. Иванова, но и свидетельствующих об эволюции лирического героя:

На барабане б мною прогреметь –
Самоубийство.
О, если б посметь! <...>
Без барабана. И вовсе не злой.
Узкою бритвой иль скользкой петлей.
– Страшно?... А ты говорил – развлечение²².
Видишь, дружок, как меняется мнение (332).

Проведенный анализ коммуникативной организации разновременных сборников Г. Иванова свидетельствует о движении лирических текстов к эготивности с параллельным нарастанием форм, обладающих «сильными» признаками диалога (повелительное наклонение, вопрос); от внеличных форм выражения авторского сознания – к лирическому я.

С учетом этих отличий аргументация споров о периодизации творчества Г. Иванова приобретает коммуникативную составляющую, а в проблеме эволюции идиостиля выделяется еще один аспект.

Примечания

- 1 См.: *Винокур Г. Я и ты* в лирике Баратынского // *Винокур Г. Филологические исследования*. М., 1990.
- 2 См.: *Ковтунова И.* Категория лица в языке поэзии // *Красильникова Е. В.* (отв. ред.), *Ковтунова И. И., Николина Н. А.* Поэтическая грамматика. Т. 1. М., 2005.
- 3 См.: *Корман Б.* Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск, 1978.
- 4 См.: *Бройтман С.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М., 1997; *Его же.* Лирический субъект // *Введение в литературоведение* / под ред. Л. В. Чернец. М., 2004.
- 5 См.: *Левин Ю.* Лирика с коммуникативной точки зрения // *Левин Ю.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 471; *Ковтунова И.* Категория лица в языке поэзии. С. 69.
- 6 См.: *Левин Ю.* Лирика с коммуникативной точки зрения.
- 7 Там же. С. 471.
- 8 Количество стихотворений в каждом из сборников примерно одинаково – около 40.

- ⁹ Ковтунова И. Категория лица в языке поэзии. С. 47.
- ¹⁰ Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 198.
- ¹¹ Иванов Г. Стихотворения. СПб., 2005. С. 163. (Новая библиотека поэта). Далее стихотворения Г. Иванова цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹² См.: Кац Е. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. Нами показано, как эти иронические маски субъекта речи организуют жанровый состав ранних сборников поэта (См.: Тарасова И. Жанр глазами ироника (жанры в поэтической картине мира раннего Г. Иванова) // Жанры речи. 2011. № 7. С. 302–312).
- ¹³ Кац Е. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁴ См.: Ковтунова И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 90.
- ¹⁵ См.: Николаенко Н. Защитная функция культуры в ранней поэзии Г. Иванова // *Натура и культура : славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. М., 1997.*
- ¹⁶ Гусман Б. 100 поэтов. Пг., 1922. С. 98–101. Цит. по: *Витковский Е. «Жизнь, которая мне снилась...» // Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 15.*
- ¹⁷ Арьев А. «К несуществующим, но золотым полям...» (Георгий Иванов. «Сады»). Петербург: Петрополис, 1921) // *Эткиндовские чтения I : сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда. СПб., 2003. С. 198.*
- ¹⁸ Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И. А. Тарасова. Саратов, 2008. С. 132–134.
- ¹⁹ Там же. С. 86–90.
- ²⁰ Гурвич И. Георгий Иванов : восхождение поэта // *Вопр. литературы. 1998. № 4. С. 47.*
- ²¹ Ковтунова И. Поэтический синтаксис. С. 129.
- ²² Отсылка к стихотворению «А люди? Ну на что мне люди?» из сборника «Портрет без сходства» (1950).

Образец для цитирования:

Тарасова И. А. Коммуникативная структура лирики Георгия Иванова в аспекте эволюции идиостиля // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 145–150. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-145-150.*

Cite this article as:

Tarasova I. A. Communicative Structure of Georgy Ivanov's Lyric Poetry in Terms of Idiostyle Evolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 145–150 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-145-150.*

УДК 811.161.1'42:398.21(470)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В ТЕКСТАХ СКАЗОК ИЗ СБОРНИКА А. Н. АФАНАСЬЕВА

Р. Катаян

Московский государственный лингвистический университет
E-mail: hrishikakatyayan@gmail.com

Статья посвящена описанию видов и функций семантических повторов в текстах русских народных сказок, собранных А. Н. Афанасьевым. Делается вывод о том, что семантические повторы в сказках являются не просто выразительным средством, они способствуют приращению смысла, служат формированию когнитивных способностей ребенка.

Ключевые слова: русская народная сказка, семантический повтор, полисемия, семантическое поле, генетическое родство, корнесловный повтор, коннотация.

Semantic Repetitions in Fairy-tale Texts from A. N. Afanasyev's Collection

R. Katyayan

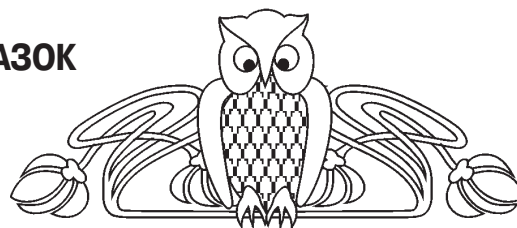
The article deals with the description of the types and functions of semantic repetitions in the texts of the Russian folk fairy-tales collected by A. N. Afanasyev. The author comes to the conclusion that semantic repetitions in fairy-tales are not simply an expressive means, they promote the expansion of meaning and serve to form a child's cognitive abilities.

Key words: Russian folk fairy-tale, semantic repetition, polysemy, semantic field, genetic affinity, word root repetition, connotation.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154

Народная сказка, вне зависимости от того, уходят ли ее корни в обряд и миф или в бытовые наблюдения, является «чисто художественным»¹ текстом со всеми присущими ему особенностями. Отдельные языковые единицы в ее составе – «фонемы, морфемы, – становясь в ряды некоторых упорядоченных повторяемостей, семантизируются и становятся знаками»². В результате сказку можно интерпретировать и как цепочку языковых знаков, несущих определенную информацию, и «как последовательность знаков более крупных»³, позволяющих считать другой пласт информации. Разноуровневые повторы в текстах сказок неразрывно связаны, их взаимодействие ведет как к приращению смысла, так и к усилению выразительности, поэтому выделение семантического повтора в рамках данной статьи имеет несколько искусственный характер, оправдываемый необходимостью аналитического расслоения живого текста.

Поскольку повтор любой значимой языковой единицы – лексической, морфологической, синтаксической – можно назвать в широком смысле семантическим, мы должны уточнить, что в данной статье рассматривается только повтор семантических компонентов, осуществляемый путем сопо-

ложения в тексте несущих их слов, а также повтор слова с разными значениями. Такое выделение продиктовано асимметрией языкового знака, в силу которой один элемент плана выражения (слово, словосочетание и проч.) может соотноситься с рядом элементов плана содержания, и, наоборот, одна единица плана содержания может иметь несколько способов языкового выражения, воплощающихся в синонимическом ряде, парах антонимов или в семантическом поле⁴. Н. А. Кожевникова, изучая повторы, перефразировала это так: «Одно через разное и разное как единое»⁵. Нами выделены следующие виды семантических повторов: 1) одно слово – разные значения; 2) одно слово – перифраза; 3) два слова – одно семантическое поле; 4) два слова – одна внутренняя форма; 5) два слова – одна коннотация. Семантический повтор может быть реализован как в синтаксически связанных отрезках речи (чаще всего с помощью однородных членов предложения), так и в дистантно расположенных, в частности, в параллельных синтаксических конструкциях или в репликах диалога.

Повторы в текстах русских народных сказок выполняют важную когнитивную задачу – учат адресата (детей) ориентироваться в закономерностях и накладывающихся на них случайностях. Поэтому базовым принципом в тексте любой сказки является сочетание симметрии (повтора) с асимметрией (введением в ранее дважды повторенную схему нового, непредсказуемого компонента). Такой способ моделирования действительности в тексте Ю. М. Лотман охарактеризовал как «семантически богатый, особо значительный»⁶. Учитывая это, мы считаем важным вычленивать не только формальные способы воплощения семантического повтора, но и аккумулируемые им смыслы, а также определить роль этих смыслов в тексте и шире – в жизнедеятельности человека.

1. Одно слово – разные значения.

При повторе многозначного слова могут актуализироваться разные его значения, например: *Наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой **жить**. Старухи сказали: – Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного **жить***⁷. Лексема *жить* имеет следующие толкования: «1. Существовать, находиться в процессе жизни, бытия, <...> 3. Проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать»⁸. Таким образом, сначала слово *жить* появляется в тексте сказки в своем частном значении (3), а затем в более

важном, экзистенциальном (1). Так в сознании адресата волшебной сказки фиксируются разные ступени обобщения, разные точки на шкале БЫТ – БЫТИЕ. Примечательно, что повтор приходится на акцентированную синтаксическую позицию конца предложения. Он включен в диалогическое единство, с той лишь оговоркой, что первая реплика представлена косвенной речью, а вторая – прямой. Словарное значение, соотносимое с бытовой сферой, актуализируется в реплике персонажа, связанного с реальным миром, а экзистенциальное значение открывается в реплике мифических персонажей.

В сказках о животных повторяющиеся многозначные слова уже не принадлежат к категории ценностей. Они, скорее, останавливают внимание адресата на правильных/неправильных формах поведения: *Я вздумал на тебе жениться: поди за меня. – Нет, журавль, нейду за тя замуж! Пошёл журавль домой*⁹. Глагол *пойти* здесь имеет свободное значение «1. Начать идти»¹⁰ и фразеологически связанное – «стать чьей-то женой», которое в современном русском литературном языке перешло к глаголу *выйти*¹¹. Как и в волшебной сказке, значения располагаются в последовательности от производного к первичному, слабая синтаксическая позиция поддерживается сильной. Асимметрия воплощается в разных грамматических формах повторяющейся лексемы. Примечательно, что, помимо регулятивной функции (т. е. регламентирующей нормы поведения в обществе), повтор в сказке «Журавль и цапля» выполняет структурирующую функцию: маятниковая структура текста формируется уходами и приходами персонажей, а причиной этих хождений оказывается попеременный отказ пойти замуж или жениться. Можно заключить, что слово *пойти* является ключевым для данного текста, и семантический повтор помогает это заметить.

В бытовых сказках рассматриваемый вид повтора может принимать форму антономазии. Так, счастливый конец в сказке «Знахарь» строится на совпадении имени главного героя – *Жучок* – и имени нарицательного *жук, жучок*: *Идёт по дорожке, увидал жука, поднял его и воротился к знахарю: – Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке? Мужик испугался и говорит сам себе: – Что, попался, Жучок, царю в руки!*¹². Здесь актуализированы уже сугубо бытовые реалии, повтор имеет каламбурный характер и выполняет функцию регулятива, указывая на умение посмеяться над собой как на полезный вид поведения.

2. Одно слово – перифраза.

Этот вид повтора чаще всего средствами языка передает динамику или интенсивность реального действия. Последовательность «перифраза – слово» воспроизводит ускоряющееся движение, последовательность «слово – перифраза» отражает замедляющееся движение, например: *а она не ворохнется, лежит себе как мертвая*¹³; *пустилась в погоню <...> Понеслась она ещё быстрее*¹⁴. Перифраза может указывать на повышение интенсивности действия: *Иван-царевич заплакал <...> Залился*

*Иван-царевич горькими слезами*¹⁵, или на падение интенсивности желания благодаря его реализации: *Хоть бы во сне его увидеть! А дед говорит: – Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях*¹⁶. Несмотря на то что данный вид повтора мог бы выполнять простую задачу устранения однообразия в тексте путем синонимической замены, он осуществляет более сложную функцию, обеспечивая приращение смысла.

3. Два слова – одно семантическое поле.

К этой группе мы относим повтор синонимов, супплетивных образований, слов одной тематической группы, двандву, а также антонимы.

Повтор синонимов может быть плеонастическим, например: *В стары годы, в старопрежние; Они возрадовались и возвеселились; ставить на пути, на дорожки*¹⁷. В первом примере плеонастическим повтором связаны даже корни сложного слова. Примечательно, что данный вид повтора характерен для формульного зачина или концовки текста или его фрагмента. Традиционные формулы обеспечивают жанровую узнаваемость сказки (К. Уоткинс трактовал их как маркеры сакральных текстов¹⁸), осуществляют глобальную связность текста.

Использование синонимов, расположенных по нарастанию интенсивности признака, часто служит драматизации повествования: «...*Бейте его! Бейте его!*» *Прибежали и начали колотить волка*¹⁹; *добрый конь <...> что ни есть наилучшего коня*²⁰. Употребление доминанты синонимического ряда и члена ряда с более узким значением позволяет конкретизировать ситуацию, усилить ее образность или при обратном порядке следования синонимов обобщить сказанное: *Пока ведьма карабкалась да лезла*²¹. Повтор стилистических синонимов служит созданию портретных характеристик персонажа: *Побежала к кузнецу и просит его: – Ковалику, ковалику!* (льстивость, вкрадчивость ведьмы)²²; «*Давай-ка убьём своих жён да продадим*». *Ухлопали своих жён* (простоватость старших братьев)²³. Впрочем, повтор близких по значению слов нередко выполняет стандартную функцию синонимической замены в целях повышения богатства речи: *и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал!*²⁴

Повтор супплетивных образований – слов, обозначающих разные стороны перцепции (*слушать/слышать, смотреть/видеть*), – передает временную последовательность действий, отмечает поворотные узлы повествования: *и теперь Иван-царевич пришёл послушать от него сказочки, да не то услышал; посмотрит на свой дворец и видит*²⁵.

Повтор слов одной тематической группы нередко поддерживается повтором на другом языковом уровне. Этот прием учит адресата возможностям альтернативного моделирования мира. Так, фрагмент сказки «Ведьма и Солнцева сестра» – *родится дочь, а тебе сестра; будет она страиная ведьма*²⁶ – содержит слова *дочь* и *сестра*, относящиеся к тематической группе СЕМЬЯ, т. е. к той

категории, которая для ребенка является маленьким миром. В то же время в этом фрагменте есть еще и фонетический повтор – *стра*, целью которого является суггестивное формирование категории потусторонних сил, и эта категория включает в себя члена семьи. Такая структура текста, по мысли Ю. М. Лотмана, «позволяет моделировать ситуации, включение в которые неподготовленного индивида грозило бы ему гибелью»²⁷.

В некоторых случаях употребление номинаций, обозначающих разных членов одной социальной группы, указывает на смену субъектов речи, например: *Сестра выбежала, встретила его, приголубила: – Сядь, – говорит, – братец*²⁸. Слово *сестра* именуется контрагентом с точки зрения главного героя – Ивана-царевича, а слово *братец* отражает точку зрения ведьмы. По выражению М. М. Бахтина, это «проведение темы по многим и разным голосам»²⁹. Текстовая полифония, помимо того что выделяет значимые фрагменты, заметно оживляет монолог сказителя.

Двандва – прием, широко представленный в древнеиндийском эпосе. Он заключается в соединении двух слов одной тематической группы в сложное слово, например *живало-бывало*, *пити-ести*, *пивца-винца* и под. Это древнейшее экспрессивное средство, способ реализации наивного рифмотворчества. Двандва показывает полноту и целостность события (*напоила-накормила*) или ситуации (*жил-был*), уникальность места (*царство-государство*) или явления (*гуси-лебеди*). Она встречается в сильных позициях текста – начала, конца, а также в местах кульминационных поворотов.

Антонимы – это слова, также принадлежащие к одному семантическому полю, но их отличительной чертой является контраст значений. На них нередко держатся формульные повторы: *Долго ли, коротко ли* (от большего к меньшему)³⁰; *Прошло мало ли, много ли времени* (от меньшего к большему)³¹. Такие формулы подчеркивают отличия сказочного времени от реального, замедляют темп повествования, отделяют один сюжетный узел от другого.

Антонимы позволяют показать парадоксальность некоторых ситуаций (*Битый небитого везёт*³²), суггестивно передать идею того, что моделирование ситуации зависит от отношения к ней – при отрицательном отношении отрицательно оцениваются любые качества, в том числе прямо противоположные (*у тебя ноги долги, платье коротко*³³).

Повтор морфологически разнородных слов с контрастным значением может служить зацепкой для обнаружения возможности двойного моделирования: – *Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила*³⁴. В этом фрагменте помимо очевидной квазиоппозиции *старый/молодец* скрывается менее заметная квазиоппозиция – *хрычовка* с отрицательными коннотациями и *добрый* с положительными.

Особую роль в тексте сказок играют прагматические антонимы, т. е. слова, формирующие

культурноспецифические оппозиции, например, пара *земля – небо* нагружена сакральным смыслом. Примечательно, что такие пары не просто встречаются в текстах сказок, а повторяются в них, например: *вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются*, и далее *что он прямо попал на небо <...> а ведьма-змея осталась на земле*³⁵. Прагматические антонимы участвуют в формировании в сознании адресата значимых для данного этноса когнитивных схем, например «выше – лучше»³⁶.

4. Два слова – одна внутренняя форма.

Единой внутренней формой наделены генетически родственные слова и слова с одинаковым корнем.

Повтор генетически родственных слов в рамках одного предложения встречается и в волшебных сказках, и в сказках о животных: *Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости*³⁷; – *Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Иваишу*³⁸. Этот прием выполняет одновременно и обучающую, и экспрессивную функцию. С одной стороны, адресат учится узнавать далекое родство, замечать положенный в основу номинации существенный признак, с другой стороны, обнаружение того, что не лежит на поверхности, сродни загадкам, а их разгадывание обеспечивает гедонистический эффект.

Корнесловный, или корневой, повтор – «это и средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей, и средство познания вещей в процессе их называния»³⁹. Действительно, повтор родственных слов в зачине сказки «Ведьма и Солнцева сестра» – *В некотором царстве, далёком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой*⁴⁰ – позволяет показать изначальное единство мира и гармонию между людьми (золотой век), которое разрушается вследствие рождения зла, воплощенного сестрой-ведьмой.

Корнесловный повтор позволяет выделить объект (*украли у бабы холстину <...> и сказал ей, где холст спрятан*⁴¹) или признак (*у тебя ноги долги <...> Ступай прочь, долговязый!*⁴²), служит драматизации повествования (*и стал он просить Солнцеву сестрицу <...> Она его не пускает, а он её упрашивает*⁴³). Он также скрепляет традиционные формулы: *Это присказка, сказка вся впереди*⁴⁴.

Разновидностью корнесловного повтора является тавтологический повтор, т. е. употребление родственных слов, соединенных синтаксической связью: *стали думу думать; Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается*⁴⁵; *Коваль сковал ей такой голосок*⁴⁶. Это проявление характерной для древних текстов редупликации. Она подчеркивает тесную связь между субъектом/объектом и действием. Впоследствии такой речевой атавизм стал жанровым маркером сказки.

5. Два слова – одна коннотация.

К этому типу относится употребление двух или более слов, нагруженных одинаковыми кон-

нотациями и воплощающих общечеловеческую или национально-культурную ценность, например: *Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! <...> Надела она и стала какая красавица, какая нарядница!*⁴⁷ Слово *веселая* относится к семантическому полю ЭМОЦИИ, а слово *хорошенькая* – к семантическому полю ВНЕШНОСТЬ, однако оба они связаны положительной оценочной коннотацией, формируемой представлениями о счастливом человеке. Эта пара лексем усиливается другой парой, в которой первое слово также относится к семантическому полю ВНЕШНОСТЬ, а второе соединяет это поле с полем ОДЕЖДА. Повторы такого типа служат формированию у адресата ценностной картины мира.

В заключение следует упомянуть, что в текстах сказок нередко встречаются комбинации описанных видов семантических повторов. В частности, они представлены в традиционных формулах: *Долго ли ехал, скоро ли приехал; и стали они жить да быть да добра наживать*⁴⁸.

Наше исследование показало, что семантические повторы в русской народной сказке выполняют не только художественные функции. Они служат формированию когнитивных способностей ребенка, помогают ему овладеть системой общечеловеческих и этноспецифических ценностей, усвоить жизненно важные модели поведения. Они учат отношению к языку не как к простому средству общения, а как к коду, понимание которого позволяет черпать из накопленной поколениями системы знаний. Наконец, они наводят на мысль о многослойности художественного текста и о его способности минимизировать большой объем информации.

Примечания

- 1 Пропт В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2010. С. 313.
- 2 Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970. С. 34.
- 3 Там же.
- 4 См.: Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. : в 2 ч. Ч. 2. М., 1965. С. 85.
- 5 Кожевникова Н. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 111.
- 6 Лотман Ю. Указ. соч. С. 74.
- 7 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / отв. ред. Э. Померанцева, К. Чистов. М., 1984–1985. Т. 1. С. 110.

- 8 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2004. С. 195.
- 9 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. С. 85.
- 10 Ожегов С., Шведова Н. Указ. соч. С. 548.
- 11 Там же. С. 113.
- 12 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. III. С. 97.
- 13 Там же. Т. I. С. 11.
- 14 Там же. С. 111–112.
- 15 Там же. С. 111.
- 16 Там же. С. 140.
- 17 Там же. С. 106.
- 18 См.: Уоткинс К. Аспекты индоевропейской поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI : Новое в современной индоевропеистике / сост. В. В. Иванов. М., 1988. С. 451–473.
- 19 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 11.
- 20 Там же. С. 110.
- 21 Там же. С. 112.
- 22 Там же. С. 139.
- 23 Там же Т. III. С. 117.
- 24 Там же. Т. I. С. 112.
- 25 Там же. С. 110–111.
- 26 Там же. С. 110.
- 27 Лотман Ю. Указ. соч. С. 71.
- 28 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 111.
- 29 Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 154.
- 30 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 111.
- 31 Там же. С. 138.
- 32 Там же. С. 12.
- 33 Там же. С. 85.
- 34 Там же. Т. II. С. 267.
- 35 Там же. Т. I. С. 111–112.
- 36 См.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- 37 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 44.
- 38 Там же. С. 139.
- 39 Зубова Л. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989. С. 13.
- 40 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. I. С. 110.
- 41 Там же. Т. III. С. 96.
- 42 Там же. Т. I. С. 85.
- 43 Там же. С. 111.
- 44 Там же. С. 85.
- 45 Там же. С. 113.
- 46 Там же. С. 139.
- 47 Там же. С. 116.
- 48 Там же. С. 114–115.

Образец для цитирования:

Катаян Р. Семантические повторы в текстах сказок из сборника А. Н. Афанасьева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 151–154. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154.

Cite this article as:

Katyayan R. Semantic Repetitions in Fairy-tale Texts from A. N. Afanasyev's Collection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 151–154 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-151-154.

УДК 811.161.1'373.46:811.14'02

ПРОБЛЕМЫ ГНЕЗДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ (на материале лингвистической терминологии древнегреческого происхождения в русском языке)

Н. И. Данилина

Саратовский государственный медицинский университет имени
В. И. Разумовского
E-mail: danilina_ni@mail.ru

Проведена гнездовая систематизация лингвистических терминов греческого происхождения. Описано соотношение лексики естественного и искусственного происхождения в терминофонде, место каждой из них в структуре гнезда. Предложена классификация корневых гнезд на основе структурных особенностей. **Ключевые слова:** лингвистическая терминология, словообразовательное гнездо, корневое гнездо, древнегреческий язык, русский язык.

**The Problems of Word Family of International Terms
(on the Material of the Linguistic Terminology of Ancient
Greek Origin in the Russian Language)**

N. I. Danilina

The author carries out a word family classification of linguistic terms of the Greek origin. The correlation of the lexis of natural and artificial origins in the term pool is described, as well as the place of each of them in the structure of the word family. The classification of the root word families on the basis of the structural peculiarities is suggested. **Key words:** linguistic terminology, word-formation family, root word family, Ancient Greek, Russian language.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-155-160

Терминоведение – наука хотя и сравнительно молодая, но уже выработавшая ряд стереотипов в методике анализа своего материала. Частные терминосистемы изучаются обычно в трех основных аспектах: источники появления терминов (языки-источники, особенности терминологизации общеупотребительной лексики), соотношение терминосистемы с соответствующей предметно-понятийной сферой, значительно реже – структура термина, модели терминообразования. Однако очевидно, что место термина в терминосистеме определяется не только его денотативной отнесенностью, но и сигнификативными связями, отраженными, в частности, в его словообразовательной структуре. Материал, полученный в ходе анализа терминосистем на предмет формирования словообразовательных макроединиц, может представлять интерес не только для терминоведения, но и для теоретического словообразования. Главным образом, сказанное касается терминологий, базирующихся на классических языках. В таких терминологиях широко распространены и факты искусственного терминообразования «по модели»

или «по образцу», без производящего слова, и примеры соотносительного словообразования, которые, находясь на периферии словообразовательной системы общеупотребительного языка, не всегда получают теоретическое осмысление в дериватологии, и корневые гнезда, ставшие предметом активного изучения лишь в недавнее время. Задачей настоящей статьи является экспликация тех теоретических проблем словообразования, которые могут быть поставлены и решены на материале терминологий греко-латинского происхождения.

Объектом нашего исследования стали лингвистические термины, базирующиеся на древнегреческом морфемном фонде, т. е. как лексемы древнегреческого языка, пережившие процесс терминологизации и в этой роли заимствованные в основные европейские языки, так и термины, искусственно созданные в XIX–XX вв. из древнегреческих морфем, а также производные указанных терминов. Источниками материала послужили основные словари лингвистических терминов¹; полученные на их основе гнезда были дополнены материалами словарей других типов². Примеры употребления производных, не фиксируемых словарями, получены путем поисковых запросов в Интернете, однако при построении гнезд они не учитывались. Не учитывалась также общенаучная лексика и общеупотребительная (*система, диапазон, прагматика* и т. п.). Всего была проанализирована 951 лексема: 71 гнездо мощностью от 2 до 158 лексем и 30 терминов без однокоренных слов.

Однокоренные термины представляют собой терминологизированные древнегреческие лексемы; большинство их обозначает фигуры речи или синтаксические явления (*анаколуф, гендиадис, гипербатон* и т. п.). В некоторых случаях отсутствие однокоренных слов может быть связано с наличием более употребительных синонимичных номинаций, имеющих производные (*гапак – окказионализм, эклипсис – элизия, синкопа, параптиксис – эпентеза*). Однако для большинства терминов нельзя исключить возможности появления в речи производных прилагательных, хотя таковые и не фиксируются словарями. Нам встретились, например, *аподозисный, анаколуфный, тмезисный, хиазматический, хиатусный, метабазисный, катахрезный, элидированный*. О наличии у упомянутых терминов деривационного потенциала свидетельствует и такой пример: «*А пёс их, хиазматиков, знает, кто из них анадиди-*

плизисней и эпанапепсичнее...» (<http://rslovar.com/content/serгей-фирсов-новогодняя-песня>). Таким образом, материал позволяет усомниться в существовании терминов, не имеющих словообразовательных гнезд, и диктует необходимость изучения деривационного потенциала терминов в сфере употребления, а не только словарной фиксации.

Универсальный тип объединения слов на основе деривационных отношений, – словообразовательная пара. В нашем материале отмечено 21 словообразовательное гнездо, представляющее собой пару. Из них 10 реализуют модель «сущ. → прил. на *-ический*» (*аорист* → *аористический*, *синекдоха* → *синекдохический*, *анаптикасис* → *анапктический*), 5 – «название буквы → название фонетического процесса на *-изм*» (*ита* → *итаизм*). Показательно, что многие производные в парах образованы на русской почве, хотя и с использованием формантов, традиционных для передачи греческих заимствований. Так, обычно греч. *-ικος* > рус. *-ический* (*εἰρωνικός* > *иронический* и т. п.), греч. *-ισμο* > рус. *-изм* (*ἰδιωτισμο* > *идиотизм* и т. д.). В отношении конкретных анализируемых нами терминов следует заметить, что в древнегреческом языке имелось, например, прилагательное *διακρίτικο* (> рус. *диакритический*), но отглагольному существительному *ἀνάπτυξις* соответствовал кодерибат с другим суффиксом (*ἀναπτύκτο*); слово *ἀόριστο* ‘неопределенный’ уже являлось прилагательным, субстантивированным в терминологическом значении. Следовательно, можно говорить не только о заимствовании группы слов, содержащих в своем составе названные морфемы, но и о формировании соответствующих словообразовательных типов в русском языке. Данные типы становятся продуктивными. Об адаптации в русском языке прилагательных на *-ический* говорит, в частности, возможность образования от них наречий (*спорадический* → *спорадически*). Словообразовательные пары и цепи, реализующие данные типы, широко представлены и в составе древовидных гнезд (*фонема* → *фонематический*, *гипербола* → *гиперболический* → *гиперболически* и т. п.). Как и в случае с одиночными терминами, в сфере употребления наблюдается реализация словообразовательного потенциала производных, поэтому часть гнезд-пар представляет собой принципиально открытые группировки, допускающие превращение в цепи (*плеоназм* → *плеонастический* → *плеонастически*). Закрытыми являются, по-видимому, пары с производными на *-изм* и полностью заимствованные пары с префиксальными производными (их отмечено 2: *климакс* → *антиклимакс*, *периспомен* → *пропериспомен*). Среди гнезд-пар есть несколько таких, где оба члена являются поздними искусственными образованиями по продуктивным моделям: *эма* → *эмический*, *плерема* → *плерематика*, *кенема* → *кенематика*, *ларингальный* → *ларингал*.

Словообразовательных гнезд цепочечного типа в обследованном материале 2: *эргатив* → *эргативный* → *эргативность*; *метр* → *метрика* → *метрический* → *метрически*.

Словообразовательных гнезд веерного типа (пучков) отмечено 6. Виды производных разнообразны: *колон* > *колометрия*, *изоколон*; *иероглиф* > *иероглифический*, *иероглифика*; *йот* > *йотация*, *йотизация*, *йотовый*; *зевгма* > *гипозевгма*, *мезозевгма*, *протозевгма*. Самым мощным является пучок с вершиной *рема* (*рематив*, *рематизация*, *тема-рематический*, *монорема*, *бирема*, *дирема*); он имеет тенденцию к превращению в древовидное гнездо за счет реализации словообразовательного потенциала в сфере употребления: *монорема* → *моноремный*, *дирема* → *диремный*, *рематизация* → *рематизирующий*, *рематизированный*.

Пучки лежат также в основе 9 древовидных гнезд разной мощности: *просодия*, *сигма* – по 3 производных, *фарингальный* – 4, *гипербола* – 8, *ирония* – 10, *этимон* – 11, *фраза* – 28, *морфема* – 52, *тон* – 56. Наибольшее количество производных сосредоточено на 2-й ступени словообразования, несколько меньше – на 1-й и 3-й. Максимальная длина словообразовательной цепи (глубина гнезда) составляет 6 членов. Примеры цепей: *морфема* → *морфология* → *морфологический* → *морфологизация* → *морфологизованный* → *неморфологизованный* (6); *тон* → *окситонный* → *окситон* → *парокситон* → *пропарокситон* (5); *фраза* → *фразеология* → *фразеологический* → *фразеологема* (4); *этимон* → *этимология* → *этимологический* → *народноэтимологический* (4).

В гнездах данной группы можно наблюдать формирование словообразовательных парадигм (как на 1-й ступени, так и на последующих). Субстантивный блок парадигмы существительного может содержать названия: 1) одного или нескольких учений об объекте или научных дисциплин (*фразеология*, *этимология*, *тонология*, *морфология*, *морфемика*, *морфонология*, *просодика*); 2) разновидностей объекта, его составляющих, вариантов или инварианта (*парафраза*, *голофраза*, *тонема*, *орфотон*, *политония*, *морф*, *морфонема*); 3) процессов и, далее, их результатов (*фразировка*, *метатония*, *атонация*, *фарингализация* → *фарингализованный*). Основными формантами со значением «учение» выступают *-логия* и *-ика* со значением «единица языковой системы, инвариант» – *-ема*, «вариант» – *ø*, *алло...ø*, иные разновидности языкового феномена обозначаются, как правило, префиксальными образованиями или композитами; существительные с процессуальным значением образуются с помощью латинского форманта *-изация* или сочетания греческого префикса с финалью *-ия*. Примеры субстантивных блоков в парадигмах непервой ступени: *окситон* → *парокситон*, *окситонеза* (→ *окситонированный*); *фразеология* → *фразеологизм*, *фразеолог*, *фразеологизация* (→ *фразеоло-*

гизированный). Адъективный блок включает, как правило, сложно-суффиксальные образования и суффиксальные. Прилагательные, в свою очередь, порождают префиксальные прилагательные, наречия или *nomina abstracta*. Примеры: *фразный, фразовый, фразоизменительный; тоновый, тонический* → *атонический, посттонический, тональный* (→ *тонально*), *тонированный, окситонный, монотонический* (→ *монотония*), *политонический* (→ *политонизм*); *морфемный* → *субморфемный, морфематический, двухморфемный; ироничный* (→ *иронично, ироничность*), *иронический* (→ *иронически*). В некоторых парадигмах встречаются глаголы и их производные, но они принадлежат, скорее, общеупотребительной лексике, а не терминологии: *иронизировать* → *иронизирование, сыронизировать; гиперболизировать* → *гиперболизация, гиперболизированный*.

Бесспорно терминологичны глагольные блоки *интонировать* → *интонирование, интонация* и *этимологизировать* → *этимологизация, этимологизирование; деэтимологизироваться* → *деэтимологизация*.

Вершины большинства гнезд веерного типа (и древовидных на их основе) являются терминологизированными заимствованиями из древнегреческого. Исключение составляют *кенема, морфема, фарингальный* и *иероглиф*. Следует заметить, что *иероглиф* – результат не осложнения на базе интернационального морфемного фонда, а обратной деривации: в древнегреческом имелось прилагательное *ἱερογλυφικός* ‘иероглифический’ и его субстантиват *ἱερογλυφικά* (*γράμματα*) ‘иероглифические письма, иероглифические тексты’. Показательно, что гнезда с искусственным словом в роли вершины не отличаются по особенностям структурной и семантической организации от гнезд с вершиной-древнегреческим словом.

Деривационные процессы в рассматриваемых гнездах представляют собой не заимствование словообразовательных пар, а словопроизводство по продуктивным моделям в языке-реципиенте. Об этом говорит использование словообразовательных формантов не только древнегреческого происхождения (*-ический, -изм, -ема, поли-, моно-*), но и латинского (*-изация, -альный, де-*), а также собственно русского (*пред-, не-, -овый, -ный, -ность*). Нередки и гибридные образования: *двухморфемный, фразоизменительный* (рус./греч.), *фарингализованный, предтональный, фразировка, сыронизировать* (греч./лат./рус.) и др. Имеется даже гибридное гнездо *тон* (< греч. *τόνος* ‘натяжение, тоническое ударение’ ← *τείνω* ‘натягивать’), вобравшее этимологически неродственный глагол *интонировать* (лат. *intono, are* ‘гремять’ ← *tono, are* ‘гремять; произносить’) с производными³.

Остальные гнезда, представляющие наш материал, имеют связанные вершины, т. е. являются не словообразовательными, а корневыми. Понятие

корневого гнезда развивается во многих работах⁴, однако внимание исследователей привлекают преимущественно объединения этимологически родственных слов из фонда исконной лексики, вопросы гнездования однокоренных заимствований не рассматриваются. Терминология дает богатый материал для постановки и решения этих вопросов.

Среди корневых гнезд различаются вертикальные (аналоги пучков) и вертикально-горизонтальные (аналоги древовидных). Среди членов вертикальных рядов встречаются не только лексемы древнегреческого происхождения, имеющие однотипные словообразовательные цепи (*λαμβάνω* → *συλλαμβάνω* → *σύλληψι* > *силлепсис* и → *πρὸλαμβάνω* → *πρόληψι* > *пролепсис*), но и члены одного древнегреческого словообразовательного гнезда, имеющие разнотипные цепи (*λέγω* → *λέξι* → *λεξικό* > *лексика* и → *διλέγω* → *διάλεκτο* > *диалект*). Искусственные образования могут имитировать оба типа отношений: *монолог, полилог* (в греч. только *διάλογος*); *силлабема, пресиллаб, силлабарий* (в греч. *συλλαβή* и *μονο-, δι-, τρισύλλαβος* > *моно-, ди-, трисиллаб*). В отдельный тип отношений можно выделить родство по одному из компонентов композита – широкое использование древнегреческого корня в современных искусственных образованиях: *хрономим, хронотон, хронология* (в греч. из композитов только *χρονογράφος*).

Вертикальные гнезда, построенные на отношениях первого типа, назовем условно корреляциями. Таковых в нашем материале зафиксировано 9. Они содержат от 2 до 5 членов. Как правило, это префиксальные существительные. Примеры: *гипаллага, эналлага; афферезис, диереза, диерема, гифферезис, синерезис*. Искусственных слов среди них 2: *дизартрия* и *триптон* (при реальных *анартрия, полиптон*).

На корреляциях построено 4 вертикально-горизонтальных гнезда мощностью от 4 до 11 единиц: *анафора, эпифора, метафора...* с производными; *монофтонг, дифтонг...* с производными; *апокопа, синкопа* с производными; *полисиндетон, асиндетон* с производными. Наиболее многочисленна базовая вертикаль, она представлена терминологизированными греческими лексемами. Все производные созданы на русской почве, в том числе с использованием продуктивных негреческих формантов (*метафорицизация, дифтонгоидальный, синкопированный*). Максимальная глубина – 3 единицы: *дифтонг* → *дифтонгический* → *полудифтонгический*.

Вертикальные гнезда, построенные на отношениях второго типа, назовем парадигмами. В нашем материале встретилась только одна чистая парадигма, члены которой не дают производных: *анастрофа, апостроф, бустрофедон*. Остальные гнезда, в основе которых лежат парадигмы (20), оказались вертикально-горизонтальными. К этой группе относятся (называем условно по греческой

основе, указываем мощность): *аг* – 5, *аку* – 5, *лал* – 7, *арх* – 8, *идио* – 8, *ритор* – 11, *клин* – 12, *дейк* – 13, *фе/фа* – 18, *глосс* – 23, *те* – 26, *силлаб* – 27, *тасс* – 35, *сема* – 42, *хрон* – 45, *лег/лог* – 52, *граф* – 63, *фон* – 85, *оним* – 158. Максимальная длина словообразовательной цепи – 6 членов. Примеры цепей: *омоним* → *омонимия* → *омонимический* → *омоморфема* → *омоморфемный* → *омоморфемность* (6); *фонема* → *фонология* → *морфонология* → *морфонологический* → *морфонологизация* (5); *семантика* → *семантизация* → *десемантизация* → *десемантизированный* (4); *синтез* → *синтетический* → *полисинтетический* → *полисинтетизм* (4).

С точки зрения происхождения базовая вертикаль гнезд-парадигм принципиально отличается от базовой вертикали корреляций значительным преобладанием искусственных образований (в том числе сконструированных из греческих словообразовательных элементов). К таковым относятся большинство композитов (*идеограмма*, *палеография*, *архетип*, *ономасиология* и т. п.), названия языковых единиц на *-ема* (*графема*, *тагмема* и другие при реальном *φώνημα* ‘звук’), многие префиксально-суффиксальные субстантивы (*диасемия*, *эндофазия*, *аграфия*, *синхрония* и т. п.), греко-латинские гибриды (*фонация*, *унигlossия* и т. п.). Непосредственные заимствования встречаются значительно реже: *παράδειγμα* ‘образец’ > *парадигма*, *εὐφημισμός* ‘смягчённое выражение’ > *эвфемизм*, *ἐπένθεσις* ‘вставка’ > *эпентеза* и др.

Заимствование словообразовательных пар – тоже редкое явление (большинство производных образовано в языке-реципиенте); при таком заимствовании может наблюдаться перестройка словообразовательных отношений. Пример с сохранением отношений производности: *συνώνυμος* ‘одноименный’ → *συνωνυμία* ‘одноименность’. Примеры с реструктуризацией словообразовательных отношений: *γραμματικός*, *η*, *ον* ‘касающийся чтения и письма’ → *γραμματική* (*τέχνη*) ‘учение о чтении и письме’ > *грамматика* → *грамматический*; *λεξικός*, *η*, *ον* ‘касающийся слова, лексический’ → *λεξικόν* (*βιβλίον*) ‘лексикон, словарь’ > (*лексика* →) *лексикон*, *лексический*.

Характерная черта гнезд, формирующихся на парадигмах, – блочная структура базовой вертикали. Блоки представляют собой структурно-семантические объединения: корреляции, наборы композитов с фиксированным местом и значением корня, семантически разошедшиеся некоррелятивные члены; различиям в семантике могут сопутствовать формальные различия, обусловленные особенностями варьирования корня в языке-источнике. Так, например, базовая вертикаль гнезда *-глосс-* (др.-греч. диалектные варианты *γλωσσ* и *γλωττ*) включает в себя: 1) композиты с корнем *глотт-* ‘язык (как социальное явление)’ (*глоттогенез*, *глоттогония*, *глоттофагия*, *глоттохронология*,

глоттология); 2–3) корреляции с корнем *-глосс-* ‘язык (как социальное явление)’ (*диглоссия*, *моноглоссия*, *полиглоссия* и *эндоглоссный*, *экзоглоссный*); 4) некоррелятивные суффиксальные субстантивы с корнем *-глосс-* ‘слово’ (*глосса*, *глоссема*); 5) некоррелятивное прилагательное с корнем *глотт-* ‘язык (как орган речи)’ (*глоттальный*). Базовая вертикаль гнезда – *оним-* (др.-гр. диалектные варианты *ὄνομα*, *ὀνόματος* и *ὄνυμα*, *ὀνύματος*, а также *ὀνόματ-σῖα* = *-ономасия*): 1–2) некоррелятивные члены со значением корня ‘имя собственное’ (*оним*, *ономастика*, *ономатология*); 3–5) некоррелятивные члены со значением корня ‘наименование’ (*ономасиология*, *ономатопея*, *метонимия*); 6–7) корреляции префиксальных субстантивов с корнем в значении ‘слово’ (*антоним*, *гипероним*, *гипоним*, *омоним*, *пароним*, *синоним*, *агноним*, *гетеронимия* + композит *акроним*; *антономасия*, *парономасия*).

Так же, как и в гнездах со свободными вершинами, в корневых гнездах наблюдается формирование словообразовательных парадигм на 1-й и последующих ступенях. Вершинами для парадигм на 1-й ступени выступают члены базовой вертикали. Состав парадигм аналогичен уже описанному. Существительные порождают субстантивный блок с именами учений об объекте, конкретизаторов объекта, процессов и адеквативный блок (*лексика* → *лексикология*, *лексикография*, *лексема*, *лексикон*, *лексикализация*; *лексический*, *лексикостатистический*). Парадигма прилагательных содержит наречие, префиксальные и сложные прилагательные, *nomina abstracta* (*синтаксический* → *синтаксически*; *метасинтаксический*, *супрасинтаксический*; *лексико-синтаксический*, *морфолого-синтаксический*, *синтактико-фонологический*; *диатаксия*; *грамматика* → *грамматический* → *грамматически*; *неграмматический*; *грамматико-семантический*, *лексико-грамматический*; *грамматичность*, *аграмматизм*).

Что касается продуктивности разных ступеней словообразования, то в количественном отношении конкурируют базовая вертикаль и 1-я ступень. Преобладание базовой вертикали наблюдается в тех гнездах, где она содержит композиты или 1–2 корреляции и 1–2 некоррелятивных члена: *-глосс-* (*глоттохронология*, *глоттогенез*., *моноглоссия*, *диглоссия*., *глоссема*, *глоттальный*); *-фе/фа-* (*эвфемизм*, *какофемизм*., *афазия*, *эндофазия*., *фемема*); *-лал-* (*акулалия*, *алялия*., *лалетика*); *-те-* (*протеза*, *эпентеза*., *эпитет*, *тема*). Увеличение числа корреляций или некоррелятивных членов на базовой вертикали приводит к активизации 1-й ступени. Некоррелятивные члены парадигм отличаются большей деривационной активностью. Так, соотношение базовой вертикали с 1-й ступенью составляет в гнезде *-граф-* 28:24 (базовая вертикаль: *идеограмма*, *криптограмма*., *анаграмма*, *параграмма*,

орфография, палеография..., диграф, триграф..., грамматика, омографы, аграфия, графема), в гнезде -силлаб- 12:13 (моносиллабический, тавтосиллабический..., дисиллаб..., силлабический, силлабема, силлабарий, силлабация), -сема- 17:14 (диасемия, метасемия..., моносемия..., автосемантия, синсемантия, семантика, семасиология, семасиография, семиотика, семиозис), ритор- 2:6 (ритор, риторика).

В самых мощных гнездах соотношение базовой вертикали с 1-й и 2-й ступенями словообразования иное: -оним- – 18:62:48, -фон- – 17:36:20, -лег-/лог- – 15:22:15. На 1-й ступени, самой многочисленной, располагаются, в частности, корреляция композитов антропоним, топоним, мифоним... (34 члена), парадигмы терминов лексика (7) и диалект (6) и мощная парадигма производящего фонема (24 члена).

Обобщим описанный материал. Из всех проанализированных лексических единиц только 30 (3,2%) не имеют фиксируемых словарями однокоренных слов, однако большинство их обладает словообразовательным потенциалом, реализуемым в речи. Остальные лексемы (921) группируются в гнезда разной мощности. Гнезда мощностью от 2 до 20 единиц охватывают 24,2% исследованной лексики, причем 53 гнезда имеют мощность до 10 единиц и только 4 – от 11 до 20. Гнезд мощностью от 21 до 40 единиц насчитывается 5, в них входит 14,5% лексики; еще 26,0% лексики охватывают 5 гнезд мощностью от 41 до 60 единиц. Оставшиеся 32,2% исследованного терминофонда приходится на 3 самых мощных гнезда: *оним* – 158 (16,6%), *фон* – 85 и *граф* – 63 (15,6%).

В структурном отношении гнезда делятся на словообразовательные (со свободной вершиной) и корневые (со связанной вершиной); количество их примерно одинаково (52,7 и 47,2% соответственно). Виды словообразовательных гнезд: пары (29,2%), цепочки (2,8%), пучки (8,3%), древовидные (12,5%). Корневые гнезда могут быть классифицированы по направлению развертывания (вертикальные и вертикально-горизонтальные) и, далее, по типу отношений между членами базовой вертикали. Лексика, имевшая однотипные словообразовательные цепи в языке-источнике, образует корреляции, неоднотипные – парадигмы. Корреляции составили 12,5% всех обследованных гнезд, парадигмы – 1,4%; вертикально-горизонтальные гнезда, формирующиеся на корреляциях, – 5,6%, на парадигмах – 27,7%. Вертикально-горизонтальные корневые гнезда в совокупности с древовидными словообразовательными составляют 45,8% всех гнезд, что свидетельствует о хорошей адаптации исследуемой лексики в русском языке, о ее высоком деривационном и моделиформирующем потенциале.

Развертывание гнезд может идти в двух направлениях: вертикальном (словообразовательные парадигмы) и горизонтальном (словообразова-

тельные цепочки). Горизонтальное развертывание в большинстве случаев (68%) ограничивается цепочками длиной 2–3 единицы; максимальная длина цепи в нашем материале составляет 6 членов и представлена в самых мощных гнездах. Вертикальное развертывание таково: 48,6% гнезд содержит 1–2 члена на каждой ступени словообразования, 44,4% – от 3 до 16 членов; максимальная высота свойственна самым мощным гнездам (*оним* – 62, *фон* – 36, *граф* – 27, *тон* – 23, *лег/лог* – 22).

В гнездах вертикально-горизонтальной структуры имеет место формирование типовых словообразовательных парадигм. Субстантивный блок парадигмы существительного включает названия учений или разделов лингвистики (форманты -логия, -ика), единиц языковой системы (-ема), их вариантов (*ø*, *алло...ø*), разновидностей языковых феноменов (способы словообразования – префиксация, сложение), процессов (префикс или второй корень + -ия, -изация). Адъективный блок формируется прилагательными разных способов словообразования, наиболее частотным формантом является -ический. Иногда может присутствовать глагольный блок. Парадигма прилагательного включает, как правило, префиксальные, полу-префиксальные и сложные прилагательные, *nomina abstracta* и наречия.

По специфике процессов терминообразования проанализированная лексика делится на естественную (заимствование древнегреческих слов в терминологическом значении) и искусственную (конструирование терминов из элементов интернационального морфемного фонда). Естественная лексика сосредоточена в вершинах словообразовательных гнезд, в корневых гнездах-корреляциях и на базовой вертикали вертикально-горизонтальных корневых гнезд, сформированных на корреляциях. На базовой вертикали корневых вертикально-горизонтальных гнезд, сформированных на парадигмах, существенна доля искусственной лексики. Производная лексика во всех видах гнезд образована по продуктивным моделям в языке-реципиенте. В образовании искусственной лексики задействованы форманты как древнегреческого происхождения, так и латинского, а также (на дальних ступенях словообразования) собственно русского. Заимствование словообразовательных пар – явление редкое, оно может сопровождаться реструктуризацией словообразовательных отношений.

Показательно, что наибольшие и мощность, и длина словообразовательной цепи, и высота базовой вертикали, и процент искусственной лексики свойственны одним и тем же гнездам: *оним*, *фон*, *граф*; к ним примыкают *тон*, *лег/лог*, *морфема*, *сема* и *хрон*. Именно с лексикой этих гнезд связаны те языковые феномены и те отрасли языка, которые раньше других были выделены и осознаны в качестве объекта исследования: фо-

нетика, грамматика, лексика, номинация. В этих же разделах языкознания зародились и основные понятия о языке как системно-структурном образовании (доминировавший на протяжении XX в. структурализм), что также не могло не послужить катализатором деривационной активности данной лексики.

Таким образом, помимо традиционных вопросов комплексного описания словообразовательных гнезд, материал терминологий греко-латинского происхождения позволяет ставить и решать ряд проблем, периферийных для системы общеупотребительного языка, но центральных для подобных терминологий. К таковым относятся классификация и особенности структурирования корневых гнезд, соотношение лексики естественного и искусственного происхождения в терминофонде и место каждой из них в структуре гнезда, реализация деривационного потенциала терминов как отражение их когнитивной значимости.

Примечания

- ¹ См.: Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 1969 ; Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990 ; Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997 ; Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М., 2008 ; Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.
- ² См.: Тихонов А. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1990 ; Комлев Н. Словарь иностранных слов. М., 2000 ; Чудинов А. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910.
- ³ Такова интерпретация словообразовательных отношений А. Н. Тихоновым.
- ⁴ См., например: Колесов И. Динамика исторических корневых гнезд (процессы конвергенции и дивергенции в ИКГ с вершиной *lei). Вологда, 2012, с анализом предшествующих исследований.

Образец для цитирования:

Данилина Н. И. Проблемы гнездования терминов-интернационализмов (на материале лингвистической терминологии древнегреческого происхождения в русском языке) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 155–160. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-155-160.

Cite this article as:

Danilina N. I. The Problems of Word Family of International Terms (on the Material of the Linguistic Terminology of Ancient Greek Origin in the Russian Language). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 155–160 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-155-160.

УДК 811.411.21*373.4

СЕМАНТИКА ЧЛЕНОВ АРАБСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПИТАНИЕ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В. С. Ильясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kusar@mail.ru

В статье представлена семантическая дифференциация арабских фразеологизмов, включающих в свой состав слова из семантического поля «Питание»; устанавливается степень активности фразеологизмов в пополнении различных семантических сфер и полей; выявляются основные модели идиоматизации, а также роль в этом процессе концептуальных и культурно-исторических факторов.

Ключевые слова: фразеологизм, семантическое поле, семантика, модель, идиоматизация.

The Semantics of the Elements of the Arabic Phraseological Field 'Nutrition' in the Conceptual Aspect

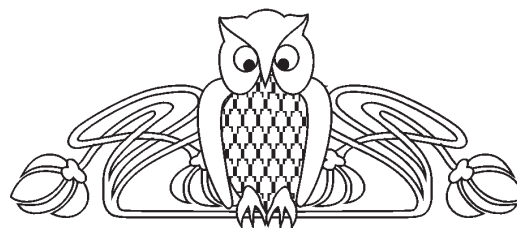
V. S. Ilyasov

The article presents the semantic differentiation of the Arabic idioms with the words from the semantic field 'nutrition'; the degree of phraseological units activity in the replenishment of different semantic spheres and fields is identified; the basic models of idiomatization are singled out as well as the role of conceptual, cultural and historical factors in this process.

Key words: phraseological unit, semantic field, semantics, model, idiomatization.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-161-164

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что процесс глобализации порождает все более тесное взаимодействие различных государств и этносов, которое проявляется в форме их политических, экономических и культурных связей, сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Но параллельно этому ставится вопрос о культурной самобытности этноса и культурных различиях между разными народами. Более того, в современном обществе культурное многообразие увеличивается, и этносы стремятся сохранить и развить свой культурный облик. Все это не может не отразиться на межкультурной коммуникации, поскольку данный вид коммуникации представляет собой процесс диалога разных мировоззрений, осуществляемый в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и поведения, влияющий на взаимопонимание и взаимоотношения между общающимися сторонами¹. При этом «отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе зачастую делают эти кон-

такты трудными и даже невозможными. Главное препятствие состоит в том, что мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены ее рамками. С большим трудом мы понимаем значения слов, поступков, действий, которые не характерны для нас самих»². Соответственно, «межкультурные знания способствуют развитию целостного представления о культуре страны изучаемого языка. К ним можно отнести языковые реалии, фразеологизмы, грамматические структуры, правила общения и этикета, знания о традициях и особенностях национального характера, знания о стране и ее истории»³.

Наиболее репрезентативной в этом отношении, по мнению многих исследователей⁴, является фразеология в широком ее понимании (коллокации, идиомы, паремии), поскольку «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения»⁵, «зеркалом жизни нации»⁶. Данное концептуальное свойство фразеологических единиц (далее – ФЕ) ярко проявляется в арабском языке, особенно если учитывать специфику арабского литературного языка (اصطفاً لا تيبر على غللا) («выразительный (ясный) арабский язык»). В частности, современный стандартный арабский язык представляет собой «наддиалектную разновидность арабского языка, универсальную форму арабского макроязыка, используемую как официальный язык в 22 арабских государствах»⁷ и отраженную в большинстве грамматик и лексикографических источников. Данный язык ориентирован на сохранение классического арабского языка (сакрального для мусульман языка Корана), отвергающего заимствования как из других языков, так и из современных диалектных разновидностей разговорного арабского языка.

Объектом нашего исследования стали зафиксированные в толковых и специальных словарях⁸ 186 арабских ФЕ фразеосемантического поля (далее – ФСП) «Питание», т. е. фразеологизмов, включающих лексемы из семантического поля (далее – СП) «Питание». Данное поле содержит слова из трех групп, которые состоят из нескольких подгрупп, ядерных и периферийных: 1) «Пища» (ср.: نينثا داز و نينثا يفكي دج اول داز: «одной порции еды достаточно для двоих и двойной порции достаточно для троих» – نيب زي مي ال: «о щедрости и гостеприимстве»; قرم جل او قرم تل: «он финика от уголька не отличит»

– ‘о человеке, который не разбирается в чем-л., не знает элементарного’); 2) «Приготовление пищи» (ср.: *نينثا فويضل او نيفورخ حيد* «для двух гостей заколол двух ягнят» – ‘о щедром человеке’); 3) «Потребление пищи и отношение к ней» (ср.: *شي عتلك لك لب لك أتل ش عت ال* «не живи, чтобы есть, а ешь, чтобы жить» – ‘о самоограничении как о норме жизни’).

Анализ семантики членов ФСП «Питание» показывает, что практически все арабские ФЕ так или иначе связаны с макросферой «Человек». Это вполне соответствует общему свойству фразеологии – ее антропоцентризму, на что не раз указывали исследователи: «...центром картины мира в языке, и в частности во фразеологии, является сам человек, а поэтому основным критерием актуальности и значимости обозначенных в языке фрагментов мира является его отношение к миру»)⁹. Но специфической особенностью анализируемого ФСП можно считать тот факт, что более 21% арабских фразеологизмов относится к семантическому полю «Питание», контаминированному со сферой «Человек как биологический организм», т. е. в одной пятой ФЕ семантика кардинально не изменяется по сравнению с их внутренней формой (буквальное значение).

В данном случае арабские фразеологизмы обычно экспрессивно и оценочно характеризуют потребности человека в еде, его физиологическое состояние в связи с удовлетворением такой потребности, вкусовые ощущения, а также разновидности и качество продуктов, блюд, принимаемых в пищу. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, с одной стороны, создатели фразеологизмов положительно оценивают обильную, жирную, острую животную пищу, приготовленную преимущественно из баранины, максимально сладкие продукты питания, фрукты и кондитерские изделия, а с другой – особо указывают на необходимость самоограничения в еде, пагубность чревоугодия и т. п. (ср.: *لس عطانم عطأ* «вкуснее меда» – одно из значений: ‘об очень вкусной, сладкой пище’; *لكأ* «ешь финики выборочно, а еду ограниченно»; *ادو عوجن يتح لكأن ال موقن حن* «в нашем народе не едят, пока не проголодаются, а когда едят, не наедаются досыта»). Подобная оценка пищи и потребности человека в ней во многом объясняется двумя факторами. Во-первых, суровый образ жизни средневековых бедуинов-кочевников (а именно они являются создателями основного блока арабской фразеологии) требовал именно такого рациона питания. Во-вторых, мусульманские догматы, обязательные для абсолютного большинства арабского мира, предусматривают аскетизм, в том числе и в питании. Таким образом, многие члены этой подсистемы ФСП «Питания» занимают диффузную семантическую зону, непосредственно пересекаясь со сферой «Человек как личность» (ср.: *ال* *ريفاصع ريظت يتح لكأت ال*

كسفن «не объедайся до такой степени, что птицы души улетят»).

Показательно, что сфера «Человек как личность» является ядерной для исследуемого ФСП в целом – более 60% всех единиц поля. При этом относительно небольшое число фразеологизмов характеризует эмоционально-модальную сторону личности – чувства, желания и т. п. (ср.: *نم عطأ لس عطا* «вкуснее меда» – во вторичном значении: ‘о предмете страстного желания’; «(гости) едят столько, сколько любят (хозяина)» – ‘о проявлении чувств по отношению к кому-л.’). Примечательно, что положительные эмоции ассоциируются в этом случае с положительными вкусовыми ощущениями, получаемыми от обильной и сладкой пищи). Немногочисленны в составе ФСП «Питание» также ФЕ, семантика которых связана с такими семантическими полями, как: «Мышление, знание, понимание» (ср.: *قمرجل او قمرمتل انيب زيمي ال* «он финика от уголька не отличает» – ‘о глупом, ничего не знающем, ни в чем не разбирающемся человеке’); «Творческие способности» (ср.: *رعاشم اقن او ريس ادعقن او ريم البق ان افيضلا* «когда гость приходит, он правитель, когда садится за стол, пленник, а когда встает (уходит), он поэт» – ‘в человеке (госте), восхищенном щедростью другого человека (хозяина), просыпаются творческие способности, и он воспекает щедрость и благородство’).

Но абсолютное большинство членов этой сферы экспрессивно называет морально-этические, поведенческие характеристики человека, связанные с его отношением к другим людям, с его социальным бытием (альтруизм – эгоизм, щедрость – жадность, скарденность, гостеприимство – его отсутствие, скромность, уважение к старшим – гордыня, высокомерие, хамство; обязательность, верность слову – необязательность, неисполнительность и т. п.) Примечательно, что в семантике арабских фразеологизмов четко прослеживается императивная составляющая: личностные качества оцениваются с позиции традиционных норм поведения человека арабского социума, в абсолютном большинстве закрепленных в мусульманских догматах (ср.: *يف ني ع* «один глаз смотрит на жир, другой на мясо» – ‘о нахальном, невоспитанном, жадном человеке; о человеке, который стремится получить все и сразу’; *كيلي امم لك* «ешь то, что стоит перед тобой (по этикету гость должен не тянуться к еде сам, а есть то, что поставили перед ним)» – ‘о необходимости быть скромным, воспитанным’; *درأ ال و فوععع عمسأ* «слышу шум жерновов, а муки не вижу» – ‘о человеке, который много болтает, обещает, но делом не подтверждает свои обещания’; *دو حومل لذب دو جلا قياغ* «вершина щедрости в трате (угощении других) всей имеющейся еды» – ‘о полном бескорыстии; о том, кто отдает последнее из того немногого, что у него есть’; *استرشق بفضيبل لكأ* «стел яйцо со скорлупой» – ‘о слишком жадном человеке’; *لكأ*

تفح تفح «ешь изюм по одному» – ‘о необходимости быть скромным, воспитанным и не стремиться получить все и сразу, в ущерб другим’; لا اجرل البف مق و لا اجرل لك لك «ешь, как мужчины, и не вставай из-за стола вперед мужчин» – ‘если ты молод и неопытен, то бери пример со старших, уважаемых, мудрых людей’).

Безусловно, семантика ФЕ часто диффузна и может быть отнесена к нескольким сферам, полям, группам, но в то же время она достаточно системна, что проявляется, в частности, в наличие общих моделей мотивации значений данных фразеологизмов. Так, наличие желаний, стремлений ассоциируется с аппетитом и чувством голода, а объект желаний – с вкусной едой, сам процесс поглощения пищи осмысливается как достижение желаемого. Этот принцип мотивации соответствует универсальным метафорическим моделям¹⁰. Концептуально и культурологически значимым представляется также тот факт, что для оценки личностных свойств в арабских ФЕ большую роль играет этикетное поведение за столом. В частности, отрицательные качества человека ассоциируются с обжорством, пробыть за столом дольше необходимого, а главное, взять чужой кусок, не поделиться едой с другими, тогда как положительно оцениваемым людям присущи скромность в еде, готовность съесть не самый вкусный кусок, отдать свою еду гостю, нищему, этикетное поведение за столом.

Значительно реже (около 18% всех членов арабского ФСП «Питания») исследуемые фразеологизмы пополняют сферу «**Человек и социум**», характеризующую «имущественное и социальное положение человека»; «жизнь в событийно-историческом и деятельном аспекте»; «идеологические и религиозные взгляды» (ср.: قوال ح ارق فل ا دن ع قفس كل «для бедняка и жмых – сладость» – ‘о тяготах жизни бедняка’; مق لل ا «кусочек еды (поданный щедрым человеком голодному) отдаляет от бедствия» – ‘иногда, чтобы избежать беды, достичь успеха, достаточно совсем небольшой помощи от других’; مال كل ا نم ع بش ش ال ن ا و ج ل «голодный разговорами не насытится» – ‘чтобы добиться успеха, надо что-то сделать для этого’; ع و ج ل ا رف اك «голод – неверие» – ‘неверующий человек беспомощен и ничего не может достигнуть’; «отцы едят незрелый виноград, а у сыновей сомина (огромный сом)» – ‘об исторической ответственности старших поколений перед потомками’). Разнообразие семантики этой подсистемы ФЕ не позволяет говорить о сложившихся моделях идиоматизации, но общим в мотивации фразеологизмов являются ассоциации отрицательных феноменов (бедности, безуспешности, неверия) с неудовлетворением потребности в еде, а положительных – с удовлетворением такой потребности, причем важным становится то, что большую роль в формировании семантики играют усилия

по выращиванию продуктов питания и приготовлению пищи.

Абстрактная семантика в целом нетипична для членов ФСП «Питание» – около 1% ФЕ (ср.: قفورش م ك ت و ق «кофе ваш выпит» – ‘о завершении какого-л. этапа’; لس ع ل ا نم م ع ط ا «вкуснее меда» – в одном из производных значений ‘о чем-л. очень хорошего качества’), поэтому выявить концептуальные модели идиоматизации не представляется возможным.

Таким образом, как показал анализ, формирование семантики членов арабского ФСП «Питание» связано с разными принципами мотивации, но ведущее положение здесь также занимает общая «физиологическая» модель (желание есть – как наличие всех типов желаний, стремлений; процесс поглощения – как удовлетворение желаний, достижение результата и др.; чувство насыщения, полноценная, вкусная, сладкая пища – как нечто позитивное; голод, невкусная, малокалорийная пища – как нечто негативное). Данная концептуальная модель может существенно корректироваться под действием религиозных (мусульманство) и культурно-исторических (культура средневековых бедуинов) факторов. Это проявляется в позитивной оценке не столько аскетизма, сколько умеренности в еде, а также в особой роли угощения гостя, путника, нуждающегося. Кроме того, формирование семантики значительной части ФЕ в арабском языке связано с концептуализацией сложного этикета поведения хозяина и гостя во время застолья.

Примечания

- 1 См.: Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2002. С. 16.
- 2 Грушевицкая Т., Попков В., Садохин А. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. М., 2002. С. 5.
- 3 Гузикова М. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. С. 12.
- 4 См.: Бабушкин А. Здравый смысл, «возможные миры» и прототипы фразеологических концептов // Когнитивная лингвистика : новые парадигмы и новые решения : сб. ст. / под ред. М. В. Пименова. М., 2011. С. 3–7. (Концептуальные исследования. Вып. 15); Баранов А., Добровольский Д. Аспекты теории фразеологии. М., 2008; Бекиров Р. Соотнесенность фразеологизма со словом и словосочетанием в арабском языке // Культура народов Причерноморья. 2012. № 224. С. 116–118; Веренич Т. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, май 2012 г.). М., 2012. С. 51–53; Новикова Н. Фразеологические единицы с концептом «жизнь» в дискурсе культуры (этический аспект) // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004. С. 234–240.
- 5 Телия В. Русская фразеология. Семантический, праг-

УДК 811.133.1(44) '367.622'37

ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНОЙ ПОЛИСЕМИИ РЕГИОНАЛИЗМОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦИИ

У. А. Шакирова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: uljana.gusynina@yandex.ru

Статья посвящена особенностям полисемичных существительных во французском языке Франции. Приводится подробная классификация метафорических и метонимических моделей многозначных субстантивных регионализмов.

Ключевые слова: полисемия, имя существительное, французский язык, регионализм, метафора, метонимия.

The Features of Substantive Polysemy of Regionalisms of the French Language in France

U. A. Shakirova

The article reviews the features of polysemic nouns in the French language in France. A detailed classification of metaphoric and metonymic models of polysemic substantive regionalisms is given.

Key words: polysemy, noun, French language, regionalism, metaphor, metonymy.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-165-169

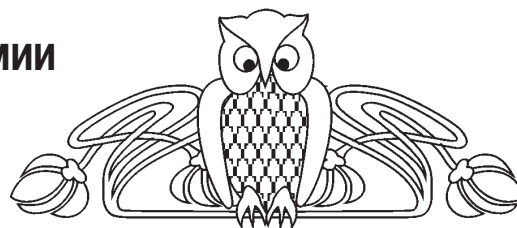
Современный французский язык представлен рядом региональных вариантов, взаимодействующих между собой, испытывающих влияние со стороны общефранцузской нормы и своеобразно отражающих национально-культурную специфику языка.

При этом в изучении французского языка часто обращается внимание на проблему полисемии, которая своеобразно представлена в регионализмах, присутствующих на территории Франции.

Целью работы является анализ полисемичной субстантивной лексики, встречающейся среди регионализмов французского языка на территории Франции. Имена существительные, обладая высоким номинативным потенциалом, позволяют разграничить среди них лексико-семантические варианты и проанализировать проявляющиеся в них особенности переноса значений.

Таким образом, объектом исследования в настоящей статье является многозначность, отражающая функциональные свойства языка и фиксирующая культурно-языковой опыт.

Отобраным к исследованию материалом работы послужили 200 полисемичных субстантивных регионализмов, представленных в «Словаре регионализмов Франции» П. Резо¹ и в «Словаре регионализмов французского языка Франции» В. Т. Клокова².

Полисемия как один из интереснейших когнитивных механизмов человеческого мышления является важным ключом к пониманию языка, так как представляет собой результат его многовекового развития.

Уже в Античности философы прибегают к использованию феномена многозначности для решения философских проблем. В частности, Демокрит, утверждая, что имена возникают «по установлению», а не «по природе», вводит понятие полисемии. Аристотель, в свою очередь, называет причины формирования полисемии и способы систематизации многозначных слов.

В работах XVIII в. можно обнаружить интересные исследования в области происхождения переносных значений слова, а XIX в. характеризуется дальнейшим развитием интереса к полисемии, так как в это время стала выделяться уже самостоятельная наука о смысловом значении единиц языка – семантика. Известный французский лингвист и историк Мишель Бреаль, изучавший эволюцию значений слов, одним из первых предложил термин «семантика», под которым, однако, понимал анализ только исторических изменений значений слов. М. Бреаль впервые в истории лингвистики делает акцент на лингвокультурологической составляющей полисемии, утверждая, что множество значений слов в одной форме отражает национально-культурное, этническое и социальное многообразие действительности.

Отметим, однако, что в трактовках полисемии XIX и XX вв. наблюдаются противоречия, а отдельные лингвисты и вовсе отрицали существование полисемии (А. А. Потебня, Л. В. Щерба).

Как писал А. П. Чудаков, «для Потебни не существует полисемии..., речь может идти только о возникновении нового слова, а не развитии каких-либо семантических оттенков одного и того же»³. Сам А. А. Потебня заявлял: «Всякое новое применение слова... есть создание слова. Если делаемый при этом в сознании шаг не крупен, то мы называем это – только расширением значения; если же он крупен, то создается новое слово»⁴.

В свою очередь, Л. В. Щерба считал, что в языке «столько слов, сколько фонетическое слово имеет значений»⁵.

Другие исследователи признают возможность существования многозначных слов, но при этом нередко смешивают явления полисемии и омонимии. Это привело к тому, что проблема полисемии долгое время рассматривалась как

омонимия (А. Н. Тихонов, В. В. Виноградов, О. С. Ахманова).

Академик В. В. Виноградов отмечал: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»⁶. Далее ученый характеризует полисемию как «синхронную или последовательную совместимость разных значений в смысловой структуре одного и того же слова»⁷. Данное определение явилось ключевым в изучении семантики многозначного слова.

Несмотря на различные трактовки полисемии, необходимо отметить, что большинство лингвистов характеризуют многозначность единством смыслового содержания всех лексико-семантических вариантов лексемы, обусловленное одной когнитивной моделью, лежащей в основе значений.

Важным для изучения многозначности является вопрос о разграничении полисемии и омонимии. При этом главное различие состоит в том, что омонимичные слова не связаны этимологически, а значения многозначного слова находятся в пределах одной лексемы.

В современной лингвистике существует несколько обозначений многозначности слова: лексико-семантические формы, лексико-семантические варианты, словозначения, уземы, семемы и т. д. В нашей работе мы будем использовать термин «лексико-семантические варианты (ЛСВ)», предложенный А. И. Смирницким. Он утверждал, что «в процессе применения языка, слова вновь и вновь воспроизводятся как некоторые определенные уже существующие в составе языка единицы и каждое... слово регулярно наблюдается в различных отдельных случаях его употребления, в разных конкретных его воспроизведениях»⁸. Варианты слова, различающиеся своими лексическими значениями, А. И. Смирницкий назвал лексико-семантическими вариантами.

Анализируя отношения между значениями многозначного слова (полисеманта), мы в разных вариантах французского языка на территории Франции, согласно традиции, выделяем три типа связи:

1) радиальную – при которой прямое значение мотивирует производные. К радиальному типу связи можно отнести семантику регионализма *bauge* «большой мешок» (Massifcentral, Allier, Beaujolais, Loire, Drôme, Ardèche, Cantal, Auvergne, Hautes-Loire, Puy-de-Dôme, Creuse, Corrèze, Haute-Vienne, Dordogne), прямое значение которого мотивирует производное значение «школьный портфель», «ранец». Радиальная связь

прослеживается также в значениях слова *bigaille* (Belle-Ile, Charente-Maritime): «безделица», «мелкая рыбешка», «мелкая монета»;

2) параллельную связь, которая предполагает наличие в значении слова семантически отдаленных друг от друга ЛСВ, между которыми трудно установить отношения мотивированности и производности. Параллельная связь характерна для существительного *bouille* (Loir-et-Cher, Loiret, Franche-Comté, Jura, Haute-Savoie), имеющего три равноправных значения: «заплечная корзина для сбора винограда», «молочный бидон» и «пульверизатор». К параллельному типу связи относим также лексему *bocon* (Beaujolais, Forez, Pilat, Dauphiné, Ain) и лексему *bougnette* (Isère [Vienne], Provence, Gard, Hérault, Aude, Ariège, Tarn, Lozère, Ardèche, Pyrénées-Orientales), между значениями которой «яд, ядовитое вещество», «заразная болезнь», «неприятный запах» и «оладья», «фрикадель», «пятно» трудно установить отношения производности и мотивированности;

3) цепочечную связь, при которой каждое последующее частное значение мотивируется предшествующим. Данный вид связи проявляется, например, в полисемичном существительном *bordille* (Isère, Lyonnais, Dauphiné, Marseille, Savoie), первое значение которого «мусор, грязь» мотивирует второе «ненужная вещь», а второе – третье «презираемая личность». Цепочечные отношения выделяем также у полисеманта *bourrier* (Pays de la Loire, Anjou, Haute-Bretagne), имеющего следующие значения: «сорная трава», «отбросы, отходы», «мусорщик».

Как известно, основным источником полисемии является перенос наименования, т. е. метафора и метонимия.

В работе «Логика метафорических преобразований» О. И. Глазунова верно отмечает, что образные ассоциации – важные элементы мышления на всех уровнях умственной деятельности человека. Все существующее в настоящее время языковое многообразие является лишь приблизительным отражением хранящихся в памяти и отраженных в сознании личности образов и образных систем. Используя небольшой по объему словарный состав, можно создать бесконечное число метафорических смысловых значений, осложненных тончайшими нюансами человеческой мысли и чувства⁹.

По поводу происхождения метафоры и метонимии Н. Ф. Алефиренко пишет, что образы, закрепляясь в словесной форме, могут переноситься с одной предметной области на другую, порождая символическое знакообозначение – когнитивные метафоры и когнитивные метонимии¹⁰.

Образ, представленный в знаке, связан с лингвокреативным мышлением человека. Необходимо различать языковой и чувственно-предметный образ, так как первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй – отражение в нашем сознании реального предмета¹¹.

Н. Д. Арутюнова, в свою очередь, утверждает, что «образ психологичен, метафора семантически, символ функционален»¹².

В. Г. Гак в монографии «Языковые преобразования» утверждает, что изучение и инвентаризация типов метафор позволят выявить случаи параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа. Также автор рекомендует при анализе метафор различать: 1) типы переноса, отражающие переносы между общими сферами внеязыковой действительности; 2) подтипы переносов, ограничивающиеся определенной ЛСГ слов; 3) виды метафор, объединяющие два слова, выражающие определенные понятия¹³.

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа концептуальных метафор: ориентационные, структурные и онтологические.

Ориентационные метафоры опираются на пространственные оппозиции типа «верх – низ», «в – из», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный» и т. д. и придают понятию пространственную ориентацию.

Структурные метафоры, в отличие от других типов концептуальных метафор, дают «возможность использовать одно высокоструктурированное понятие для структурирования другого»¹⁴.

Онтологические метафоры помогают осмыслить события, действия, предметы эмоции и идеи как дискретные, чувственно воспринимаемые объекты и сущности.

Исходя из предметной области, исследователи выделяют метафоры географические, биоморфные (антропоморфные, зооморфные, ботанические), технические, социоморфные и т. д.

В полисемичных регионализмах французского языка во Франции распространен биоморфный вид метафор, который подразделяется на зооморфные и ботанические метафоры.

К зооморфным видам отнесем, например, существительное *bédigas* (Midi, Provence), имеющее следующие значения: «молодой барашек», «добрый малый», «глупец», также первое значение регионализма *estoquefiche* (Provence, Marseille) «вяленая рыба», а второе – «худой человек». Значениями лексемы *margot* (Alpes du Nord) являются «сорока» и «болтливая женщина». Дополним данный вид метафор рядом следующих регионализмов: *sauret* (Champagne, Ardennes, Nord-Pas-de-Calais, Picardie, Somme, Aisne) со значениями «копченая вяленая сельдь» и «высокий худой человек», *spiropu* (Ardennes), означающее «белку» и «шустрого мальчишку», а также *tataragne* (Midi, Auvergne) со значениями «паук» и «старая злая женщина».

Как видно из примеров, названия животных при переносе на людей обычно обозначают внешний вид человека, черты характера, его физические и интеллектуальные способности.

Среди ботанических метафор полисемантических регионализмов французского языка находим следующие ряды полисемантов: *bourrier* (Pays de la Loire, Anjou, Haute-Bretagne) со значениями «сорная трава», «отбросы», «мусорщик», *fenasse* (Champagne, Franche-Comté, Beaujolais, Hautes-Alpes) со значениями «высохшая в поле высокая трава», «высокий худой человек», *coucourde* со значениями «тыква (растение и плод)», «голова». Здесь наблюдаются следующие типы переноса: растение > профессия человека, растение > рост человека, растение > часть тела человека.

В случаях антропоморфных метафор, где неодушевленные конкретные предметы уподобляются особенностям человека, каждый раз выбирается особый ракурс характеристики человека, например возраст, характер, рост, внешность, социальная роль и т. п. Так, обозначение понятия «тряпка», представленное регионализмом *estrasse* (Midi-Pyrénées, Hautes-Alpes, Marseille, Provence, Gard, Hérault, Ardèche), метафоризируется в понятие «никчемный человек, тряпка» и «пьяница». Во французском языке существует еще один регионализм – *panosse* (Mâcon, Doubs, Haut-Jura, Velay, Vosges, Saône-et-Loire, Jura, Haute-Savoie, Savoie, Ain, Rhône, Loire, Isère, Drôme, Provence, Ardèche, Haute-Loire) «тряпка», приобретающий в результате метафоры значение «бесхарактерный человек, тряпка». Региональное существительное *fantôme* (Alpes du Nord, Dauphiné, Savoie, Lyonnais), обозначающее понятие «огородное чучело», под действием метафоры приобретает значение «худая высокая женщина».

Нами было выявлено четыре регионализма со значением «кукла»: *gagui* (Jura, Franche-Comté, Savoie), *gueniche* (Lorraine), *mounaque* (Aquitaine, Hautes-Pyrénées, Pyrénées-Atlantiques, Landes, Gironde) и *poutrone* (Beaujolais, Pilat), которые приобрели следующие производные значения соответственно – «неопрятная, неряшливая, грязная женщина», «некрасивая женщина легкого поведения», «неприятный, плохо одетый человек; смешная личность» и «женщина легкого поведения».

Также региональное существительное *pège* (Beaujolais, Gage, Forez, Pilat, Dauphiné, Ain) «смола, клей» имеет второе значение «надоедливый человек», образовавшееся в результате метафорического переноса.

Производным значением регионализма *sartan* (Provence, Marseille) «сковорода», образовавшимся под действием метафоризации, является «злая, неприятная женщина».

В качестве примера приведем существительное *tiapon* (Dauphiné) со значениями «щепка, лучина» и «человек небольшого роста».

Итак, в метафорах типа «предмет > человек» выбирается особый ракурс рассмотрения человека, а именно возраст, характер, рост, внешность, социальная роль.

Достаточно редким является тип переноса «название игры > характер человека». Здесь от-

мечаем полисемичный регионализм *courate* (Haut-Jura) со значениями «горелки» и «непоседа».

Отметим ряд многозначных регионализмов с типом переноса «сословная принадлежность/профессия > характеристика человека». Например: *aricandier* (Ile-de-France, Yvelines, Champagne, Orléanais, Seine-et-Marne, Eure-et-Loire, Loir-et-Cher, Loiret, Yonne, Aude, Marne) со значениями «мелкий крестьянин» и «жалкий человек», *magnin* (Bourgogne, Provence, Saône-et-Loire, Côte-d'Or, Lorraine, Franche-Comté, Haute-Savoie) со значением «жестянщик» и «никчемный, неуважаемый человек», *peillerot* (Centre, Sud, Indre, Cher, Allier, Loire, Bouches-du-Rhône, Languedoc, Pyrénées-Orientales, Aveyron, Auvergne, Limousin, Dordogne) «тряпичник» и «плохо одетый человек».

Особо выделяется тип метафорического переноса «конкретное понятие – абстрактное понятие», к которому мы относим следующие ряды полисемичных регионализмов: *aillade* (Midi-Pyrénées, Ariège, Haute-Garonne, Tarn, Tarn-et-Garonne, Lot, Aveyron) со значениями «суп с молодыми побегами чеснока» и «ссора», *arnitoile* (Nord-Pas-de-Calais) со значениями «паутина» и «Интернет», *encouble* (Haut-Jura, Morez, Savoie) со значениями «пути для животных» и «помеха», *viéserie* (Nord-Pas-de-Calais, Picardie, Somme, Aisne, Oise) со значениями «старая, изношенная вещь» и «старые воспоминания», *vire-vire* (Provence, Marseille) со значениями «карусель» и «головокружение», *vogue* (Dauphiné, Haut-Jura, Bourgogne, Ain, Lyonnais, la Haute-Savoie, Savoie, Alpes, Rhône, Loire, Haute-Loire, Ardèche, Isère, Provence) со значениями «ежегодная сельская ярмарка, праздник в городском квартале» и «беспорядок».

Нами выделяются также особенности метонимических французских полисемичных регионализмов. Отметим при этом, что по поводу метонимии Е. В. Падучева замечает: «Метонимия – это не только перенос по смежности, но и изменение соотношения между фигурой и фоном»¹⁵.

По мнению большинства лингвистов, метонимические модели являются более многочисленными по сравнению с метафорическими. Этот факт объясняется тем, что в сознании человека существуют крепкие ассоциативные связи по смежности, например, между предметом, а также его частями и характеристиками или событиями и их участниками и т. д. При этом можно считать, что основным признаком метонимии выступает сдвиг фокуса внимания, а для метафоры – наличие общих признаков.

Нами было выделено несколько метонимических моделей полисемии, представленных в региональных существительных французского языка во Франции.

1) Мероприятие/игра > место его/ее проведения: например, регионализм *acrogne* (Est) со значениями «зимние посиделки в деревне» и «место проведения дружеских бесед», *rastel* (Midi,

Provence) со значениями «праздник» и «место празднования какого-либо события», *trinquet* (Sud-Ouest) со значениями «пелота» и «зал для игры в пелоту».

2) Артефакт > место его нахождения: существенное *barge* (Centre, Ouest, Canada) со значениями «стог сена» и «амбар», *étoule* (Allier, Cher, Saône-et-Loire, Haute-Marne, Franche-Comté, Ain, Rhône, Loire, Hautes-Alpes) со значениями «неубранная с поля солома» и «поле с неубранной соломой», *jouc* (Ouest) со значениями «нашест» и «курытник».

3) Кулинарный ингредиент > блюдо с использованием этого ингредиента: полисемант *saupique* (Bourgogne) со значениями «острый соус, подаваемый к жареной ветчине» и «жареная ветчина».

4) Растение > напиток, получаемый с помощью этого растения: например, *pommage* (Normandie) со значениями «яблоня» и «сидр».

5) Посуда > еда, приготовленная в этой посуде: многозначное существительное *etian* (Sud, Drôme, Marseille, Provence) со значениями «глиняная посуда» и «рагу в глиняном горшке».

6) Предмет, используемый в игре > сама игра: региональное существительное *soule* (Bretagne, Normandie) со значениями «мяч для игры в сул» и «игра сул».

7) Процесс > праздник, связанный с ним: полисемант *ferrade* (Provence, Gard) со значениями «клеймение скота» и «праздник клеймения скота».

8) Действие > объект действия: регионализм *bugade* (Provence, Marseille) со значениями «стирка» и «постиранное белье».

Особое место в нашей классификации занимает модель метонимического переноса, осуществляемого по принципу «целое > часть». Данный тип переноса некоторые языковеды относят к метонимическому (Е. Е. Минакова, О. В. Раевская), а другие выделяют его в отдельный вид – синекдоху (Ш. Балли). В нашей работе интерпретируем его в рамках метонимического переноса. Семантическая группа «Часть (тела) человека/животного/растения» активно участвует в создании метонимических переносов. Здесь выделяем следующие метонимические модели.

9) Животное – часть тела этого животного: например, *aigrette* (Provence) со значениями «цапля» и «хохолок», *sapinette* (Rhône, Loire, Hautes-Alpes, Ardèche) со значениями «хвойное дерево», «шишка», «хвойная иголка».

10) Часть тела – одежда, которая носится на этой части тела: полисемант *cliques* (France régionale) со значениями «ноги» и «сабо».

11) Гиперо-гипонимический тип метонимического переноса: например, *bouquet* (Berry, Beaujolais, Lyonnais, Pilat, Ain) со значениями «цветок» и «цветущие растения», *poulaillie* (Est, Dauphiné, Lyonnais) со значениями «население птичьего двора» и «курица».

Итак, субстантивная полисемия регионализмов французского языка во Франции представлена

разнообразными метафорическими и метонимическими переносами, анализируя которые, мы можем постичь интереснейшие когнитивные механизмы человеческого мышления.

Примечания

- ¹ См.: Rézeau P. Dictionnaire des régionalismes de France. Géographie et histoire d'un patrimoine linguistique. Bruxelles, 2001.
- ² См.: Клоков В. Словарь регионализмов французского языка Франции. Саратов, 2012.
- ³ Чудаков А. О Потемне // Академические школы в русском литературоведении / отв. ред. П. А. Николаев. М., 197. С. 312.
- ⁴ Потемня А. Полное собрание трудов : Мысль и язык / подг. текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева ; коммент. Ю. С. Рассказова. М., 1999. С. 251.
- ⁵ Щерба Л. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 290.
- ⁶ Виноградов В. Русский язык : Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 18.
- ⁷ Там же. С. 19.
- ⁸ Смирницкий А. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 42.
- ⁹ См.: Глазунова О. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. С. 3.
- ¹⁰ См.: Алефиренко Н. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. 3-е изд. М., 2013. С. 149.
- ¹¹ Там же. С. 148.
- ¹² Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1988. С. 338.
- ¹³ См.: Гак В. Языковые преобразования. М., 1998. С. 496.
- ¹⁴ Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987. С. 61.
- ¹⁵ Падучева Е. К когнитивной теории метонимии. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

Образец для цитирования:

Шакирова У. А. Особенности субстантивной полисемии регионализмов французского языка во Франции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 165–169. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-165-169.

Cite this article as:

Shakirova U. A. The Features of Substantive Polysemy of Regionalisms of the French Language in France. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 165–169 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-165-169.

УДК 811.111' 374.2

РАСКРЫТИЕ СОДЕРЖАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛЬНЫХ ИМЕН В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

С. И. Гарагуля

Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова
E-mail: garagulya@mail.ru

Статья посвящена лексикографическому описанию культурно значимых английских фамильных имен, входящих в фоновые знания носителей английского языка. Предложенное структурирование словарной статьи позволяет раскрыть содержание подобных имен, включающее в широком смысле совокупность культурных, исторических, социальных, этнических, прагматических и других коннотаций.

Ключевые слова: антропоним, культурно значимое имя, содержание имени, фамильное имя, этимология.

Revealing the Content of English Family Names in a Linguocultural Dictionary

S. I. Garagulya

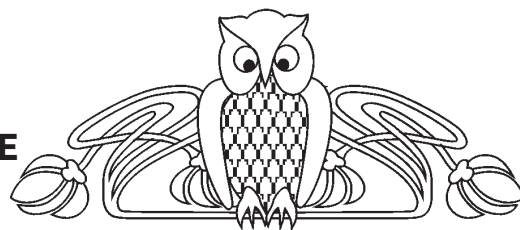
The present article reports on the lexicographical description of culturally significant English family names being a part of English speakers' background knowledge. The given structuring of a dictionary entry allows to reveal the content of such names including, in the broad sense, a set of cultural, historical, social, ethnic and other connotations.

Key words: anthroponym, culturally significant name, name content, family name, etymology.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-170-174

В общелингвистическом понимании план содержания представляет собой «предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира как внутренняя (семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы»¹. Применительно к антропонимической лексике (фамильным именам) план содержания – это, с одной стороны, определенная этимология, выражаемая апеллятивом, от которого произошло имя и который дает ему свое содержание, а с другой – с течением времени последнее утрачивается, переосмысливается, фонетически и структурно изменяется и ассоциативно наполняется новым содержанием, которое включает в широком смысле совокупность культурных, исторических, социальных, этнических, прагматических и других коннотаций, придающих имени новые смыслы в изменяющихся культурно-исторических и коммуникативных условиях.

Точно так же, как слова общего языка, фамильные имена имеют закрепленную за ними информацию. В плане содержания фамилий форма тесным образом связана с этим содержанием.

Например, следующие сочетания – *astonish the Browns* («удивлять (изумлять) всяких Браунов»; *бросить вызов общепринятым предрассудкам или общественному мнению*); *Brown, Jones and Robinson* (*Браун, Джонс и Робинсон*; *простые, рядовые англичане*); *Capability Brown* («способный Браун»; *тот, кто занимается садово-парковым дизайном*); *John Brown* (*Джон Браун*; *борец против несправедливости, герой-мученик*); *Sam Brown* («Сэм Браун», *офицерский поясной ремень с португеей*; *офицерская португеея*) имеют разное содержание, хотя фамильное имя используется то же самое – *Brown*, одно из самых распространенных фамильных имен в англоязычных культурах. Подобные фамилии обогащаются таким содержанием, которое выводит их на уровень культурно значимых имен. Это происходит благодаря расширению содержания имени.

Здесь уместно упомянуть то, что отмечает А. Вежбицкая в своей книге «Семантические универсалии и описание языков», определяя семантические признаки категоризации существительных и прилагательных. Она указывает, что существительное в целом более специфично, чем прилагательное, так как существительное применимо к меньшему числу предметов, чем прилагательное и, соответственно, объем существительного гораздо меньше, а содержание больше, чем у прилагательных². Если мы попытаемся применить этот тезис к фамильным именам, мы заметим, что по отношению к существительным фамильное имя, конечно, имеет гораздо меньшее содержание, но у него очень много ассоциативных признаков. И когда имя становится национально признаваемым, национально воспринимаемым, то у него появляется большой набор признаков (типичный представитель, внешность, характер, качества, образ жизни, поведение, одежда и т. д.): у такого имени содержание значительно расширяется, и этому имени присваивается гораздо большее количество признаков, чем просто имени. Эти признаки определяют степень глубины психологического восприятия имени в социуме, отражают национальный характер и национальную ментальность носителей англоязычной культуры.

Подготавливаемый к изданию «Лингвокультурологический словарь английских фамилий» включает культурно значимые английские фамилии, представляющие собой антропонимы, «наполненные» культурной информацией и входящие в фоновые знания носителей англий-

ского языка. Они вовлекаются в процессы метафоризации и метонимизации, употребляются в поговорках, служат основой для образования различных типов ономастической лексики и, наконец, становятся именами-символами, отторгаемыми от своих носителей и функционирующими независимо от них, получая дополнительную культурно-историческую значимость. Подобные фамильные имена репрезентируют англоязычное культурное пространство.

В отличие от обычных ономастических (антропонимических) лексикографических изданий, данный лингвокультурологический словарь ставит своей целью раскрыть *содержание* культурно значимых английских фамильных имен, выступающих как свернутые лингвокультурные тексты.

Словник содержит 150 фамилий, распространенных преимущественно в Великобритании, а также в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, национально-специфические антропонимические системы которых предстают как подсистемы антропонимической англоязычной и европейской традиции, обнаруживающей общее и особенное, свойственное языковым семиотическим системам. Отбор фамильных имен осуществлялся из британской и американской художественной, публицистической и научной литературы, ономастических и энциклопедических словарей и справочников.

Для включения фамилий в корпус словаря учитывались в максимально полном объеме следующие факторы:

- 1) общеизвестность фамилии в среде носителей англоязычной культуры;
- 2) функционирование фамилии в реальном антропонимическом узусе;
- 3) появление у фамилии метафорического, метонимического или ассоциативного значения;
- 4) употребление фамилии в произведениях устного народного творчества;
- 5) использование фамилии в процессе категоризирующей деривации;
- 6) участие фамилии в трансонимизации;
- 7) культурно-социальная значимость фамилии – ее использование в литературно-художественных произведениях; наличие среди носителей данной фамилии известных реальных деятелей в культуре, истории, политике и науке англоязычных стран.

Словарная статья в своем оптимальном варианте имеет следующую структуру.

Заголовочное слово. В качестве заголовочных слов, расположенных в алфавитном порядке и выделенных прописным полужирным шрифтом, выступают английские фамилии. Указание на произношение, ориентированное на британский вариант английского языка, приводится для каждой фамилии в виде нормативной фонетической транскрипции. После заголовочного слова следует передача фамилии на русском языке. Для некоторых фамильных имен приводятся также

традиционные варианты их русского написания, вводимые пометой *традиц.* Примеры заголовочных слов: **Blake** [bleik] Блейк; **Wilson** ['wilsən] Уилсон; *традиц.* Вильсон.

Этимология и функциональная характеристика фамилии. В среднеанглийский период укрепилась тенденция использовать небольшое количество личных имен ввиду их концентрации. По мере роста населения вошли в употребление разнообразные вторые имена, чтобы отличить многих людей по имени John, William, Robert или Richard друг от друга. Эти вторые имена, выполнявшие роль дополнительной идентификации человека, на начальном этапе представляли собой прозвища индивидуального характера. Постепенно они стали наследоваться и переходить из поколения в поколение. Впервые фамилии были зарегистрированы в Англии в XII в. и получили распространение, главным образом, в среде аристократической прослойки общества. Становление фамильного имени как наследуемого именованья происходило в течение всего Средневековья, и в XVII в. фамилия окончательно становится официальной формой. Традиционно в ономастике в разной терминологии выделяют фамилии, этимологически восходящие к антропонимам, топонимам, качествам, характеризующим человека, и названиям профессий. Для образования отантропонимических фамилий использовались полные именные формы и их дериваты, к которым присоединялся формант –son, указывавший, сыном кого был именуемый (Johnson < son of John сын Джона). В фамилиях типа Richards в такой функции выступал формант -(e) s, выражавший принадлежностные отношения (Richards < Richard's). Для создания отантропонимических фамильных имен применялись и другие форманты с подобным значением. В шотландской культуре употреблялся префикс Mac- (< гэл. mac – сын), иногда редуцированный до форм Mc- или M'- (MacDonald, McGregor). У ирландцев был распространен префикс O-, который передавал значение *дед, предок* (O'Brian, O'Henry). Некоторые фамилии содержат префикс нормандского происхождения Fitz- (fils – сын; Fitzgerald, Fitzwilliam). Валлийцы передавали значение слова *сын* префиксом Ap-/Ab- (Powell < Ap Howell; Bevan < Ab Evan). Иногда фамилии образовывались непосредственно от личных имен и их дериватов без сочетания с формантами, обозначавшими родство (Adam, Dick). В данном разделе словарной статьи приводятся сведения, связанные с появлением фамилии в английском антропонимиконе, а также ее распространенностью в нынешнем столетии. Иллюстрация употребления фамилии в «прямом» (денотативном) значении сопровождается примерами из художественной литературы. Например, фамилия Blake:

Blake. Фамилия, известная в Англии с XII в., восходит к прозвищным именам от древнеанглийских прилагательных blæc – «black» *черный* или

blāc – «pale fair, white» *светлый, бледный*. Вероятно, подобные прозвища могли быть даны по цвету волос или кожи их носителей. В настоящее время фамилия Blake относится к категории распространенных семейных именовании: по статистической встречаемости она входит в число 400 частотных фамилий в Великобритании и США.

Орфографические варианты фамилии. Многие английские фамилии не имеют единого нормативного орфографического оформления. Одна из причин разнообразия вариантов фамильного имени может быть связана с его историей. Фамилии используются на протяжении веков, и их написание, как правило, соответствует тем нормам, которые существуют на том или ином этапе развития языка. Например, фамилия Atkins: *вар.* Addekin, Adkin, Adkins, Atkin, Atkyns, Attkins, Nadkins.

Отфамильные личные имена. Во времена правления королевы Елизаветы I (Elizabeth I, 1533–1603) возникла традиция создания и использования фамилий в качестве личных имен. Вначале она получила распространение в семьях лордов-землевладельцев, а затем в других слоях высшего общества, в почтенных и уважаемых семьях XVI–XVII вв. Причиной этого было желание продлить жизнь своим фамильным именам, передавая их из поколения в поколение и тем самым сохраняя и демонстрируя генеалогические связи либо по отцовской, либо по материнской линии. Со временем появляется тенденция образования новых личных имен от фамилий, уже не указывающих на родство. Новым источником становятся фамилии известных людей как знак особого восхищения ими: фамилии национальных героев, государственных и политических деятелей, писателей, поэтов и др. Например: *ил.* Муж. Вугон; *ил. муж., жен.* Darby.

Фамилия в переносном значении. Имена с развившимися метафорическими и метонимическими значениями перестают служить средством обозначения одного референта: имеет место движение от имени единичного к его носителю обобщенного характера, причем в этом случае оно приобретает новые грамматические признаки – употребление во множественном числе или сочетание с артиклем. У такого имени содержание значительно расширяется. Его значения в словарной статье располагаются с учетом их употребительности. Две наклонные черты // вводят лингвокультурологический комментарий. Например, фамилия Nelson:

Nelson Нельсон, решительный и неустрашимый человек; отважный (храбрый) человек. // Отсылка к имени английского флотоводца, вице-адмирала Горацио Нельсона (Horatio Nelson, 1758–1805), обеспечившего английское морское господство на протяжении всего XIX в. Нельсон обладал незаурядным военным талантом, в боях отличался отвагой, являлся сторонником маневренной тактики и решительных действий. (...)

Устойчивые обороты. Они могут быть как общеупотребительными фразеологизмами, так и словосочетаниями терминологического характера. Устойчивые обороты восходят к художественно-литературным и историческим источникам или связаны с реальными людьми. Например:

according to Cocker «Как по Кокеру», точно, правильно, в соответствии с правилами. // Отсылка к английскому математику-методисту и эксперту по каллиграфии Эдуарду Кокеру (Edward Cocker, 1631–1676) как автору учебника по арифметике (*Arithmetick*), который использовался в школьном преподавании в Англии почти столетие и выдержал 112 изданий. (...)

Фольклорное имя. В этой части словарной статьи приводятся имена, используемые в фольклорных текстах – пословицах, поговорках, преданиях, балладах, сказках, народных песнях и т. д. В малых фольклорных жанрах часто применяются имена реальных людей, живших когда-то давно и ставших известными по определенным личным качествам, своему поведению или особенностям характера. Фольклорные имена приобретают символическое значение и становятся важной составляющей национальной культуры. Например:

Casey Jones Кейси Джонс. // Джон Лютер Джонс по прозвищу Кейси (John Luther /Casey/ Jones, 1863–1900) – герой американского песенного фольклора, легендарный машинист центральной железной дороги Иллинойса. По одной из версий, он стал символом отваги и героизма: заметив стоявший на путях товарный состав, Кейси Джонс велел спрыгнуть помощнику, а сам, пытаясь затормозить поезд, ценой своей жизни спас пассажиров. После этой катастрофы в 1900 г. его друг Уоллас Сондерс (Wallace Saunders) написал песню «Баллада о Кейси Джонсе» (*The Ballad of Casey Jones*), которая приобрела широкую известность в стране. Позднее было опубликовано более 40 ее вариантов. (...)

Производные формы. Потенциальная деривация возможна для большинства фамилий, однако она ограничена их реальным функционированием в речи, показывая, как фамилия воспринимается в обществе и в контексте целой нации. С помощью фамильных имен создаются такие производные формы, которые выводят их отдельные признаки в качестве категоризирующих: поведение, политические и религиозные взгляды и т. д. *Категоризирующее имя* представляет собой знаковое имя – имя эпохи, стиля, моды и его общественного восприятия, как положительного, так и отрицательного. *Категоризирующая деривация*, в результате которой происходит переход из сферы фамильного имени с определенным объемом содержания в сферу категоризирующего имени, указывает на высокую степень культурной и социальной значимости последнего. Например:

Hamiltonian *прил. амер.* Гамильтоновский, имеющий отношение к Александру Гамильтону

или связанный с его социально-политической деятельностью. // Форма образована от имени Александра Гамильтона (Alexander Hamilton, 1755/1757–1804), американского государственного деятеля, участника Войны за независимость США, идеолога и руководителя партии федералистов с момента ее создания. **2. суц.** Стронник Александра Гамильтона, федералист.

Персонажи литературно-художественных произведений. В данной части вводятся сведения о фамилиях, используемых в художественной литературе. Эта информация охватывает произведения британских и американских писателей. Фамильное имя персонажа сопровождается названием произведения на русском и английском языках, датой его написания, а также указываются имя писателя и годы его жизни. Например:

Daisy Armstrong Дейзи Армстронг, персонаж романа «Убийство в Восточном экспрессе» (*Murder on the Orient Express*, 1934) английской писательницы Агаты Кристи (Agatha Christie, 1890–1976).

Известные носители имени. Именования писателей, драматургов, ученых, политических деятелей, музыкантов, художников, актеров и т. д., широко известных в англоязычных странах и за их пределами, приобретают социально-культурную значимость. В словарной статье английские имена известных деятелей, расположенные в хронологической последовательности, также приводятся на русском языке в соответствии с их традиционными вариантами, используемыми в русских литературных источниках. Затем указываются даты жизни (в скобках), страна и род деятельности персоналии. Например:

Elizabeth Barrett Browning – Элизабет Барретт Браунинг (1806–1861), английская поэтесса викторианской эпохи; **Tod Browning** – Тод Браунинг (1880–1962), актер и сценарист, один из основоположников жанра фильмов ужасов.

Топонимы. Создание антропотопонимов представляет собой один из способов закрепления фамильных имен в культурно-исторической памяти людей. Вся информация, связанная с миром именуемого, кодируется в самом антропотопониме: интенции, личные мотивы, этнокультурный и исторический аспекты, ассоциации, различные образы в сознании имядателя. Наибольшее количество выделенных антропотопонимов относятся к американской лингвокультуре. Это объясняется тем фактом, что топонимическая система США является довольно молодой, и этапы ее эволюции прослеживаются более отчетливо в сравнении с древним топонимиконом Великобритании. Топонимы, восходящие к фамильным именам, были выделены в отдельный раздел словарной статьи с учетом следующих соображений. Именно с топонимами связана культурная, политическая и экономическая жизнь социума, и, соответственно, их экстралингвистическая

обусловленность находит свое выражение здесь с большей очевидностью, чем в других типах названий. Русская передача топонимической лексики принята по справочной литературе, изданной в России. Далее следует указание на характер географического объекта (округ, город, деревня, река, гора и т. д.), административное положение и страну. Затем приводится этимологическая справка, дополняемая информацией о причине появления названия. Например:

Rogers Роджерс, город в штате Арканзас (Arkansas), США. // Основан в 1881 г.; назван по имени руководителя железной дороги «Сент-Луис – Сан-Франциско» капитана Чарльза Уоррингтона Роджерса (Charles Warrington Rogers).

Другие типы онимов. Фамильные имена широко используются для образования других типов онимической лексики. Были выделены астронимы, зоонимы, фитонимы, маркируемые соответствующими пометами. Структура этой части словарной статьи аналогична разделу *Топонимы*. Например:

Parkinsonia *фит.* Паркинсония (род вечнозеленых деревьев или кустарников семейства бобовых). // Произрастает в сухих тропиках и субтропиках Америки, а также в Южной Африке; назван по имени английского ботаника Джона Паркинсона (John Parkinson, 1565–1650).

В конце словаря приводятся указатели всех фамилий, имеющих словарные статьи, фамилий в переносном значении, устойчивых оборотов, фольклорных имен, производных форм, топонимов, астронимов, зоонимов, фитонимов, названий минералов и химических веществ с указанием страницы, на которой представлена данная языковая единица, что облегчает читателю поиск необходимой информации. К словарю также прилагаются списки научных, лексикографических, справочных и иллюстративных источников.

В заключение следует отметить, что фамильные имена являются культурной универсалией и существуют в любой лингвокультуре, которая отражает имятворческие традиции отдельного индивида и целого народа. «Каждая культура порождает определенные типы собственных имен, в каждом имени отражаются крупницы данной культуры. Изменения в культурной жизни страны обычно сопровождаются сменой как отдельных имен, так и целых онимических категорий»³. Предложенное лексикографическое описание культурно значимых фамильных имен, способных аккумулялировать социальный, этнокультурный и исторический опыт, позволяет раскрыть их содержание, расширить границы традиционного описания антропотонимической лексики, а также показать ее функционирование в условиях реального узуса и литературно-художественного произведения. Выделенные особенности составляющих содержания имен подчеркивают их лингвокультурный характер, обусловленный развитием и

влиянием языка, социума, религии и обычаев. Работа над подготовкой к изданию «Лингвокультурологического словаря английских фамилий», адресованного студентам и аспирантам филологических специальностей, преподавателям университетов и колледжей, а также широкому кругу читателей, интересующихся английским языком и вопросами ономастики, находится на стадии завершения.

Примечания

- ¹ Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 273.
- ² См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 44.
- ³ Суперанская А., Сталтмане В., Подольская Н., Султанов А. Теория и методика ономастических исследований. М., 2007. С. 129.

Образец для цитирования:

Гарагуля С. И. Раскрытие содержания английских фамильных имен в лингвокультурологическом словаре // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 170–174. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-170-174.

Cite this article as:

Garagulya S. I. Revealing the Content of English Family Names in a Linguocultural Dictionary. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 170–174 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-170-174.

УДК 811.111(411) '42+811.152.2'42

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНАЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ

Н. С. Ширяев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: shiryevns91@gmail.com

В статье рассматриваются основные коммуникативно-дискурсивные характеристики текстов, опубликованных в политических блогах сторонниками независимости Шотландии, и выявляется степень воздействия данных характеристик на лексико-семантические особенности анализируемых текстов.

Ключевые слова: политический дискурс, интернет-коммуникация, шотландская идентичность, оценочная лексика.

Communicative and Discursive Characteristics of Analytical Blogs Dedicated to Scottish Independence

N. S. Shiryayev

The article reviews the main communicative and discursive characteristics of the texts published in political blogs by the supporters of Scottish independence; the author reveals the degree of how these characteristics impact the lexical and semantic features of the texts under analysis.

Key words: political discourse, Internet communication, Scottish identity, evaluative lexis.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-175-178

С недавнего времени Интернет стал особенно интересовать исследователей как эффективное средство влияния на общество. При этом одним из наиболее заметных сегментов Интернета является блогосфера.

К числу основных особенностей блогов относятся их публичность: любой пользователь имеет возможность прочитать записи и отреагировать на них лайками или комментариями. Наличие подобной реакции говорит об общественной значимости блога. Как отмечает К. О. Квятковский, «блогеры выполняют важную роль преобразования данных в информацию, которая ... выступает основанием для принятия политических решений»¹.

Под политическим блогом понимается такой блог, где пользователи участвуют в анализе, сборе и распространении политической информации. Наиболее характерными свойствами политических блогов являются обсуждение политически значимых тем, участие в дискуссиях самих авторов блогов, соблюдение правил, принятых виртуальным сообществом, например, возможная модерация комментариев.

Политические блоги – это эффективный инструмент политической борьбы, в данном случае,

по словам К. О. Квятковского, борьбы за символическое превосходство тех или иных способов означивания реальности². Они формируют особое дискурсивное пространство, за которым стоит отдельный «возможный мир» (термин Ю. Н. Степанова), определяющий способ осмысления и оценки фрагмента действительности. Это пространство определяется целью и характеризуется набором устойчивых тем, мотивов, идей, которые являются существенными элементами организации дискурса.

Материалом нашего исследования служат англоязычные тексты из блогов, посвящённых проблеме независимости Шотландии. Среди них выделяется ряд автономных блогов, таких как *Bella Caledonia*, *Scot Goes Pop*, *Wee Ginger Dug*, *Wings Over Scotland*. Нужно отметить, что проблему шотландского суверенитета рассматривали и более крупные информационные ресурсы, не являющиеся блогами, например *The Guardian*, *The Independent* и *The Belfast Telegraph*, в целом выступающие с позиций сторонников единого королевства. Подобная фрагментарность преодолевается за счёт того, что, во-первых, записи в *The Guardian*, *The Independent* и *The Belfast Telegraph* формально отвечают всем свойствам записей в блогах, во-вторых, общая идеологическая направленность крупных ресурсов не мешает отдельным авторам выражать иную точку зрения.

Тексты блогов, рассматриваемых в данной статье, появились в ответ на предложение Шотландской национальной партии (*The Scottish National Party*) провести в Шотландии референдум о независимости. Точка зрения, выражаемая этими блогами, основывается на программных документах данной партии, в частности на документе «Будущее Шотландии» (*Scotland's Future*)³.

Таким образом, можно утверждать, что за текстами в рассматриваемых блогах стоит одна область общественной практики, которая определяет массу других возможных текстов, являющихся репрезентантами этой практики⁴.

Одним из отличительных свойств анализируемых текстов является широкое употребление этнонимов и топонимов. Наиболее часто используется однокоренные этнонимы *Scottish*, *Scots* и *Scotsmen*. Анализ, проведённый с помощью сервиса «Адвего», показал, что их доля в рассматриваемых текстах составляет 1,35% от общего количества словоупотреблений. Практически столь же часто встречаются топонимы *Scotland* и *UK* (0,84 и 0,56%, соответственно). Реже исполь-

зуются топонимы *England* и *Britain* (0,23 и 0,19%) и производные от них прилагательные *English* и *British* (0,37 и 0,19%).

Высокая частотность указанных лексических единиц объясняется тематикой рассматриваемых текстов, в центре внимания которых находится проблема большей автономии Шотландии, вплоть до её отделения от Соединенного Королевства. Так, например, высокая частотность лексем *English* и *England* вызвана тем, что именно Англия является центром Соединённого Королевства и сторонникам независимости Шотландии во многом приходится противостоять Англии.

Этноним *Scottish* и топоним *UK* – наиболее частотные обозначения противостоящих сторон, поэтому интересно проанализировать те лексико-семантические, тематические и ассоциативные связи, которые характерны для указанных лексем в рамках рассматриваемого нами корпуса текстов.

К числу наиболее высокочастотных относятся, например, сочетания *Scottish people* и *UK government*. Это объясняется тем, что блогеры постоянно подчёркивают особую ценность демократии для Шотландии и важность простых избирателей – «шотландского народа». Соединённое Королевство рассматривается как структура, сдерживающая нормальное развитие Шотландии, и ответственным за это является его правительство.

Противопоставление понятий *шотландский/английский* и *шотландский/британский* определяет оценки, выражаемые в изучаемых текстах. Лексема *Scottish* имеет положительную оценочность, а лексема *the UK* – отрицательную. В большинстве случаев другие этнонимы и топонимы, связанные с Шотландией, также обладают положительной оценочностью, а связанные с Соединённым Королевством и Англией – отрицательной.

Так, прилагательное *English* регулярно сочетается со словом-аббревиатурой *MP* и лексемой *majority*, что тоже можно объяснить доминированием англичан в управлении Соединённым Королевством. Примечательно, что лексема *MP* теряет отрицательную оценочность, сочетаясь с прилагательным *Scottish*:

The emphasis is ours. England gets what England's MPs vote for more than 99% of the time; Summer quiz no. 3: Find the Scottish MP!

Оба приведённых примера явно свидетельствуют о том, что, с точки зрения сторонников независимости Шотландии, Шотландия недостаточно представлена в Парламенте Соединённого Королевства. Второй пример также примечателен своей саркастичностью: среди англичан в парламенте очень сложно найти шотландцев.

Таким образом, можно утверждать, что определённые фрагменты действительности, вербализуясь в дискурсе, получают особое ценностно-смысловое измерение, т. е. особый модус, в соответствии с которым преобразуются языковые единицы. Этнонимы и топонимы, аксиологически нейтральные в языке в целом, приобретают оценоч-

ность в связи с дискурсивными интенциями, и эта оценочность регулярно в них воспроизводится. Более того, в результате так называемого «семантического заражения» они передают приобретённую ими контекстуально обусловленную оценочность другим аксиологически нейтральным лексемам. В этом проявляются лингвокреативные способности дискурса, который не только отбирает ключевые для него лексические единицы, но и определённым образом модифицирует их значение, приспособливая таким образом эти единицы к возможно более эффективному выполнению характерных для него задач⁵.

Наиболее часто и регулярно этнонимы и топонимы передают выраженную оценочность политическим терминам. Однозначно положительно осмысляются сочетания типа *Scottish independence*, *Scottish sovereignty*. В связи со стремлением Шотландии образовать новое государство лексема *state*, употреблённая в одном синтагматическом ряду с этнонимом *Scottish*, неизменно приобретает положительную оценочность. В то же время сочетание *British state* имеет в изучаемых текстах ярко выраженную негативную окраску, поскольку британское государство представляется сторонниками независимости Шотландии как насильственное образование, отжившее явление.

Аналогичным образом переосмысляются лексемы *institution*, *government*, *politics* и *Parliament*. Шотландские общественно-политические институты регулярно предстают в анализируемом материале как нечто необходимое и справедливое. Однако им мешают выполнять свою работу аналогичные структуры Соединённого Королевства. Шотландский парламент представляется гарантом свободы и демократии, тогда как Парламент Соединённого Королевства является проанглийским политическим институтом, не способным ничего дать Шотландии и использующим свою власть во вред:

Now it's quite true that the UK parliament can change the rules to suit itself;

Support for more powers for the Scottish Parliament is absolutely overwhelming.

Выраженную оценочность имеют и другие топонимы. В рассматриваемых текстах регулярно употребляются лексемы *London* и *Westminster*. Будучи известными во всём мире, эти топонимы передают важную географическую, историческую, социально-культурную и политическую информацию. Лондон – это столица Соединённого Королевства, а Вестминстер – это район, где располагается Парламент Соединённого Королевства.

Как и рассмотренные выше этнонимы и топонимы, *London* и *Westminster* являются аксиологически нейтральными, но их связь с Соединённым Королевством и с Англией ведёт к тому, что в анализируемых текстах они приобретают отрицательную оценочность:

Why on Earth should any Scot have the slightest confidence that London will act in good faith in the event of a No vote?

In theory, Westminster can repeal Australian independence because the principle of parliamentary sovereignty means that it can do whatever it likes, no matter how absurd.

Приобретая выраженную оценочность, данные топонимы становятся способны влиять на своё непосредственное языковое окружение, в частности на политические термины. Так, наиболее часто топонимы *London* и *Westminster* сочетаются со лексемами *elections* и *parties*. *London/Westminster elections* – это выборы в Парламент Соединённого Королевства, который сторонники независимости считают проанглийской государственной структурой. Партии, заседающие в столице Англии – *London/Westminster parties*, – неспособны отдавать себе отчёт о том, что происходит в Шотландии. В связи с этим их деятельность представляется либо бессмысленной, либо недемократичной по отношению к шотландцам. В результате лексема *democracy* и однокоренные ей лексемы используются только по отношению к Шотландии. В этом отчётливо проявляется тот факт, что дискурс не только зависит от социальной реальности, но и сам способен к её конструированию⁶. Авторы изучаемых блогов стремятся внушить читателям, что шотландцы – самая демократичная нация если не в Европе, то хотя бы на Британских островах.

Этим же обусловлена высокая частотность слов *people* и *population*, употребляемых с прилагательным *Scottish*, выступающим в качестве определения. Интересно отметить, что, в отличие от собственно политических терминов (*government, independence, institution* и т. д.), лексема *people* не всегда приобретает отрицательную оценочность, даже сочетаясь с прилагательным *English*. Это объясняется, вероятно, значимостью демократии в системе ценностей западного мира, а также стремлением сторонников независимости показать свою солидарность с простым населением Англии:

Until a few weeks ago, there was at least some evidence that ordinary English people didn't swallow the media propaganda whole.

Все перечисленные противопоставления основываются на базовой лингвокультурологической категории «свой – чужой». Она создаёт простейшие семантические основы для оценки шотландского как «своего», а английского/британского как «чужого»⁷. Простота данного противопоставления ведёт к его продуктивности в изучаемых текстах.

Одним из типичных способов реализации противопоставления «свой – чужой» является использование дейктик⁸. Речь идёт, прежде всего, о местоимениях первого и третьего лица множественного числа – *we* и *they* – и связанных с ними формах. Высокая частотность дейктик

объясняется, прежде всего, их ситуативной обусловленностью. Точка зрения, выражаемая в рассматриваемых блогах, принадлежит не отдельным авторам, а целому сообществу с единой целью – вывести Шотландию из состава Соединённого Королевства, передать власть в руки шотландцев. Создаваемые данным сообществом тексты претендуют на универсальность в том отношении, что выражаемая в них точка зрения преподносится как общешотландская.

Таким образом, дейктика *we* обозначает одновременно и сообщество единомышленников, и всю шотландскую нацию («своих»), тогда как *they* относится к англичанам («чужим»). Соответственно, местоимение *we* приобретает положительную оценочность, а *they* – отрицательную:

As we extricate ourselves from the British State we need to examine what institutions and practices and values we can put in place to create a society that is free and open;

If they're honest enough to admit that they don't support substantial further devolution to Scotland, and invite us to think of Tory rule that we didn't vote for as an unavoidable price to pay for London's «love», then tell them that they have your respect, but they do not have your vote.

Тот факт, что изучаемые тексты претендуют на универсальную для всех шотландцев точку зрения, в очередной раз свидетельствует о стремлении авторов политических блогов оказывать определённое воздействие на общественное мнение и, прежде всего, доказать, что высказываемая ими точка зрения разделяется большинством населения Шотландии. Между тем как в процессе подготовки к референдуму о независимости Шотландии 2014 г., так и по результатам самого референдума было видно, что хотя идею об отделении от Соединённого Королевства поддерживает почти половина избирателей, их голоса не составляют абсолютного большинства.

Интересно отметить, что даже названия рассматриваемых блогов определённым образом указывают на представленный в них способ осмысления действительности. *Bella Caledonia* – латинское словосочетание, которое можно перевести как «Прекрасная Каледония». Каледония – древнеримское название области, находившейся на границе Римской империи к северу от современной Англии. Использование латинского языка и ассоциации с Римской империей ведёт к возникновению возвышенных коннотаций. Название *Wings Over Scotland* подразумевает проведение анализа шотландской политики «с высоты птичьего полёта», т. е. объективно. Название *Scot Goes Pop* свидетельствует о стремлении авторов блога преподнести информацию о Шотландии в доступной и интересной для населения форме: *pop* – общепринятое сокращение от *popular* – «популярный». Наконец, название *Wee Ginger Dug* – это выражение на шотландском диалекте английского, которое можно перевести как «Ма-

ленький рыжий пёс». Цветовое обозначение *ginger* (рыжий) традиционно ассоциируется с Ирландией и Шотландией. Таким образом, сами названия блогов в какой-то мере выражают суть их программы, в которой сочетаются серьёзность намерений и стремление быть ближе к населению.

Итак, блоги, посвящённые автономии и независимости Шотландии, представляют собой особое коммуникативно-дискурсивное пространство, объединённое общими целью и тематикой. Им свойствен набор регулярно повторяющихся мотивов, проблем и идей. Фрагменты действительности (диктум), вербализуясь в данном пространстве, получают оценку (модус), которая преобразовывает языковые единицы в соответствии с дискурсивными интенциями и является средством конструирования социальной реальности. Лексико-семантическое ядро исследуемого дискурсивного пространства составляют, прежде всего, этнонимы, топонимы и политические термины, приобретающие, будучи аксиологически нейтральными в языке в целом, устойчивую выраженную оценочность, которую они передают лексемам, входящим в их непосредственное окружение.

Примечания

¹ Квятковский К. Дискурс политической блогосферы как объект политологического исследования // Вестн.

Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 139.

² Там же. С. 138.

³ См.: Scotland's Future : Your Guide to an Independent Scotland / Scottish Government. Edinburgh, 2013.

⁴ См.: Maas U. «Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand» : Sprache im Nationalsozialismus. Leverkusen, 1984. S. 16.

⁵ См.: Колокольникова М. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 3–6.

⁶ См.: Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой ; общ. ред. А. Пузыря. М., 1996. С. 47–96 ; Дейк Т. А. ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений / пер. с англ. О. Гулыги // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 268–303.

⁷ См.: Слободенюк Е. Создание образа британского и немецкого политика в современном медиадискурсе Великобритании в аспекте оппозиции «свой – чужой» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. С. 10.

⁸ См.: Буряковская В. Стратегии расистского дискурса // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2006. С. 201.

Образец для цитирования:

Ширяев Н. С. Коммуникативно-дискурсивные характеристики аналитических блогов, посвященных независимости Шотландии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 175–178. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-175-178.

Cite this article as:

Shiryaev N. S. Communicative and Discursive Characteristics of Analytical Blogs Dedicated to Scottish Independence. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 175–178 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-175-178.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.109-3+929Пушкин

СПЕЦИФИКА МОТИВА ПУТИ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ОТРЫВКЕ ПУШКИНА

М. В. Устратова

Псковский государственный университет
E-mail: Marius1888@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению ранее не затрагиваемого литературоведами аспекта функционирования мотива пути в прозаических отрывках Пушкина, а также детерминации эстетических и мировоззренческих основ включения данного мотива в тексты. Проведенный анализ позволяет заключить, что наличие мотива пути в прозаических отрывках адекватно художественным установкам Пушкина: дорога служит не только фоном развития действия, предоставляя автору свободу для развертывания сюжетных линий, но и вбирает в себя фило-софско-метафорическое значение «дороги жизни».

Ключевые слова: Пушкин, прозаический отрывок, незавершенное сочинение, мотив пути, дорога жизни.

The Features of the Road Motive in a Prose Fragment by Pushkin

M. V. Ustratova

The article considers the aspect, heretofore disregarded by the literary critics, of how the road motive functions in prose fragments by Pushkin, as well as determines aesthetic and world view fundamentals of why this motive is included in the text. The analysis allows to conclude that the presence of the road motive in the prose extracts conforms to Pushkin's artistic paradigm: the road does not only serve as the background for the action development, providing the author with the freedom for unfolding plot lines, but also imbibes philosophical and metaphorical meaning of the 'road of life'.

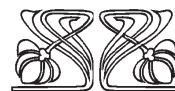
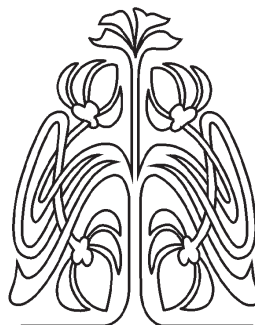
Key words: Pushkin, prose fragment, unfinished work, road motive, road of life.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183

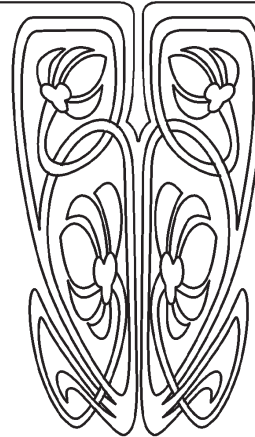
Мотив пути нередко становится объектом литературоведческих исследований, например, посвященных «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, прозе Н. С. Лескова. На основании этих работ можно говорить о том, что универсалия «дорога» в художественном произведении имеет два ярко выраженных плана. Первый – общеязыковой, известный широкому кругу читателей, согласно которому, «дорога» есть «<...> полоса земли, предназначенная для передвижения»¹; отрезок пространства между определенными точками. Другой план – иносказательный, сближающий дефиницию «путь» с сакральной семантикой предначертанной человеку судьбы с маркированными приобретением опыта и духовным становлением. Именно в иносказательном ключе звучит формулировка понятия «дорога» у Ю. В. Манна: «Дорога – это источник перемен жизни и подспорье в трудную минуту»².

Следует сделать оговорку относительно признанной нами синонимичности понятий «дорога» и «путь»: «Путь <...> То же, что дорога»³, взаимозаменяемость которых подтверждают данные Толкового словаря, иллюстрирующего эквивалентные смысловые оттенки двух понятий: «сбиться с дороги», «идти своей дорогой»⁴ – «сбиться с пути», «идти своим путем»⁵.

Яркой иллюстрацией употребления слова «путь» в переносном значении служит речь С. Т. Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», который провозглашает готовность двигаться вперед и исправлять ошибки: «Итак, в путь, чтобы поправить дело! В поздний путь, на дворе поздняя осень, туман лежит над полями, мерзлый, старческий иней покрывает будущую дорогу мою, а ветер завывает о близкой могиле <...> Но в путь,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в путь, в новый путь»⁶. Заявление Степана Трофимовича всецело иносказательно: так, под «поздним путем» подразумевается почтенный возраст, когда пришло осознание необходимости жизненных изменений; окутывающий землю «туман», как символ неопределенности и неопределенности, указывает на трудности предстоящего пути. Под «инеем», вероятнее всего, следует понимать холод одиночества; под заунывным «воем ветра» – щемящую душу тоску.

В творчестве Пушкина мотив пути занимает одно из ведущих мест, по поводу чего историк литературы Ю. И. Дружников подчеркивает: «Тема дороги у Пушкина – постоянная, тревожная, болезненная, подчас мрачная, проходящая через всю жизнь. Всегда он стремился двигаться, ехать, идти. Подсчитано, что он восемь лет провел в пути»⁷.

Весьма знаменательно, что, согласно мировоззренческой концепции Пушкина, дорога – это жизнь, непрерывное обновление и развитие; вероятно, именно по этой причине поэт рвется в путь, который является источником поэтического вдохновения и раздумий («Путешествие в Арзрум», «Метель», «Капитанская дочка», «Телега жизни» и т. д.).

И в прозаическом, и в поэтическом творчестве Пушкина мотив пути достаточно изучен⁸, однако литературоведческие исследования не затрагивали вопроса бытования дорожных мотивов в структурах незавершенных произведений. С учетом этого цель статьи заключается в определении индивидуально-авторской специфики введения мотива пути в прозаические отрывки.

Наиболее продуктивными для нашей работы правомерно считать два толкования термина «мотив», который имеет широкий диапазон значений. Первое, выдвинутое Г. А. Левинтоном и Б. Н. Путиловым, ориентирует на прямое понимание образа дороги: «Мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие»⁹. Второе определение апеллирует к аспекту ассоциативному: «Мотив – это минимальный компонент художественного произведения, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Часто под мотивами понимают ключевые, опорные слова-символы, несущие в тексте особую смысловую нагрузку»¹⁰.

Выделив из числа незавершенных прозаических сочинений Пушкина отрывки, соответствующие параметру наличия мотива пути, мы условно ректифицировали их на две группы: «в преддверии пути» и «в пути», в соответствии с положением, в котором находится главный герой.

Базой для дифференциации послужили отмеченные в фундаментальном труде В. Я. Проппом «устойчивые элементы», «функции», образующие сюжетную схему сказки, в которой естественным состоянием активно действующих героев является перемещение в пространстве:

1) герой покидает дом (привычный мир); отправляется в путь;

2) путь героя: путешествие с прохождением испытаний¹¹.

К первой группе незавершенных пушкинских сочинений, которую условно можно обозначить «накануне путешествия» = «в преддверии перемены», поскольку по сюжету действующие лица пребывают в фазе «на пороге», перед отправлением в путь, относятся отрывки «Роман на Кавказских водах», «Русский Пелам» и «Марья Шонинг», заключительные фразы которых семантически подобны и привязаны к дорожной тематике: «Парасковья Ивановна уехала»¹², «<...> с головной болью и изгаю *отправился в дорогу*» (417), «<...> *пошел своею дорогою*» (397).

Ход поездки, ее результаты выносятся за раму текста. Пушкин избирает наилучший момент для прерывания работы над замыслами – момент вступления героев на путь духовного совершенствования, когда они, покинув дом, оказываются в переломной ситуации, с которой должен начаться новый этап пути. Писатель, ставя многоточие, как будто отступает перед открывающимся необъятным горизонтом возможностей дальнейшего развития событий, предоставляя реципиенту свободу воображения и интерпретаций текста.

Использование Пушкиным аналогичного метода прекращения повествования в романе «Дубровский» отмечает Ю. И. Дружников: «Герой уехал, и работа над романом остановилась так же неожиданно, как началась»¹³.

Обратимся к особенностям мотива пути в группе отрывков «накануне путешествия». В написанной Пушкиным экспозиционной сцене «Романа на Кавказских водах» образ дальней дороги является центральным: «Помилуй, мать моя, – сказала вошедшая старая дама, – да ты собираешься *в дорогу!* <...> Да ведь это ужесть как далеко» (412). Именно на нем строится сюжетный каркас отрывка, насыщенного «дорожной» атрибутикой: автор изображает домашние хлопоты, связанные со сбором вещей, описывает новую дорожную карету, рассказывает о приезде-отъезде гости и передает разговоры героев о предстоящем пути, о планах на будущее.

Событие поездки, прежде всего, ориентирует читателя на смену топоса: семейство московской барыни Томской из родного дома, «своего» пространства, перемещается в «чужие» края, где его ждут авантурные приключения, похищения и дуэли. Не случайно будто бы предостережение звучит в продублированном Парасковье Ивановой вопросительном местоимении «куда»: «<...> куда тебя бог несет? <...> Охота тебе тащиться бог ведает куда, бог ведает зачем» (412).

С динамической функцией мотива пути, дающего толчок фабуле, спаяна интенция развития сюжета в любовном ключе, на возможную перспективу которого указывает наставление Маше: «<...> воротись у меня с Кавказа румяная, здоровая, а бог даст – и замужняя» (413). Действительно, по наблюдениям А. В. Чичерина за набросками Пушкина, стержнем сюжета отрывка

«Роман на Кавказских водах» должна была выступать любовная интрига: Якубович похищает русскую девушку, которая с ним кокетничает. Гринева спасает ее и на дуэли убивает соперника¹⁴.

Мотив пути наличествует в отрывке «Русский Пелам», который обрывается на сообщении о том, что главный герой, дав прощальный пир, «<...> с головной болью и с изгаю отправился в дорогу» (417). По контрасту с «Романом на Кавказских водах», в котором дорога пролегает из дома, в «Русском Пеламе» «перемены жизни» (417) – несущие символический смысл слова, вскользь оброненные отцом в письме к сыну, – произойдут по возвращении молодого человека из Германии на родину, где должна начаться новая, наполненная интересными событиями жизнь: Пелам выходит в большой свет, попадает в дурное общество, ведет беспутную жизнь, влюбляется, сватается и т. д.

В канву незаконченного сочинения «Марья Шонинг» в связи с мотивом пути довольно органично вплетаются механизмы русской сказки. Прежде всего, следует обратить внимание на типичный для народного творчества образ ростани, возникающий в момент, когда Марья после аукциона имущества отца выходит на улицу и «<...> останавливается в недоумении: куда ей было идти?..» (397). Это значимое «недоумение» есть несомненная аналогия фольклорной ситуации «выбора пути», сопровождающейся размыслением у камня-указателя на развилке трех дорог, когда от принятого героем решения о направлении пути зависит его будущее.

Достаточно симптоматично, что хронотоп дороги выступает местом встреч, где в одной временной и пространственной точке пересекаются «<...> пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто формально разьединен социальной иерархией <...> здесь могут переплестись различные судьбы»¹⁵. Такая встреча происходит у Марьи с юношей, образ которого можно квалифицировать в качестве прототипа сказочного помощника¹⁶, дающего мудрый совет: «Молодой человек в золотых очках, подошел к ней и очень вежливо вызвался отнести портреты, куда ей будет угодно» (397). Молодой человек, предположительно, из богатого сословия, на что указывает деталь описания – «золотые очки», не ущемлен в правах, он свободно, не встречая препятствий, шествует по жизни. Девушка же, напротив, является представителем обездоленного народа, изображение которого, по целевой установке Пушкина, в данном произведении центральное.

Так, жизненные тропинки людей разных социальных положений, которым в реальности не по пути, пересеклись, но тут же расходятся, поскольку у каждого «своя дорога»: «Молодой человек дождал несколько секунд, и пошел *своею дорогою*» (397). Марье так же предуготован «свой путь», который, однако, на данном этапе раздорья не ясен, что подчеркивается трижды повторенным

указательным местоимением «куда» и философским многоточием, завершающим риторический вопрос: «<...> куда ей было идти?..» (397).

В книге И. В. Силантьева «Поэтика мотива» очерчены перспективы развития сюжета, взаимосвязанные с потенциалом мимолетной встречи: «<...> молодой человек примет участие в судьбе девушки <...>, между героями возникнет взаимность <...>, он догонит девушку, и она уже не откажется от его участия, или, может быть, они неожиданно встретятся вновь»¹⁷. Вполне вероятно, что один из выдвинутых исследователем вариантов совпадает с замыслом Пушкина, однако в том виде, в котором незаконченное сочинение издано редакторами, перед читателем калькированно проступают очертания не любовной линии, а «лишничества», выпадающего на долю Марьи: «<...> и я не знаю, куда мне деться <...> Не знаю, куда мне определиться <...> Пожалуйста, напиши, нужна ли я тебе» (396).

Как можно заметить, Пушкин, помимо того, что лишает своих героев – невольных путешественников – оседлости, домашнего очага, также окрашивает их существование в тона личной ненужности, одиночества, будто бы преломляя в повествовании некоторые биографические черты: «Состояние изоляции было неотъемлемым чувством самого Пушкина едва ли не всю жизнь, с юности и до конца он оставался бездомным, если не считать домом без конца снимаемые им комнаты <...> А шире – лишничество объемлет его духовную бездомность»¹⁸.

Систематизация рассмотренных выше особенностей, свойственных группе отрывков «накануне перемен», позволяет сделать вывод о том, что, помимо универсальной функции стимулирования движения сюжета, мотив пути – в данном случае «поездки», подразумевающей смену места пребывания, – является символом предстоящих в судьбах персонажей перемен.

Вторую группу незавершенных сочинений, детерминированную нами «в пути», поскольку, в соответствии с сюжетом, действующие лица уже отправились в путешествие, составляют прозаические отрывки «Записки молодого человека», «В 179* году возвращался я...», «Повесть из римской жизни».

Эти тексты подобны путевому очерку, и выводимый Пушкиным в первых строках образ пути представляет собой конкретный отрезок дорожного полотна от пункта А в пункт Б: так, офицер из «Записок молодого человека» перемещается из Петербурга в местечко Васильков, где расположен его полк; герой отрывка «В 179* году возвращался я...» направляется в Лифляндию с желанием обнять мать; делегация Нерона в «Повести из римской жизни» движется из Рима в Кумы.

В данном случае дорога выступает не только в роли фона развития действия, но в определенной степени объектом изображения нарратора, ищущего случая развеять скуку то в беседе с ямщиком, то со смотрителем почтовой станции.

Оценить специфику восприятия пространств русской земли повествователем «Записок молодого

го человека» позволяет обращение к одному из текстовых описаний: «Я пошел по большой дороге – справа тощий оземь, слева кустарник и болото. Кругом плоское пространство. Навстречу одни полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако. Какая скука!» (404).

Обозреваемый пейзаж разочаровывает героя и навеивает тоску, причины чего могут быть объяснены с точки зрения художественной, согласно которой образ юноши, как представителя молодежи XIX в., предполагает иллюстрацию «преждевременной старости души», утраты интереса к жизни. Подход биографический завязан на авторском чувстве постылости, унылого однообразия жизни. Для подтверждения этой позиции можно сослаться на В. В. Вересаева – составителя систематического свода подлинных свидетельств современников Пушкина, – который акцентирует внимание на том, что в письмах поэта звучит «вечный, неизменный лейтмотив: скука, скука; тоска, тоска <...>»¹⁹

В ходе повествования отрывков второй группы реальная дорога трансформируется в метафорический образ «жизненного пути», цель прохождения которого заключается в обнаружении истинного предназначения человека.

Бессознательным, но настораживающим предчувствием столкновения с препятствиями в процессе поиска «своей колеи» можно диагностировать смену эмоционального состояния персонажей во время путешествия. Так, если в начале поездки сердца наполнены радостью: «При мысли о моей свободе, об удовольствиях пути и приключениях, меня ожидающих, чувство несказанной радости, доходящей до восторга, наполнило мою душу» (403) («Записки молодого человека»); «В 179* году возвращался я с веселою мыслию <...>» (418); «<...> ложились пировать и весело беседовали <...>, сладко засыпали <...>» (387) («Повесть из римской жизни»), то через короткий промежуток времени господствует иное настроение: «Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет» (403); «К умножению досады, бричка моя сломалась» (418); «Я не мог уснуть; печаль наполняла мою душу» (388).

Подсказкой, провоцирующей творческое сознание читателя к ожиданию авантурных приключений, является ситуация-символ – внезапная, вынужденная остановка в пути, причины которой в двух отрывках практически идентичны: в «Записках молодого человека» герой вынужден задержаться на станции из-за отсутствия лошадей; по фабуле «В 179* году возвращался я...» сломалась бричка. Герои, таким образом, помимо воли пребывающие на чужой территории (почтовая станция), оказываются в изоляции.

Раскрытию сущности интересующего нас аспекта непредвиденного прерывания поездки способствует привлечение стихотворения Е. А. Баратынского «Дорога жизни», в котором поэт уподобляет жизнь человека езде на перекладных:

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы

И с нами теми роковые

Прогоны жизни платим мы²⁰.

Трактовка параллели сюжетных событий отрывка и стихотворения обнаруживает символический смысл «остановки» как, своего рода, предзнаменования, указания на то, что человек отклонился от нужного направления, и ему предоставляется возможность переоценить ситуацию и выбрать другой путь.

Ценное наблюдение по поводу значимости в жизни героя отрывка «В 179* году возвращался я...» трех событий: «... остановки героя на станции, пушечного выстрела, встречи и знакомства с хозяевами деревни»²¹ принадлежит И. В. Силантьеву, который на их основании предлагает рассматривать как один из возможных вариантов проявления авторской интенции любовную историю – по-видимому, принимая за доминанту эпизод чаепития с Каролиной Ивановной и ее приглянувшейся юноше дочерью. Ранее П. Дебрецени, собравший в книге «Блудная дочь» материалы о незавершенных прозаических произведениях Пушкина, выдвинул точку зрения, согласно которой «Фрагмент “В 179* году возвращался я...” (1835) представляет собой набросок к любовной истории между офицером и девушкой-дворянкой, но в нем практически нет указаний на дальнейшее развитие событий»²².

Как нам кажется, подтверждение узловых роли непредсказуемой остановки в пути можно обнаружить в «Повести из римской жизни», в которой взаимосвязаны два элемента: неожиданное прерывание безмятежного похода свиты цезаря и последующее за ним судьбоносное обвинение консула Петрония.

Таким образом, в отрывках, принадлежащих группе «в пути», помимо того, что дорога является фоном развития действия, предоставляя Пушкину свободу для развертывания спектра таких фабульных ходов, как авантурные приключения, встречи, знакомства: «Дорога собственно выгодна для изображения события, управляемого случайностью»²³, она выступает символом «жизненного пути».

Резюмируя особенности функционирования мотива пути в незавершенных сочинениях Пушкина, следует выделить два ключевых момента.

Во-первых, включение мотива пути в прозаические отрывки адекватно художественным установкам Пушкина. Роль мотива пути в структуре выделенной нами группы текстов «накануне путешествия» довольно типична – он, обуславливая причинную связь между событиями, знаменует начало сюжетной ситуации. В то же время «путешествие» – иными словами, пространственно-временная передислокация действующих лиц – обретает иносказательный смысл, становясь вехой нового этапа жизненного пути героя. Дорога под таким углом зрения уподобляется некоему переходному мосту, соединяющему моменты «до» и «после» судьбоносных перемен.

Дорожный мотив, включенный в другую группу отрывков, обозначенных нами как «в пути», обладает универсальной конструктивной функцией

организации сюжетных ходов в тексте, где дорога является фоном развития действия. Кроме того, поскольку Пушкина с конца 1820-х гг. не покидают мысли о поиске «своей колеи» и свободе (выбора, действий, творчества):

Ты царь: живи один.
Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум²⁴,
внедрение в отрывки мотива пути, который носит философско-символическое значение «дороги жизни»: «Дорога – это пространство не только для встречи с чужими, но и с самим собой, и пространство для размышления о пройденном и будущем своего пути, т. е. время самосознания»²⁵, вырастает в размышления о жизненном пути человека, обращенного к неизведанному будущему.

Во-вторых, причина неизменно звучащего в произведении Пушкина мотива пути гипотетически может быть диагностирована в биографическом ключе. Так, из признания Пушкина в одном из писем П. В. Нащокину (25 февраля 1833 г.): «Путешествие нужно мне нравственно и физически»²⁶, складывается впечатление, что поэту не важен пункт следования, обстоятельства поездки и т. д., главное для него – быть в дороге, в движении:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать <...>
Повсюду я готов. Поедем <...>²⁷

В связи с этим вполне понятной становится сердечная тоска по путешествиям поэта, непрестанные попытки которого добиться разрешения на выезд в Западную Европу терпят крах и странствования оказываются под запретом. В подобном ракурсе, как нам кажется, можно говорить о том, что воплощение мечты Пушкина, осуществляясь заочно в художественной реальности, оборачивается дарованием свободы территориально-пространственного перемещения персонажам. Иными словами, это создание иллюзии желанного бегства, мысль о котором ярко звучит в стихотворении «Пора, мой друг, пора!»:

Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег²⁸.

Примечания

- ¹ Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 176.
- ² Манн Ю. Смелость изобретения. Черты художественного мира Гоголя. М., 1985. С. 138.
- ³ Ожегов С., Шведова Н. Указ. соч. С. 634.
- ⁴ Там же. С. 176.
- ⁵ Там же. С. 634.
- ⁶ Достоевский Ф. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 10. М., 1994. С. 313.
- ⁷ Дружников Ю. Смерть изгоя. По следам неизвестного Пушкина. Балтимор, 2001. С. 114.
- ⁸ См.: Вересаев В. В двух планах. М., 2000 ; Дебрецени П. Блудная дочь. СПб., 1996 ; Дружников Ю. Указ. соч. ; Жиын С. Образ пути и его значение в творчестве Пушкина : «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Рус. лит. 2003. № 2. С. 66–80 ; Слинникова Э. Лирический цикл Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829 г.)» // Пушкинский сборник : сб. науч. тр. Л., 1977. С. 3–15 ; Скотов Н. Русский гений. М., 1987.
- ⁹ Путилов Б. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. в память В. Я. Проппа. М., 1975. С. 149.
- ¹⁰ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. М., 2006. URL: <http://nashol.com/2011042254599/literatura-i-yazik-sovremennaya-illustrirovannaya-enciklopediya.html> (дата обращения: 12.11.2016).
- ¹¹ См.: Пропп В. Морфология волшебной сказки. М., 1969.
- ¹² Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1949. Т. VIII. С. 413. Далее текст отрывков цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹³ Дружников Ю. Указ. соч. С. 115.
- ¹⁴ См.: Чичерин А. Возникновение романа-эпопеи. М., 1975. С. 97.
- ¹⁵ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М., 1975. С. 392.
- ¹⁶ См.: Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 139.
- ¹⁷ Силантьев И. Поэтика мотива. М., 2004. С. 191.
- ¹⁸ Дружников Ю. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁹ Вересаев В. Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ Баратынский Е. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 53.
- ²¹ Силантьев И. Указ. соч. С. 192.
- ²² Дебрецени П. Указ. соч. С. 288.
- ²³ Бахтин М. Указ. соч. С. 392.
- ²⁴ Пушкин А. Указ. соч. Т. III. кн. 1. С. 233.
- ²⁵ Жиын С. Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ Пушкин А. Указ. соч. Т. XV. С. 332.
- ²⁷ Там же. Т. III. кн. 1. С. 191.
- ²⁸ Там же. С. 330.

Образец для цитирования:

Устратова М. В. Специфика мотива пути в прозаическом отрывке Пушкина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 179–183. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183.

Cite this article as:

Ustratova M. V. The Features of the Road Motive in a Prose Fragment by Pushkin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 179–183 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-179-183.

УДК 821.1611.09-31+929Достоевский

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНАХ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И «ПОДРОСТОК»: СТАРОРУССКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА

Ю. В. Юхнович

Филиал «Дом-музей Ф. М. Достоевского» Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
E-mail: yulyayu@list.ru

«Униженные и оскорбленные» – одна из «сквозных» тем Ф. М. Достоевского. Она остается актуальной и на последнем этапе его творческой деятельности, связанном со Старой Руссой. Этот город стал прообразом Скотопригоньевска из «Братьев Карамазовых» и городка Афимьевска из романа «Подросток». В письмах Достоевского, мемуарах его жены, свидетельствах старорусских знакомых писателя встречаются упоминания о жителях города, которых можно рассматривать как прообразы «униженных и оскорбленных» в данных романах.

Ключевые слова: образ, провинция, город, реалии, униженные и оскорбленные, Ф. М. Достоевский, Старая Русса.

**F. M. Dostoyevsky's 'Insulted and Humiliated'
in the Novels *The Brothers Karamazov* and *The Adolescent*:
Staraya Russa Period of Work**

Yu. V. Yukhnovich

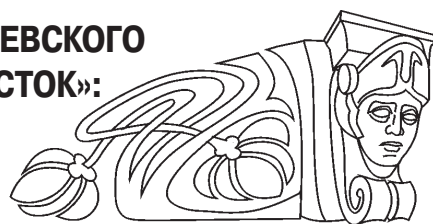
'Insulted and humiliated' is one of F. M. Dostoyevsky's recurrent themes. It remains up-to-date in the last period of his creative work related to Staraya Russa. This town became the prototype of Skotoprigonievsk from *The Brothers Karamazov* and the small town Afimievsk from the novel *The Adolescent*. In Dostoyevsky's letters, in his wife's memoirs, in the reports of the writer's friends from Staraya Russa there crop up the recollections of the citizens, who can be considered the prototypes of the 'insulted and humiliated' in these novels.

Key words: image, province, town, culture-specific elements, insulted and humiliated, F. M. Dostoyevsky, Staraya Russa.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-184-187

Тема «униженных и оскорбленных» занимает одно из ведущих мест в творчестве Ф. М. Достоевского. По замечанию В. Я. Кирпотина, писатель «никогда, до конца дней своих, не мог подавить в душе страстной заинтересованности в участи униженных и оскорбленных, угнетенных и эксплуатируемых, не мог подавить голос сомнения, неверия, протеста и бунта»¹.

В ранних произведениях Достоевского «униженные и оскорбленные» – это персонажи, подавленные своим социальным положением, которое непосредственно влияет на их нравственное состояние. Они не могут в силу обстоятельств изменить свою жизнь: они одиноки и обречены на осознание своей несостоятельности. Самым показательным в этом смысле героем среди «униженных и оскорбленных» Достоевского в его ранних произведениях является Макар Девушкин.

В романе «Бедные люди» Достоевский сразу определяет «сквозную тему» своего творчества – противопоставление человека социальной среде (не случайно В. Г. Белинский назвал «Бедных людей» «первой попыткой социального романа»², предвещая тем самым большое литературное будущее Достоевского). Макар Девушкин испытывает моральные муки, стыдясь своей бедности: «... бедный-то человек и на свет-то Божий иначе смотрит, и на каждого прохожего косо глядит, да вокруг себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову, – дескать, не про него ли там что говорят... Да уж если вы мне простите, Варенька, грубое слово, так я вам скажу, что у бедного человека на этот счет тот же самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический. Ведь вы перед всеми – грубое словцо-то мое простите – разоблачаться не станете, вот так точно и бедный человек...»³. В письмах к Вареньке Девушкин изливает душу, чувствуя, что нашел близкого человека, *равного себе*. Только в ней он надеется найти счастье и понимание. Однако он не может удержать Вареньку, когда ее силой увозит помещик Быков. «Стыдливость» бедного человека не позволяет герою изменить сложившиеся обстоятельства. Так, через образ Макара Девушкина, Достоевский вскрывает трагедию бедного, обездоленного человека.

К образам «униженных и оскорбленных» Достоевский обращался не только на начальных этапах своего творческого пути. Значимая для писателя тема прозвучала и на страницах его поздних произведений, в том числе в романах «Братья Карамазовы» и «Подросток». В «Братьях Карамазовых» мы встречаем персонажей, образующих так называемое фоновое пространство романа, из которого создается образ провинциального городка Скотопригоньевска. Скотопригоньевск населяют несчастные, нуждающиеся, обездоленные люди: юродивые, вдовы, мелкие служащие, их семьи. В значительной степени тема «униженных и оскорбленных» раскрывается Достоевским на примере семьи штабс-капитана Снегирева. Здесь в образах самого штабс-капитана и членов его семьи показана не только униженность социальными условиями, в которых они находятся; это не та нравственная тоска, которую переживает Макар Девушкин, а отчаяние, граничащее с бунтом. Это подтверждается характеристикой внешнего вида Снегирева и его поступков: «Он похож был на человека, долгое время подчинявшегося и натерпевшегося, но который бы вдруг вскочил и захотел

заявить себя. Или, еще лучше, на человека, которому ужасно бы хотелось вас ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. В речах его и в интонации довольно пронзительного голоса слышался какой-то юродливый юмор, то злой, то робеющий, не выдерживающий тона и срывающийся» (14, 181). Штабс-капитан рассказывает Алеше Карамазову историю своей семьи. Алеша передает Снегиреву деньги от Катерины Ивановны Верховцевой – богатой генеральской дочери, которая хочет помочь нуждающейся семье. Сначала штабс-капитан их принимает, но неожиданно рвет кредитки и топчет их со словами: «Доложите пославшим вас, что мочалка чести своей не продает-с!» (14, 193). В Снегиреве проявляется желание показать свое человеческое достоинство, выделиться себя среди других. А. П. Скафтымов писал о таком поведении героя: «Оскорбленный, он сейчас же вслед за сознанием своего “падения” и “униженности” назло совершает такие поступки, которые засвидетельствовали бы его неподчиненность, внутреннюю независимость, самогосподство перед тем, что его давит и возносится над ним»⁴. Такой же нравственный протест мы видим и в поведении сына Снегирева Илюши, когда он при встрече с Алешей кусает его за палец, кидается камнями в школьных товарищей или кормит дворовую собаку хлебным мякишем, внутри которого спрятана булавка: «В маленьком существе, а великий гнев-с...» (14, 187).

Таким образом, в «униженных и оскорбленных» героях, которых мы встречаем в поздних произведениях Достоевского, в том числе в романе «Братья Карамазовы», наряду с кротостью и покорностью судьбе появляется потребность к бунту, желание изменить сложившиеся обстоятельства. Но есть у Достоевского и другие персонажи, которым, как сказано в поговорке, «горе на роду написано». В «Братьях Карамазовых» это городская юродивая Лизавета Смердящая: «Отец ее был бездомный, разорившийся и хворый мещанин Илья, сильно запивавший и приживавший уже много лет вроде работника у одних зажиточных хозяев, тоже наших мещан. Мать же Лизаветы давно померла. Вечно болезненный и злобный Илья бесчеловечно бивал Лизавету, когда та приходила домой. Но приходила она редко, потому что приживала по всему городу как юродивый божий человек» (14, 90). Несчастная судьба Лизаветы зависит от тех жизненных условий, в которых она находится. Н. В. Кашина объясняет несчастья героев Достоевского общественной, социальной ситуацией, той средой, которая их окружает: «Личные ситуации героев Достоевского всегда восходят к большой социальной ситуации “неблагообразия мира”. Достоевский широко типизирует социальные ситуации, в которых живут и действуют все его герои. И здесь Достоевский проявляет себя как проницательный социолог. Он улавливает действительно значительные общественные ситуации России своего времени»⁵.

Скотопригоньевск, где живут «униженные и оскорбленные» герои Достоевского, является собирательным образом России. Но у этого городка есть конкретный прообраз. В облике Скотопригоньевска мы можем без труда обнаружить приметы Старой Руссы. В этом городе Достоевский проводил летние месяцы 1872–1880 и зиму 1874–1875 гг.; здесь писатель приобрел дом, ставший для него уютным гнездом, где ему удобно и спокойно работалось. Со Старой Руссой связана история создания «Братьев Карамазовых» и «Подростка». Нельзя исключить, что образы «униженных и оскорбленных» в этих произведениях во многом были навеяны старорусской действительностью.

Одним из интереснейших источников, дающих представление о старорусской действительности времен Достоевского, являются дневниковые записи П. И. Новикова. Во время первого приезда писателя в город Новиков состоял в должности старорусского исправника. Вполне естественно, что он должен был знать Достоевского. Однако ни в письмах Федора Михайловича, ни в дневниках Петра Ивановича мы не находим никаких доказательств этого. Новиков, конечно же, знал, что за писателем в Старой Руссе был учинен тайный полицейский надзор, поэтому по долгу службы мог сам участвовать в следственных мероприятиях по делу Достоевского. В дневниках П. И. Новикова мы находим множество реальных, связанных с социальной и общественной жизнью Старой Руссы, которые мог наблюдать Достоевский во время своего пребывания в городе. Например, Петр Иванович рассказывает о телятнице, которая отдала новорожденного ребенка в воспитательный дом из-за того, что ее бросил любовник: «Мне известно, что телятница родила ребенка и отправила в воспитательный дом. Но почему это легко объяснить – она живет с матерью и не имеет средств к его воспитанию»⁶. Интересно запись Новикова о некоем Баркове: «Во втором часу являлся Барков... просил 5 руб. – рассердил только меня! Не дал денег, чтобы к вечеру не ползал на четвереньках... у него одно на уме – водка – и он не считает виной быть ежедневно нализовавши...»⁷

Известно, что в Старой Руссе, когда там жил Достоевский, насчитывалось 68 питейных заведений. Это довольно значительное число, если учитывать численность городского населения – 12 тысяч человек⁸. Многие местные жители постоянно посещали питейные заведения, многие становились пьяницами. Эта реальная старорусской действительности нашла отражение в романе «Братья Карамазовы», где теме «безудержного пьянства» отведено особое место. У Достоевского понятие «пьяненький человек» имеет неоднозначный смысл. Это может быть не только человек, злоупотребляющий спиртными напитками, но и герой, которого пагубная страсть, обусловленная социальным положением, приводит к утрате нравственных ориентиров; по сути, это тот же

обездоленный, «униженный и оскорбленный». Первоначальная редакция «Преступления и наказания», где одной из ведущих является тема «униженных и оскорбленных», называлась «Пьяненькие». Герои Достоевского, находясь под воздействием алкоголя, рассказывают о своей трагической судьбе: Мармеладов Раскольникову, штабс-капитан Снегирев Алеше Карамазову.

«Пьяненьких персонажей» Достоевский встречал и среди своих старорусских соседей. П. П. Гайдебуров, сын петербургского журналиста П. А. Гайдебурова, который тоже проводил летние сезоны в Старой Руссе, вспоминал о многолетнем пьянице Сидоре: «Вблизи от нас, в полуразвалившейся хибарке ютился другой горький пьяница... Его единственное искусство составляла изощренная ругань, с которой он гонялся за шестью своими ребятишками, грозя их перерезать. В панике ребята разбегались по соседним огородам...»⁹

Другой старорусский знакомый Достоевского, доктор Ф. Д. Вебер, издававший в 1881–1883 гг. «Справочный листок Старорусских минеральных вод», в одном из его номеров вспоминал: «Скромный домик на краю города, на берегу реки Перерытыцы, часто окружен был множеством детей разных сословий и, конечно, большею частью бедняков...». И далее – любопытный факт о Достоевском: «С истинною скромностью *он* помогал каждому несчастному, и помогал разумно, не жалея ни средств, ни труда. Вот один пример из тысячи: ныне летом, идучи на почту, *он* на улице заметил одинокого, больного мальчика лет трех. Этого достаточно было, чтобы привлечь всю любовь Федора Михайловича к семейству ребенка, глава которого оказался отставной военный писарь из семинаристов, и им было сделано всё возможное для поднятия благосостояния этой семьи»¹⁰. Данный эпизод из старорусской биографии писателя повлиял на замысел сюжетной линии, связанной с историей семьи Снегиревых.

О том, что Достоевский всегда оказывал сильную помощь старорусским обитателям, свидетельствует и дочь писателя Любовь: «Так как *он* выходил всегда в одно и то же время, нищие уже ждали *его*, ибо знали, что *он* никогда не отказывал в милостыне. Поглощенный своими мыслями, мой отец раздавал деньги совершенно механически, не замечая, что подает всегда одним и тем же людям. Мать же моя хорошо видела хитрости нищих и потешалась над рассеянностью мужа... В один из осенних вечеров, когда она увидела возвращающегося с прогулки мужа, она повязала голову старым платком, взяла меня за руку и встала у него на пути. Когда отец приблизился к ней, мать жалобным тоном сказала: “Добрый господин, пожалейте меня! У меня больной муж и двое маленьких детей”. Достоевский остановился, посмотрел на мою мать и протянул ей милостыню»¹¹.

В период пребывания в Старой Руссе Достоевскому невольно приходится наблюдать за «не-

презентабельной» стороной жизни города: здесь по улицам бродят нищие, пьяницы, беспризорные дети; здесь семьи ютятся в ветхих домишках; нуждаются в поддержке вдовы и сироты. И эти впечатления, конечно же, нашли отражение в романе «Братья Карамазовы», где тема «униженных и оскорбленных» прозвучала достаточно остро. Однако на данном этапе творчества писателя она претерпевает определенную эволюцию: если в ранних произведениях «униженные и оскорбленные» только изображены с сочувствием к ним, то в более поздних писатель оказывает им (или их прототипам) вполне реальную поддержку, помогая или сюжетным ходом, или «живой» копеечкой. Достоевский строит сюжет романа таким образом, что у героев появляется надежда на преодоление тяжелой жизненной ситуации: штабс-капитану Снегиреву помогает деньгами Катерина Ивановна Верховцева; Алеша Карамазов обещает снабдить его необходимой суммой для того, чтобы его семья начала новую жизнь и уехала из Скотопригоньевска; он же (Алеша) участвует в примирении Илюши Снегирева с его школьными товарищами.

В романе «Подросток» (над его созданием писатель работал также в Старой Руссе) есть эпизод, где отчим Аркадия Долгорукого Макар Иванович рассказывает историю купца Скотобойникова, которая произошла в небольшом городке Афимьевске. В этом вводном эпизоде Достоевский вновь обращается к образам «униженных и оскорбленных». В Афимьевске живет молодая вдова с детьми, у которой Скотобойников хочет отобрать дом: «И одинокой-то вдовице оставаться после супруга, подобно как бесприютной ластовице, – не малое испытание, а не то что с пятерыми младенцами, которых пропитать нечем: последнее именишко, дом деревянный, Максим Иванович за долг отбирал. И поставила она их всех рядком у церковной паперти; старшему мальчику восемь годков, а остальные все девочки погодки, все малой меньше...» (13, 314). Максим Иванович Скотобойников, видя нужду вдовы, отказывает ей в помощи. Он предстает как тиран, богач, считающий, что ему все позволено. Он лишает бедных и сирот крова и заботится только о своем благосостоянии. По его вине умирают дети несчастной вдовы. На глазах у всего города, убегая от Скотобойникова, топится в реке ее восьмилетний сын. После этого случая происходит чудесное перерождение купца. Он начинает новую жизнь: помогает бедным, строит больницу, богадельню и храм в городе. Но все эти праведные дела не избавляют его от чувства вины. Он хочет начать новую жизнь и женится на вдове, претерпевшей от него столько зла. У них рождается сын, который вскоре умирает. Тогда Скотобойников уходит из Афимьевска и становится странником.

В городке Афимьевске, где разворачивается история купца Скотобойникова, легко угадываются приметы Старой Руссы. В сцене самоубийства мальчика Достоевский описывает городскую на-

бережную: «А по набережной там бульвар идет, старые ракиты стоят, место веселое. Сбежал он вниз к воде, люди видели, сплеснул руками, у самого того места, где паром пристает... А место это широкое, река быстрая, барки проходят; на той стороне лавки, площадь, храм божий златыми главами сияет...» (13, 317). Л. М. Рейнус соотносит данное описание со старорусским Красным берегом, который во время пребывания Достоевского в Старой Руссе считался центром города, и указывает, что одним из возможных прототипов купца Скотобойникова был купец М. Ф. Сомров¹². Его имя было широко известно в Старой Руссе. Бывая в гостях у своих старорусских знакомых, Достоевский мог слышать легенду о нем¹³.

История городка Афимьевска во многом связана со старорусскими впечатлениями Достоевского. В небольшом эпизоде «Подростка», так же как и в романе «Братья Карамазовы», писатель смог воссоздать социальную картину жизни маленького провинциального городка, среди жителей которого достаточно часто встречаются несчастные, нуждающиеся, обездоленные люди. Таким образом, тема «униженных и оскорбленных», одна из сквозных тем произведений Достоевского, остается актуальной и на последнем этапе его творчества в Старой Руссе. В романах «Братья Карамазовы» и «Подросток» эта тема звучит более остро. Во многом это связано с тем, что у «униженных и оскорбленных» героев этих произведений появляются реальные прототипы. В жизни они так же беззащитны и беспомощны, как и на страницах романов Достоевского. Наверное, поэтому писатель, сочувствуя этим персонажам, старается оказать им реальную посильную помощь: подать копеечку, накормить, поддержать морально. Так Достоевский и в творчестве, и в

жизни следовал нравственной заповеди, сформулированной им еще в «Бедных людях»: «Самый забитый, последний человек есть тоже человек и называется брат мой!» (3, 189).

Примечания

- ¹ Кирпотин В. Мир Достоевского : Статьи. Исследования. М., 1983. С. 11.
- ² Анненков П. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 272.
- ³ Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 68–69. Далее цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
- ⁴ Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей : Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 95.
- ⁵ Кашина Н. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 69–70.
- ⁶ Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 719. Оп 1. Ед. хр. 6. Л. 84.
- ⁷ Там же. Ед. хр. 9. Л. 120.
- ⁸ См. об этом: Смирнов Г. Скотопригоньевск и Старая Русса. М., 2001. С. 53.
- ⁹ Скарская Н., Гайдебуров П. На сцене и в жизни. Страницы автобиографии. М., 1959. С. 257.
- ¹⁰ Цит. по: Тихомиров Б. Достоевский и дети (из воспоминаний старорусского жителя) // Достоевский и современность : материалы XIX Междунар. Старорусских чтений 2004 г. Великий Новгород, 2005. С. 324, 325.
- ¹¹ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / пер. с нем. Л. Я. Круковской ; под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. М. ; Пг., 1922. С. 77.
- ¹² См.: Рейнус Л. Три адреса Ф. М. Достоевского. Л., 1985. С. 22.
- ¹³ См.: Скарская Н., Гайдебуров П. Указ. соч. С. 251.

Образец для цитирования:

Юхнович Ю. В. «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского в романах «Братья Карамазовы» и «Подросток»: старорусский период творчества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 180–187. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-180-187.

Cite this article as:

Yukhnovich Yu. V. F. M. Dostoyevsky's 'Insulted and Humiliated' in the Novels The Brothers Karamazov and The Adolescent: Staraya Russa Period of Work. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 180–187 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-180-187.

УДК 821.161.109-3+929 [Достоевский+Набоков]

КОШМАРЫ СВИДРИГАЙЛОВА И АД ГЕРОЯ В. НАБОКОВА (о трансформации одного сюжета)

С. Н. Коневец

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: svkonev@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению не прямых сюжетных отсылок, явным и скрытым обращениям В. Набокова к теме, родственной страшным героям Достоевского, к новым воплощениям образов Пушкина и Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Набоков, Пушкин, русалка, сюжетное сближение, тема ада.

Svidrigailov's Nightmares and the Inferno of V. Nabokov's Hero (on the Transformation of One Plot)

S. N. Konevets

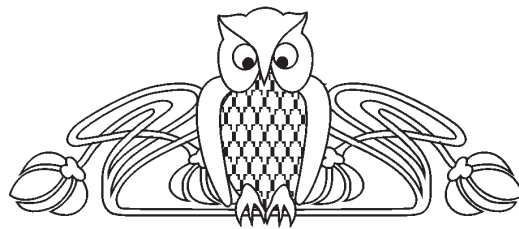
The article considers indirect plot allusions, V. Nabokov's explicit and disguised references to the topic related to the terrible characters of Dostoyevsky, to the new embodiments of Pushkin's and Dostoyevsky's images.

Key words: Dostoyevsky, Nabokov, Pushkin, mermaid, plot approximation, inferno theme.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190

Федор Годунов-Чердынцев, наиболее близкий В. Набокову герой, в романе «Дар» обозначает самые дорогие для себя традиции в русской литературе именами Пушкина, Гоголя, Толстого, Тютчева. В том же романе мы найдем не одно упоминание о Достоевском, свидетельствующее о неприятии творчества автора «Преступления и наказания», «Бесов», «Братьев Карамазовых». Так, ведя вымышленный разговор с Кончеевым, Годунов-Чердынцев спрашивает, как его собеседнику нравится «обратное превращение Бедлама в Вифлеем». Однако об истинном отношении Набокова к Достоевскому свидетельствуют не формулы, подобные приведенной, сугубо субъективные и предвзятые, а многочисленные сюжеты, темы, образы набоковской прозы и поэзии, несущие на себе отпечаток неослабевающего внимания к творчеству русского пророка.

Анна Ахматова, назвавшая в одном из стихотворений свою родину «Россией Достоевского», имела в виду не только страну определенной эпохи, но Россию, отмеченную неизгладимым влиянием творчества «великого каторжанина». Набоков состоялся как писатель в том мире, где уже прозвучало слово Достоевского, обозначившее новый уровень постижения человеческой природы, с таинственным противоборством в ней добра и зла, слово, предсказавшее грядущие мировые катастрофы.

Среди того, что сближает Набокова с Достоевским, на особом месте – Петербург, по-особому пережитый обоими писателями. Для одного это самый «умышленный», фантастический город (место, где «беда летает, как летучая мышь»), для другого – невозвратно ушедшая Атлантида (хранящая на парاپете набережной отпечаток пушкинского локтя). Имена Пушкина и Гоголя, бесконечно дорогие для Набокова, во многом определяют литературную вселенную Достоевского, где по-новому воплощаются сюжетные положения, типы, характеры, открытые предшественниками. К Набокову многие из очень важных для него сюжетов и образов шли от Пушкина или Гоголя через освещенное трагическим светом творчество Достоевского.

В этом отношении интересно посмотреть, как трансформируется в стихотворении Набокова «Лилит» сюжет о русалке-утопленнице – один из вечных литературных сюжетов, принявший у Пушкина форму неоконченной поэмы «Русалка», а у Гоголя – повести «Майская ночь, или Утопленница». История о загубившей себя юной душе сюжетно отзывается в зловещих слухах, окружающих одного из героев романа Достоевского «Преступление и наказание» – Аркадия Ивановича Свидригайлова, и в его бредовых видениях накануне самоубийства.

Интерес Набокова к пушкинской «Русалке» подтверждается тем, что он пишет заключительную сцену к ней. Маленькая русалочка встречается на берегу Днепра тоскующего князя – своего отца, говорит ему, что с тех пор, как он оставил мать русалочки, он сам мертв, и увлекает его в подводное царство:

На темном дне отчизну ты узнаешь,

Где жизнь течет, души не утруждая.

Ты этого хотел. Дай руку¹.

На днепровском дне князь навсегда затихает в объятиях Царицы-Русалки. Свой опыт дописывания пушкинской поэмы Набоков делает объектом самоиронии: он завершает свой текст репликой: «Пушкин пожимает плечами»².

В гораздо большей степени об устойчивом интересе Набокова к сюжету о русалке-утопленнице свидетельствуют многие повороты повествования в «Лолите», «Камере обскура», «Даре». Где-то этот сюжет напоминает о себе в самых значимых подробностях набоковского текста, а где-то, как в «Даре», превращается в набросок вставной истории. Так, во время своих лесных странствий Годунов-Чердынцев видит недалеко

от берега озера нимфу, принявшую вид бедной немецкой девочки, которая загорает с закрытыми глазами и не знает, что на нее жадно смотрят два молодых человека и один пожилой, грустный, терпеливый, вечный.

Стихотворение «Лилит» принадлежит к тем воплощениям истории об утопленнице-русалке, которые отмечены родством с миром Достоевского. Эта не прямо обозначенная близость выявляется при параллельном прочтении – анализе поэтического текста Набокова и «свидригайловских» страниц романа «Преступление и наказание».

Аркадий Иванович Свидригайлов окружен в романе темным облаком слухов. Их содержание, при всей зыбкости, позволяет судить о том, что этот человек – виновник нескольких смертей. Самый чудовищный из неоднократно повторяющихся слухов связан с самоубийством девочки-прислужницы, подвергшейся насилию со стороны Свидригайлова. В первоначальной версии, которую в «Преступлении и наказании» сообщает Лужин, загнанная, забитая девочка, страшно оскорбленная Свидригайловым, повесилась. Наряду с этим объяснением существует в романе и другое, представляющее гибель ребенка как судьбу утопленницы.

В предсмертных кошмарах Свидригайлова, решившегося на самоубийство, коротающего свою последнюю ночь в дрянной гостинице «Адрианополи», которая тонет в проливном дожде, является загородный коттедж в английском вкусе. Это поистине райский образ: масса света, цветов, волнующиеся белые занавески, Троицын день. Но в самой сердцевине этого отрадного мира – гроб с телом девочки-утопленницы: «... а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб... Эта девочка была самоубийца-утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя»³.

К юной самоубийце автор относится с состраданием, но адским холодом веет от жуткой кончины ребенка. Эта одна из картин, которые предсказывают у Набокова сквозной мотив взаимопроникновения, взаимопревращения ада и рая. Стихотворение «Лилит», начатое с радостной, хотя и зыбкой надежды лирического героя («Добро, я, кажется, в раю»), завершается безнадежным: «... и понял вдруг, что я в аду»⁴.

Стихия воды, без которой трудно представить сюжет об утопленнице, буквально переливается через край в последних сценах со Свидригайловым. Вымокший до нитки герой, звуки пушечных выстрелов, предупреждающие о том, что началось наводнение; мир, пропитанный избыточной сыростью.

Хотя в первом сне-кошмаре Свидригайлова о девочке-утопленнице упоминаются лишь ее мокрые волосы, однако на самом деле тема воды скрытым образом присутствует и здесь. Троицын день, в который происходит действие сна, в на-

родном представлении – «самый мокрый праздник». В «Лете Господнем» Ивана Шмелева один из героев именно так говорит о Троице: «... все на воду рвутся, веночки эти запущают, по старой моде, с березками катаются»⁵.

В набоковском стихотворении «Лилит» с первых строк мы попадаем в атмосферу сухости и жары: «... яворы и ставни горячий теребил эол вдоль пыльной улицы». Но сама Лилит несёт на себе русалочий знак: «... девочка нагая с речною лилией в кудрях». В следующей строфе автор обозначает главный источник своего лирического сюжета – пушкинскую «Русалку:

...и вспомнил я
весну земного бытия,
когда из-за ольхи прибрежной
я близко-близко видеть мог,
как дочка мельника меньшая
шла из воды, вся золотая,
с бородкой мокрой между ног⁶.

Но у Набокова героиня – это не столько жертва чьих-то страстей или трагических обстоятельств, сколько источник соблазна и губительница, как и полагается Лилит. Как мы помним, под этим именем, по представлениям древних иудеев, скрывается злой дух, являющийся в образе прекрасной женщины, насильно овладевающий мужчинами и увлекающий их в преисподнюю.

Однако и сам герой стихотворения гибнет прежде всего от собственных темных желаний, от соблазна изнутри, а не извне. Он покинул земное бытие, как непрямо дает понять Набоков, скорее всего из-за дуэли:

И вот теперь, в том самом фраке,
в котором был вчера убит,
с усмешкой хищною гуляки
я подошел к моей Лилит⁷.

Внутренняя природа героя созвучна тому демонскому призыву, который исходит от лукавой нимфы.

«Хищный гуляка» Свидригайлов ровно в полночь по мосту переходит от своих несостоявшихся лолит (девочки-невесты и юной посетительницы танцевального салона, которой он предлагает покровительство) в мир, где в номере гостиницы его обступают кошмары, рожденные совершенными им злодеяниями. В последнем видении встречает Аркадий Иванович свою Лилит. Эта примерно пятилетняя, вымокшая до нитки крошка, которую Свидригайлов старается обсушить и согреть, вдруг оборачивается развратной камелией. Ее разгоревшееся лицо манит, ее руки тянутся к герою. «Как! пятилетняя! – прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, – это ... что ж такое?»⁸

В отличие от Раскольникова, Свидригайлов не находит в себе сил для воскресения. Он довершает в себе дело смерти – стреляется на глазах у странного маленького человечка с вековечной еврейской тоской в глазах и в пожарной каске на голове, из-за которой автор иронически на-

зывает его Ахиллесом. Неожиданная, на первый взгляд, античная деталь – напоминание о том, что Свидригайлов словно существует в дохристианском мире, где даже добрые побуждения человеческой природы не просвещены светом христовой истины.

У Набокова в стихотворении «Лилит» горделивое шествие фавнов и Пана превращается в торжество адской нечисти: «И козлоногий, рыжий народ всё множился». Трагедия Свидригайлова, отбывшего в Америку небытия, сложно превращается в трагедию лирического героя Набокова, чей обманчивый рай страшно мстит ему. В реальной Америке XX в. Набоков сводит воедино все сюжетные линии истории о соблазняющей и соблазненной девочке-нимфетке в романе «Лолита»

и поражает мир рассказом о рае, «небеса которого пылали адским пламенем».

Примечания

- ¹ Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 72.
- ² Там же.
- ³ Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 391.
- ⁴ Набоков В. Указ. соч. С. 251.
- ⁵ Шмелев И. Лето Господне // Шмелев И. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 243.
- ⁶ Набоков В. Указ. соч. С. 251.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Достоевский Ф. Указ соч. С. 393.

Образец для цитирования:

Коневец С. Н. Кошмары Свидригайлова и ад героя В. Набокова (о трансформации одного сюжета) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 188–190. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190.

Cite this article as:

Konevets S. N. Svidrigailov's Nightmares and the Inferno of V. Nabokov's Hero (on the Transformation of One Plot). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 188–190 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-188-190.

УДК 821.161.1.09-2+929Островский

«БОГИНЯ БЕЗЗАБОТНОГО СЧАСТИЯ»: ИГРЫ ЛИДИИ ЧЕБОКСАРОВОЙ

К. М. Захаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zahodite@mail.ru

В статье рассматривается образ Лидии Чебоксаровой, героини пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги», в контексте реализации в тексте игровых мотивов. Автор останавливается на поведенческих стратегиях персонажа, его мировоззрении, стилистическом диапазоне.

Ключевые слова: А. Н. Островский, комедия, игра, мировоззрение.

'The Goddess of Light-Hearted Happiness': Lidiya Cheboksarova's Games

К. М. Zakharov

The article deals with the image of Lydia Cheboksarova, the heroine of the play by Alexander Ostrovsky *Money to Burn*, in the context of the implementation of the game motives in the text. The author focuses on behavioral strategies of the character, its world outlook, stylistic range.

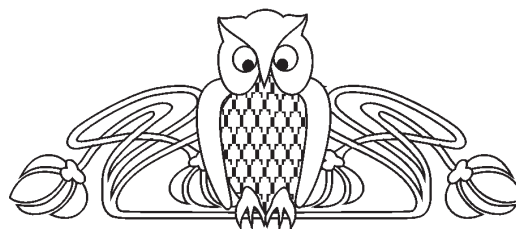
Key words: A. N. Ostrovsky, comedy, game, world outlook.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193

«Бешеные деньги» – комедия, написанная А. Н. Островским под влиянием французских «салонных» нравоучительных пьес. На чисто бытовом материале она рисует картину нравов, исследует природу праздного образа жизни как социальной нормы и становления порядка, который для обитателей дворянской Москвы кажется новым, а для современного человека привычным.

Советская научная традиция с ее превалирующим социологическим подходом в этой распространенной драматической притче о Стрекозе и Муравье основное внимание уделяло «Муравью» – Савве Игнатьевичу Василькову, наблюдая, как великий драматург зафиксировал нарождающийся тип буржуазного предпринимателя. Чуть меньше внимания доставалось существующему почти на периферии фабулы любимцу публики Егору Дмитриевичу Глумову, уже знакомому зрителям по популярной «На всякого мудреца довольно простоты». Мы позволим себе, рассматривая этот перенесенный на сцену «очерк нравов», сосредоточиться на образе молодой жены Василькова – Лидии Чебоксаровой.

Для поведения Лидии Юрьевны характерны поменявшиеся местами приоритеты в ее картине мира. Для нее светское пребывание, выезды и приемы не способствуют заключению брака и завязыванию романов, а наоборот. Впрочем, во

многом это «перевертывание» объясняется воспитанием ее матери Надежды Антоновны, которая в ответ на предложение Василькова Лидии пойти в экономки выдает афоризм с куда более радикально смещенными ценностными акцентами: *Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает*¹. Для Чебоксаровой-старшей, которая казнокрадство своего супруга считает исполнением долга, – это лишь следующая логическая ступень супружеских отношений.

Все сценическое существование Лидии Чебоксаровой, начиная со второго действия и до самого финала, представляет собой попытку восстановить статус кво, нарушенный в тот момент, когда ее отец разорился и оказался не способен обеспечивать ее с матушкой проживание в Москве. Она борется за охранение своего привычного образа жизни, пытаясь перебороть постоянно изменяющиеся обстоятельства. Ради возвращения к исходной точке она способна на любые уступки, будь то брак или супружеская измена, причем оба этих поступка выглядят для нее равносильными. Она идет на один и планирует другой одинаково легкомысленно, ведь и то, и другое она воспринимает условностями, действиями, требующими лишь обозначения. О предполагаемой измене мужу с обещающим финансовую поддержку Кучумовым она договаривается с такой же «необыкновенной легкостью», что и о браке с Васильковым. «Лидия постоянно ведет игру, надевая маску любящей жены, задумывая обман за обманом»².

Любое столкновение Лидии Чебоксаровой с непривычными ей внешними затруднениями подталкивает ее к моральному компромиссу, связанному с притворством и легкомысленным распоряжением собой. Весть о разорении ее отца немедленно наводит ее на мысль искать послушного и состоятельного мужа (кандидатами рассматриваются Телятев и впоследствии Васильков).

Лидия. Отделявайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за все заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.

*Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?
Лидия. Кто бы он ни был³.*

Несговорчивость новообращенного супруга так же стремительно приводит ее к мысли существовать за счет любовников. Причем героиня делает стремительный шаг на новый уровень цинизма и лицемерия.

Надежда Антоновна. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидия (задумавшись). Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя. <...> Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытую себя, насколько я могу обойтись без стыда⁴.

Здесь чрезвычайно важный, может быть, даже кульминационный момент в сценическом существовании Лидии. Формулировка «Это мне будет практикой» указывает на то, что она планирует «профессионализировать» свои женские чары. В своем беге от бедности она воспринимает свое пренебрежение стыдом как осознанный и ответственный шаг в личном становлении: *Это будет первый мой женский подвиг*. С этого момента она окончательно собирается подчинить свою жизнь игре, самостоятельную обеспечивая себя за счет своих поклонников.

Необходимо отметить, что Лидия Чебоксарова не очень реально оценивает свои силы и способности «мастера интриги», пусть даже и исключительно куртуазной. Обратим внимание на то, что ни одна из инспирированных ею игр не увенчалась успехом. Телятев бежит от попытки спровоцировать его на помолвку. Женившийся на ней Васильков не принимает навязываемых ему правил и отказывается оплачивать обширные расходы супруги. Намерение решить свои материальные вопросы за счет пожилого воздухоплетеля также не реализовалось (*Васильков: Но я не знаю, что спасло ее от падения – честь, или недостаток денег у Кучумова⁵*). И, наконец, ее симуляция в последнем действии не убедила Василькова. «Особенно показательна в этом отношении сцена “умирающей” Лидии. Представленная ею безжалостная и неприличная комедия трансформируется из разыгрывания трагедии в фарс»⁶.

Лидия постоянно планирует игру, полагая, что ее красоты и простейших способностей к притворству достаточно для успеха затеваемых ею предприятий. Но, не имея ловкости и хитрости, которых в избытке, например, у Глумова, она постоянно переоценивает свои возможности и из раза в раз попадает впросак. Все это становится одной из причин ее капитуляции в финальной сцене.

Сцена призыва Василькова к одру «умирающей» супруги свидетельствует об узости стилистического диапазона Лидии. Здесь мы видим

ту же патетику, ту же декламативность, те же наигранные жесты, что ранее уже не помогли ей добиться успеха. Неслучайно даже влюбленный в нее Телятев скептически оценивает актерские способности Лидии Юрьевны.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна⁷.

Еще до начала действия пьесы, под влиянием маменькиного воспитания и безотказности отца Чебоксарова раз и навсегда (как ей кажется) определила формат своей жизни и старается максимально четко ее придерживаться. В ее «кукольном доме» блокируется ненужная для нее тревожная информация, ее внешний вид и настроение почитаются главными ценностями. А все, выходящее за пределы ее нарциссического гедонизма (в том числе собственные обязанности и человеческие отношения), ею автоматически зачисляется в разряд «комедий». Н. А. Коломлина указывает, что поведение Лидии полностью исчерпывается набором ролей и продиктованных ими ситуаций: «Роль светской барышни приросла к Лидии, настолько проникла в характер героини, что уже нельзя отделить наигранное от настоящего, ролевое поведение от поведения естественного, которое уступило место ролевому, растворилось под его давлением»⁸.

Поединок Лидии во многом мировоззренческий. Она воюет с обстоятельствами, со всем жестоким миром не только за свой жизненный уклад. Она пытается отстоять свои ценности, свое право на приват игры над «серьезным», свое право быть непрacticной, быть легкой, быть женщиной (в ее собственном понимании этого слова).

И финал можно воспринимать как поражение ее позиции и торжество аскетичного Саввы Игнатьевича, «не признающего никаких светских хитростей и циничных игр»⁹. Автор даже вкладывает в уста героини монолог, которым она практически разоблачает свой образ жизни и признает несовременность и бесперспективность избранного ею образа жизни.

Лидия. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми¹⁰.

Но именно поражение Лидии в ее попытках обхитрить всех и вся неминуемо приводит к проблеме «наивности» и «простодушия» ее супруга. Окружающие воспринимают его именно беззащитным и доверчивым:

Глумов. А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка¹¹.

Находясь на сцене в одиночестве, он признается себе: *...стыдно роль играть! Что под-*

скажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю¹². Более того, он опасается, что его наивность позволит ему стать жертвой:

Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом¹³.

Он с легкостью поддается нехитрым манипуляциям семейства Чебоксаровых и Глумова, до поры до времени выполняя в конфликте пьесы функцию «жертвы порока». Но финал пьесы позволяет заново взглянуть на его простодушие и искренность, к которому читатель/зритель в ходе действия пьесы уже привык.

После практически ритуального «наказания» супруги и «развенчания» ее до «экономки» Савва Игнатьевич вдруг намечает перспективу гипотетической реабилитации:

Васильков. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, <...> У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно¹⁴.

И зрителю/читателю ясно, что это не только что появившаяся у Саввы Игнатьевича идея, а возвращение к мысли, которую он заявил в первом же явлении первого действия:

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном¹⁵.

Стремительно богатеющий Васильков давно запланировал расширять свою сферу влияния. Одним из инструментов для установления нужных связей и продвижения своего дела он видит петербургский салон с обаятельной, привлекающей влиятельных гостей супругой. Простодушный Савва Игнатьевич готов для достижения своих целей оперировать игровыми средствами. И из филиппики в адрес Телятева (и всего телятевского окружения) – *вы ее развратили. <...> в вашем омуте женщина может потерять все – и честь, и совесть, и всякий стыд¹⁶* – становится ясно, что им отвергается игровое поведение, если оно не инспирировано им самим. Притворство и манипуляция во благо, с практической подоплекой для него имеют право на существование, бескорыстные – воспринимаются как порок.

После этого трудно поверить, что эти планы – единственная игра Саввы Игнатьевича. Может

быть, и анонимная блондинка, которой он в период разрыва с супругой оказывал внимание, тоже была частью плана по возвращению в орбиту своего влияния жены, на которую у него есть планы. И подаренная блондинке коляска в подарок стала разумным вложением, которое в конечном итоге обернулось инспирированной Лидией попыткой примирения, которая привела к его безусловному торжеству. Его искренняя любовь к Лидии сталкивалась в нем с его честолюбивыми планами, в котором она должна была выступить его помощницей, точнее – инструментом. Разочаровавшись в любви, он заключает с ней сделку, предупредив о том, как он намерен использовать ее красоту и обаяние. «Слабое сердце Василькова в этой борьбе окрепло и ожесточилось, его душа оскорблена и убита. Лидия согласилась пройти школу смирения в экономках у собственного мужа, но поэзия искреннего чувства ушла из жизни героя, несовместимая с эпохой бешеных денег. В финале комедии бюджет празднует победу над душой героя»¹⁷. Обратившись для решения своих семейных и любовных трудностей к игровым приемам, Васильков побеждает, но навсегда меняется.

Примечания

- ¹ *Островский А.* Полн. собр. соч. : в 12 т. Т 3. М., 1974. С. 245.
- ² *Высоцкая Ю.* Актеры и актерство в пьесах А. Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 122.
- ³ *Островский А.* Указ. соч. С. 192.
- ⁴ Там же. С. 211.
- ⁵ Там же. С. 244.
- ⁶ *Высоцкая Ю.* Указ. соч. С. 122.
- ⁷ *Островский А.* Указ. соч. С. 237.
- ⁸ *Коломина Н.* Игровая поэтика комедий А. Н. Островского рубежа 1860-х – 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. С. 124.
- ⁹ А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома ; Шуя, 2012. С. 61.
- ¹⁰ *Островский А.* Указ. соч. С. 248.
- ¹¹ Там же. С. 171.
- ¹² Там же. С. 225.
- ¹³ Там же. С. 180.
- ¹⁴ Там же. С. 245.
- ¹⁵ Там же. С. 168.
- ¹⁶ Там же. С. 227.
- ¹⁷ *Шалимова Н.* Антропологические проблемы театра А. Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 50.

Образец для цитирования:

Захаров К. М. «Богиня беззаботного счастья»: игры Лидии Чебоксаровой // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 191–193. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193.

Cite this article as:

Zakharov K. M. 'The Goddess of Light-Hearted Happiness': Lidiya Cheboksarova's Games. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 191–193 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193.

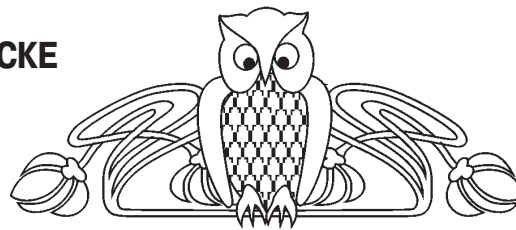

УДК 821.161.109-6+020 [Гончаров+Кони]

«ЛУЧ ГУМАНИТЕТА». К ВОПРОСУ О ПЕРЕПИСКЕ И. А. ГОНЧАРОВА И А. Ф. КОНИ

И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: allekta@yandex.ru

Статья посвящена размышлению об одной идеологеме рубежа XIX–XX вв., отразившейся в переписке писателя И. А. Гончарова и адвоката А. Ф. Кони. Это идея, обозначенная в понятии «гуманитет». По мнению корреспондентов анализируемого эпистолярия, она одинаково важна как для культуры, так и для судопроизводства.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Гончаров, Кони, справедливость, нравственность, закон, гуманное право, мировоззрение.

'A Ray of Humanity'. To the Question of I. A. Goncharov and A. F. Koni's Correspondence

I. V. Pyrkov

The article considers one ideologeme of the turn of the XIX–XXth centuries that has been reflected in the correspondence between the writer I. A. Goncharov and the lawyer A. F. Koni. This idea is defined in the notion 'humanity'. According to the opinion of the two authors of the epistolary under analysis this idea is equally important for both culture and legal procedure.

Key words: epistolary legacy, Goncharov, Koni, justice, morality, law, humane right, world outlook.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197

Эпистолярное наследие выдающихся юристов, мыслителей, писателей, общественных и политических деятелей вызывает пристальный интерес исследователей, направляющих свои поисковые усилия на смежные отрасли гуманитарного знания, не случайно. Междисциплинарные увязки таят колоссальный потенциал для дальнейшего осмысления и уточнения магистральных направлений отечественного гуманитарного миропонимания.

Ярчайшим примером эффективного взаимодействия гуманитарных сфер является, как известно, взаимопересечённость юриспруденции и литературы. Примеров тут можно приводить множество. Достаточно будет упомянуть, что великий русский писатель Лев Николаевич Толстой называл свой главный роман, «Воскресение», – «кониевским», поскольку тему произведения, саму его фактуру, взятую из личной судебной практики, подсказал романисту Анатолий Фёдорович Кони. Взаимодействие юристов и художников слова, следовательно, может быть действительно продуктивным, приносить значимые для прогресса плоды. Нельзя забывать и о том, что русские юристы конца XIX – начала XX в. вышли на аван-

сцену отечественной общественной жизни, задавали тон в осмыслении коренных вопросов бытия. И не было ничего удивительного, например, в том, что пенсне Чехова поблёскивало на многих громких судебных процессах того времени. И тем более не было ничего удивительного в том, что именно русский писатель Антон Павлович Чехов отправился на остров Сахалин, хотя и прекрасно понимал, что это «путешествие», которое сродни «Путешествию из Петербурга в Москву» гениального Радищева, может стоить ему жизни.

Ещё не смолкло повторяемое узкими петербургскими улицами, от Гороховой до Литейного, эхо бессмертной речи адвоката Петра Александрова, как уже зазвучали пронзительно и неутешимо слова Льва Толстого: «Так жить нельзя! Я, по крайней мере, не могу так жить. Не могу и не буду. Затем я пишу это и буду распространять всеми силами то, что пишу, ... чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы ... надели на меня, так же как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван, колпак и так же столкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своём старом горле намыленную петлю»¹.

Прогрессивные художники слова оказывали самое существенное влияние на общественную жизнь в России, делали многое для того, чтобы в нашей стране постепенно, шаг за шагом, создавалось гражданское общество, чтобы, как много раз повторял А. Ф. Кони, заключённый был бы для системы не номерком на тюремной робе, а человеком. «Выдающийся юрист, – авторитетно замечает Н. Н. Ивакина, – настойчиво желал того, чтобы в отправлении правосудия "вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судище, но и школа"»².

«Человека, человека давайте мне... любите его»³. Говоря о переписке между замечательным русским писателем Иваном Александровичем Гончаровым и одним из основоположников русской юриспруденции Анатолием Фёдоровичем Кони, необходимо подчеркнуть, отделить особо это слово – «человек». Человек, человечность, гуманность, природа человеческих поступков, человек как объект и предмет искусства – вот главная, пожалуй, тема, напрямую или подспудно проступающая в обширной переписке между создателем бессмертного «Обломова» и великим юристом.

Необходимо заметить, что переписка Гончарова и Кони продолжалась на протяжении долгих двенадцати лет (1879–1991), отражая и безусловный интерес Анатолия Фёдоровича к литературе, и весьма ценные для понимания психологии творчества, для расшифровки художественного метода И. А. Гончарова его самохарактеристики, такие, например, как «артистичность» и «впечатлительность». Отчётливо слышатся в переписке двух выдающихся гуманистов отклики политической борьбы, упоминается дело Веры Засулич и т. д. Всего сохранилось девяносто писем и записок И. А. Гончаров к А. Ф. Кони, все они на сегодняшний день опубликованы, являясь не только свидетельством интенсивности общественной жизни тех лет, но и позволяя по-новому, с нового ракурса взглянуть на масштаб личности великого писателя и великого юриста.

Вот весьма характерные слова самого Анатолия Фёдоровича, отражающие вполне его отношение к Гончарову-гуманисту: «...кто мне доставил массу вновь испытанных наслаждений, так это Вы, мой дорогой Иван Александрович. Я взял с собою „Обломова“. Давно не был он у меня в руках... Я помню, как впервые прочел я его почти за один присест, не обедая и не ложась спать, довольствуясь горбушкой черного хлеба, которую кропил восторженными, благодарными слезами. И теперь, среди дела, в зрелом возрасте, усталый от жизни и все изведавший, я снова плакал над некоторыми страницами, снова восхищался этим чудным, точно из мрамора вырубленным языком и горделиво вспоминал, что имею честь пользоваться Вашею дружбою. Но только теперь я более ценю и понимаю глубину Ваших образов и тот нравственный свет, который от них разливается»⁴.

К слову, сегодня, буквально в последние месяцы, интерес мировой общественности к переписке А. Ф. Кони и И. А. Гончарова получил новый виток развития. В Германии, где в связях автора путевых записей «Фрегат «Паллада» с европейской культурой относятся с особенным трепетом (памятуя и про образ Андрея Штольца, олицетворяющего человека нового, деятельного типа), вышла книга Веры Бишицки, известного переводчика, между прочим, осуществившего в своё время и перевод на немецкий язык романа «Обломов». Так вот, Вера Бишицки издала в Германии переписку Гончарова и Кони, существенно дополнив и обогатив имеющийся ранее в распоряжении исследователей эпистолярный материал. Книга называется «Любезнейший Анатолий Фёдорович», т. е. в заглавие выносятся излюбленная гончаровская приветственная формула. В одном из интервью В. Бишицки замечает, что письма Гончарова «не только окошко в его мастерскую того времени (в тот период он создает “На родине”, “Слуги старого века”, рассказы “Уха”, “Май месяц в Петербурге” и др.), но и в первую очередь – очень драгоценное свидетельство, касающееся личности Ивана Александровича, его взглядов,

идеалов, мировоззрения, его душевного, порою тяжелого, состояния, его доброты и человечности, его юмора. Перед Кони, который был на более чем 30 лет моложе, Гончаров раскрыл себя: вероятно, его связывало с ним, помимо похожей жизненной установки, и что-то отцовское. Бездетный Гончаров почувствовал в нем своего *Wahlverwandten*, как мы по-немецки говорим, т. е. оба были близки по духу»⁵.

О духовной близости Гончарова и Кони не раз говорил и замечательный гончаровед Владимир Иванович Мельник, многое сделавший для того, чтобы переписка двух выдающихся личностей была издана в России наиболее полно, дабы мы смогли осмыслить её нравственное, духовное, просветительское значение. Специальным гончароведческим направлением стало изучение переписки Гончарова и Кони в Институте русской литературы, в особенности – в работах выдающегося просветителя и учёного Тамары Ивановны Орнатской⁶, которой, к великому сожалению, не стало в 2016 г.

Гончаров и Кони близки по духу. Это хотя и «захватанное», банальное, но очень точное определение отражает, как думается, не только духовную, идейную, мировоззренческую близость двух выдающихся людей, но и близость русской литературы и юриспруденции, близость, которая всегда, во все, даже самые тяжёлые и беспросветные, времена оказывалась для мира права и мира слова едва ли не спасительной.

Союз «и» в данном случае более объединяет, нежели разделяет. Мир права не может существовать без мира слова, без того, что называется этосом, без морально-нравственных, чётко и внятно артикулируемых в русской литературе установок. Иначе «судилищ» и вообще «игры в закон» не избежать. Стоит здесь обратить внимание на то, как далеко отошла, дистанцировалась большая литература от судебных дел в тридцатые годы прошлого столетия, каким губительным для отечественного права стало отделение от него совести и морали. В сущности, прощальная записка Александра Фадеева, в которой зияют такие слова: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно невежественным руководством... Лучшие кадры литературы физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих: лучшие люди литературы умерли преждевременно...»⁷ – продиктована как раз отчуждением, но не власти от литературы, что само собой разумеется, а человечности, гуманности и совести от системы закона, от того, что Гончаров называл «гуманитетом». Такой путь и такое отчуждение может вести только к трагедии.

Не случайно один из самых ярких юристов двадцатого века Юрий Хамзатович Калмыков, стремившийся восстановить и установить твёрдо знак равенства между справедливостью и законом, столь высоко чтил заветы Анатолия Кони, так

много и содержательно писал и рассказывал о его великом наследии⁸.

В свете вышесказанного хотелось бы остановиться на выдержке из письма Ивана Гончарова Анатолию Фёдоровичу, датированного 1888-м годом. Обратим внимание на дату: весна восьмидесят восьмого для Ивана Александровича – это время пересмотра идеалов, сведение всех линий жизни в одну главную, это время подсчёта утрат, пора, когда многостраничные мартирологи памяти оказываются весомее и важнее любых прочих книг. И если какая книга и открывается – то самая, пожалуй, заветная и дорогая сердцу...

Моховая, д. 3 – последний петербургский адрес жизни Ивана Александровича – становится местом его и добровольного, и в какой-то мере вынужденного одиночества. И только почтовые конверты, которых так боялись и не торопились вскрывать его незабвенные обломовцы, откладывая до лучших времён, остаются для стареющего писателя окошками в большой мир. И теми, что открываются для него. И теми, что открывает он сам. Писатель уже намного реже прогуливается по Летнему саду, его несколько согбенную, усталую фигуру на Сергиевской теперь уже не встречает почти никто, за тёмного цвета очками с синим отливом скрываются от мира так любившие когда-то «блеск солнечных лучей» глаза⁹.

Впрочем, кроме эпистолярных жанров Гончаров продолжает работать над очерками, и дымок «Ухи», который позволит писателю ещё раз, перед самой смертью, вернуться, хотя бы только и мысленно, в родной Симбирск и взглянуть в памяти на заливные волжские озёра, ещё только зарождается в его замыслах. Иными словами, Гончаров подошёл в 1888 г. к такому времени, когда ничего не говорится и тем более не пишется просто так, сгоряча. На горячность и суету просто нет времени. Писатель прекрасно видит в обществе то, что «уже отжило, отболело», и не менее глубоко осмысливает и пропускает через сердце дыхание нового дня. И никакие синие очки тому не могут быть помехой.

Итак, в мае 1888-го Иван Александрович пишет Анатолию Фёдоровичу Кони следующее: «... Я нет-нет, да и загляну в Вашу книгу (дорогой подарок!) и всякий раз что-нибудь извлеку из неё, поучусь чему-нибудь. Если б эта книга, думаю я, появилась до дела Засулич – Вас бы не смели (кто прочёл бы) судить и осуждать за него. Поняли бы, какой луч *гуманитета* (курсов наш. – И. П.) проводите Вы в Ваших “обвинительных” речах. Это очень хорошо заметил и обнаружил в своём прекрасном разборе К. К. Арсеньев, прочитанном мною от начала до конца... Не ропщите же, ибо жить только в себе самом нельзя и не должно... и для себя лишь жить – тоже не годится. Вы это знаете лучше меня. Я замечал на своём веку, что те, которые избирали себе эту мнимо-“благую честь” – жить в себе и лишь для себя – рано или поздно выводимы были судьбою насильственно

из мешка, в который зашивались: швы лопались и волей-неволей приходилось работать за других и на других. Месяца через три – Вы сами бежали бы из “мира тишины и лона природы” и явились бы на арену, не как “гладиатор”, борец для потехи толпы, а как мужественный, с ног до головы вооружённый боец – на всякую борьбу, с надеждой на несомненную (впереди) победу. Отдохните же, добрый друг, и пожалуйте опять сюда на своё место...»¹⁰

А теперь несколько слов по поводу этой корреспонденции. Книга, которую упоминает писатель (речь идёт о «Судебных речах», конечно же), буквально только что вышла в свет в Санкт-Петербурге и привлекла широкое внимание русского просвещённого общества. И всего год назад Анатолий Фёдорович гостил в Ясной Поляне, ведя столь значимый для будущего отечественной культуры диалог с Львом Николаевичем. И ровно десять лет назад, весной семьдесят восьмого, была оправдана Вера Ивановна Засулич... И Иван Гончаров, имеющий репутацию человека замкнутого и несколько апатичного, в прошлом немало потрудившийся на цензорской ниве, не раз укоряемый либеральной критикой за образ Марка Волохова и за «Обрыв» в целом, обнаруживает не только прекрасное знание текущих дел общественно-политической жизни во всех её тонкостях, но и свои весьма свободные взгляды. Для Гончарова, воспевающего традиции и, так сказать, стремящегося найти вместе со своим героем-архетипом «золотую рамку жизни», нет сомнений в том, что председательствующий в процессе по делу Засулич Кони поступал и по закону, и по совести.

Жизнь Ивана Гончарова клонилась к закату, а Анатолию Кони ещё предстояло сделать – Гончаров был прав – многое: он станет доктором уголовного права, сенатором с повелением присутствовать в уголовно-кассационном департаменте Сената, почётным членом Академии наук, членом Государственного совета... Впереди его будет ждать крушение поезда на Сестрорецкой дороге, после которого до конца жизни он не расстанется с тростью. Будет на пути Кони и ещё одна, более страшная, может быть, катастрофа – новая власть издаст Декрет о суде, ликвидировавший, в сущности, судебную систему в том виде, в каком понимал и совершенствовал ее Кони. И всё же Анатолий Фёдорович продолжит упорно и последовательно отстаивать принципы гуманного права, будет верен «лучу гуманитета», о котором писал когда-то старшему своему другу и в чём-то даже наставнику Ивану Гончарову.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 95.
- ² Ивакина Н. Основы судебного красноречия. М., 2006. С. 188.

- ³ Гончаров И. Избранные сочинения. М., 1990. С. 39.
- ⁴ Кони А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1969. С. 54.
- ⁵ Бишицки В. Любезнейший Анатолий Федорович // После уроков. 2016. 23 февр.
- ⁶ См., например: Мельник В., Орнатская Т. [Вступительная статья к публикации писем И. А. Гончарова А. Ф. Кони, 1879–1891] // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 434–441. (Лит. наследство. Т. 102).
- ⁷ Фадеев А. Предсмертное письмо // Рос. газ. 2015. 12 мая. С. 4.
- ⁸ См. подробнее: Пырков И. Прометей российской юстиции. К восьмидесятилетию основателя саратовской школы гражданского права Юрия Хамзатовича Калмыкова // Саратовская область. Территория обновления. Факты. События. Комментарии. 2013. № 10. С. 46–50.
- ⁹ Подробнее об этом времени в жизни писателя см.: Гнедич П. Из «Книги жизни» // Гончаров в воспоминаниях современников / отв. ред. Н. К. Пиксанов. Л., 1969. С. 218.
- ¹⁰ Гончаров И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1953. С. 505.

Образец для цитирования:

Пырков И. В. «Луч гуманизма». К вопросу о переписке И. А. Гончарова и А. Ф. Кони // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 194–197. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197.

Cite this article as:

Pyrkov I. V. 'A Ray of Humanity'. To the Question of I. A. Goncharov and A. F. Koni's Correspondence. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 194–197 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-194-197.

УДК 821.133.1.09-312.6-929Сартр

ТЕКСТОБРАЗУЮЩАЯ ИРОНИЯ В «СЛОВАХ» Ж.-П. САРТРА

Н. С. Шуринова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
E-mail: interjectio@yandex.ru

В статье рассматривается текстообразующая ирония в «Словах» Ж.-П. Сартра как выразитель философских идей, психотерапевтический инструмент, позволяющий автору проработать негативный опыт, а также как средство метарефлексии над текстом.

Ключевые слова: Сартр, автобиография, ирония, ретроспективность, стилистический анализ.

Text-forming Irony in *Les Mots* by J.-P. Sartre

N. S. Shurinova

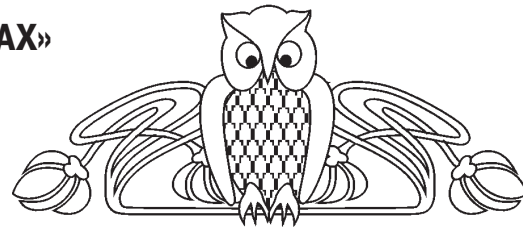
The article considers the text-forming irony as a way to express philosophical ideas, as a psychotherapeutic tool, allowing the author to work out his negative experience and as a means of meta-reflection on the text in 'Les Mots' by J.-P. Sartre.

Key words: Sartre, autobiography, irony, retrospective, stylistic analysis.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-198-202

Произведения, принадлежащие к жанру философской автобиографии, определяются идеями и концепциями, актуальными для автора на момент создания текста. Справедливо замечание Е. В. Золотухиной-Аболиной о том, что в таких работах «жизнь оказывается заложницей теоретизирования, а метод и история как бы "замыкаются в кольцо"»¹. «Слова» Ж.-П. Сартра ученые часто соотносят с его прогрессивно-регрессивным методом исследования творческой личности, апробацией которого стала работа «Идиот в семье»²: в ней автор рассматривал писательскую судьбу Г. Флобера как результат детской невротизации. О влиянии этого опыта на сартровский автобиографический самоанализ писали Ж.-Ф. Луэтт³, Ж. Деги⁴, Э. Смит⁵ и многие другие. Данный жанр действительно позволил, как и в случае с Флобером, изучить свой собственный детский опыт, те отношения, в которых определялась личность, зарождался «индивидуальный стиль» ее экзистенциального проекта.

Однако верно и то, что художественная автобиография Сартра оказалась гораздо шире замысла психобиографии. На наш взгляд, немаловажную роль здесь сыграли сами принципы построения автобиографического нарратива, которые потребовали от автора принятия важных стилистических решений. В частности, ретроспективная установка таких текстов при совпадении биографического автора, повествователя и главного героя (согласно концепции Ф. Лежёна⁶)

ставит вопрос об отношении автобиографа к своему прошлому, возможностях памяти, соотношении памяти и вымысла. В статье мы обратимся к иронии в произведении Сартра, имевшей как философско-эстетические, так и психотерапевтические задачи.

Заметим вначале, что, согласно Сартру, познать кого-то при помощи прогрессивно-регрессивного метода можно только тогда, когда изучается писатель или иная личность, которой к тому моменту уже нет в живых. При обращении к живому человеку мы всегда сталкиваемся с его «конкретностью», незавершенностью его проекта. Кроме того, необходимый для такого анализа принцип эмпатии требует наличия документов, изучая которые, интерпретатор может восстановить и пережить чужие феномены как свои: «Моя цель в том, чтобы доказать, что любой человек познаваем при условии использования соответствующего метода и необходимых документов»⁷.

Собственное же прошлое для Сартра тесно связано с самосозиданием, его видение рассматривается как требующий ответственности личный выбор. Представления о прошедшем могут выступать и как симптом поработченности опытом; прошлое – это одновременно и фундамент проекта, и то, что необходимо преодолеть. В своих трудах Сартр неоднократно подчеркивает необходимость трансцендировать за его пределы: «Человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее»⁸. Именно поэтому, исследуя в «Словах» собственное детство, Сартр одновременно его отрицает, тем самым отказываясь от сближения самого себя как пишущего текст автобиографа и ребенка-персонажа. Это и определяет автобиографию как некую терапевтическую практику: выстраивая негативный образ детского опыта, Сартр освобождается от него.

Главным художественным средством реализации данной стратегии и стала ирония, которую автор различными способами использует в тексте. Ее можно рассматривать в качестве текстообразующего принципа автобиографии: разнообразные виды иронии организуют идейно-философскую целостность произведения, концептуализируют прошлое.

Посредством иронии на страницах «Слов» развивается сатирическое изображение юного Сартра и его близких в годы детства, которое

Ж. Лекарм называет «жесточайшим кругом отчуждения, обусловленности и мистификаций»⁹. Писатель воссоздает образ ребенка-актера, воспитанного в традициях буржуазного общества, описывает специфику этого воспитания, например, через отношения с матерью: «Впрочем, она никогда ничего от меня не требует. Словами, оброненными как бы невзначай, набрасывает она картину моих будущих деяний, осыпая меня похвалами за то, что я соблаговолу их свершить: ”Ненаглядный мой будет умницей, пай-мальчиком, он даст своей маме пустить себе капли в нос”, – и я попадаюсь на удочку этих разнеживающих пророчеств»¹⁰. Сартр рисует образ ребенка-короля, обслуживаемого своими родственниками-подданными.

Разворачивая описание внутрисемейных отношений, автор говорит о своем деде, Шарле Швейцере, который навязывал мальчику статус пророка: «У меня хорошие задатки, но этого мало, ведь истина глаголет устами младенцев <...> И он созерцал меня: в саду, полулежа в шезлонге с кружкой пива под рукой, он глядел, как я бегаю и играю, выискивал мудрость в моей бессвязной болтовне и находил ее»¹¹. Данное стремление Швейцера Сартр тут же объясняет психологической причиной – страхом смерти: отсюда происходит и старческое наблюдение за природой, «в лоно которой ему предстояло вскоре вернуться»¹². Образ ребенка-пророка разрушается далее так: «В борьбе отцов и детей младенцы и старики нередко действуют заодно: одни прорицают, другие толкуют прорицания. Природа глаголет, опыт комментирует – среднее поколение может заткнуться. Если у вас нет ребенка, заведите пуделя. В прошлом году на собачьем кладбище, читая взволнованный панегирик, <...> я вспомнил деда: собаки умеют любить, они отзывчивей, преданней людей <...> Итак, я многообещающий пудель»¹³. Саркастическое сравнение ребенка с домашним животным, на которое родитель-владелец процедирует результаты своих духовных упражнений, завершается напрашивающейся абсурдной парадоксально-иронической самохарактеристикой.

Сцепление этих двух характеризующих элементов осуществляется впоследствии при описании собственной растерянности и неприкаянности. Осознав театральную природу «семейной комедии», ребенок начинает понимать отсутствие «укорененности» в мире, собственную ненужность: «Подруги сказали матери, что я грустен, о чем-то мечтаю. Мать со смехом прижала меня к груди: ”Вот так новости! Да ведь ты у меня всегда весел, всегда поешь. И о чем тебе грустить? У тебя есть все, что хочешь”. Она была права: балованный ребенок не грустит. Он скучает, как король. Как собака. Я собачонка, я зеваю, по щекам катятся слезы, я чувствую, как они текут. Я дерево, ветер шелестит в моих ветвях, легонько их колеблет. Я муха, я ползу по стеклу, соскальзываю, снова ползу вверх»¹⁴. Спаянность самоопределяющих характеристик «король/собака» фиксирует

амбивалентность положения Сартра в семейных отношениях, то, как его объективируют взгляды Других. Ребенок, которого считают «пророком», на самом деле заброшен и приравнивается к природным объектам, сводится к выполняемой функции, не приученный ни к какой другой деятельности, кроме комедиантства: «Мне внушили, что мы на то и живем, чтобы разыгрывать комедию. Я готов был в ней участвовать, но при условии, что мне предоставят главную роль. Однако в минуты озарения, которые повергали меня в отчаяние, я замечал, что роль у меня дутая: текст длинный, много выходов, но ни одной сцены, где я был бы пружиной действия»¹⁵.

В театральности семейного уклада можно прочесть как критику социальных отношений эпохи, так и более широкое изображение проблемы общества. М. К. Мамардашвили в контексте рассуждений о социальных проблемах экзистенциальной философии замечает: «Фактически ”подлинного” человека экзистенциализм описывает как существо, выпадающее из всякой организации общества и общественного сознания (принятой системы мыслей, идеологии, моральных, юридических норм и т. д.), которое в данном обществе господствует»¹⁶. В автобиографии благодаря иронии осуществляется одновременно попытка преодоления собственного самообмана и символизация философской идеи об участии взаимодействующего с отчуждающим обществом любого индивида.

Механизм последовательного наращивания смыслов можно обнаружить и в том, как описывается открытие Сартром своего уродства. Бельмо на глазу изначально не замечалось: дефект не был отчетливо выражен, длинные волосы прикрывали лицо ребенка и вуалировали физический недостаток. Автор описывает фотографирование, которому часто подвергался в детстве: «Мне говорят, что я хорош собой, и я этому верю. С некоторых пор у меня на правом глазу бельмо, впоследствии я буду косить и окривею, но пока это еще незаметно. Меня то и дело фотографируют, и мать ретуширует снимки цветными карандашами. Одна из фотографий сохранилась: я на ней белокур, розов, кудряв, щеки пухлые, во взгляде ласковая почтительность к установленному миропорядку, в надутых губках затаенная наглость – я знаю себе цену»¹⁷.

Д. Мео и Ж.-Б. Врэ констатируют, что фотографию не следует интерпретировать исключительно как выражение характера: она «играет роль в конструировании определенного образа идентичности в тексте»¹⁸. Фотографии являются составной частью «семейной комедии», они вполне сопоставимы с позерством Швейцера: «На его счастье и беду, он был фотогеничен; наш дом был наводнен его изображениями. Моментальных снимков в ту пору еще не делали, и поэтому дед пристрастился к позам и живым картинам»¹⁹. Фотография предстает как средство подмены

подлинности игрой, попытка выгодной саморепрезентации, инструмент укоренения нечистой совести: Швейцер старается разыграть перед камерой величие, превращаясь в «памятник самому себе», маленький Сартр уверен в собственной значимости, защищенный иллюзией безопасности в упорядоченном буржуазном мире.

Однако фотография – это еще и объективирующий инструмент, достоверно отображающий физический облик. Сартр сначала дает перспективу на будущее, предсказывая усугубление недостатка, после чего вводит при описании детского снимка деталь: Анн Мари приходится тайком подправлять изображения, скрывая изъян. В соотношении с принимаемой ребенком позой это порождает иронический эффект, говорящий о бесплодности стремлений откорректировать идентичность, а также намекает на неизбежность столкновения с реальностью, «навязывающую себя близость уродства»²⁰.

Разоблачение этой иллюзии связано с усилением антифразиса, доведением контраста до крайности в знаменитой «сцене у парикмахера». Остриженный с подачи деда Сартр вызывает всеобщее ошеломление, включая и самого Швейцера: «Да и сам дед был растерян: ему доверили свет его очей, а он привел домой жабу – это подрывало основы восторгов, просветлявших его душу»²¹.

Примечательно и то, что собственные впечатления Сартр также описывает иронически: «С каждым днем мне становилось все труднее угождать публике – приходилось не жалеть сил, я налегал на эффекты, стал переигрывать. Мне открылись терзания стареющей актрисы»²². Сравнение дает понять, что привычка актерствовать и является главной причиной травмы, а не уродство как таковое: стремление к положительной объективации Другими делает ребенка зависимым от отчуждающих взглядов, поработает его через телесность. Симптоматично, что именно тело в философских работах Сартра рассматривал как ключевую экзистенциальную проблему: именно в момент объективации тела Другим возникает стыд; в своей телесности человек включается и в общественные отношения, становится частью социальных структур.

Однако в «Словах» писатель отказывается от демонстрации фундаментальности переживания, давая читателю лишь иронические намеки: «Я чувствовал себя не в своей тарелке»²³. Главной целью Сартра-автобиографа становится не столько анализ телесности, сколько изображение себя как продукта взрастившего его социального мира, который и высмеивается в повести: можно сказать, что при помощи иронии автор выталкивает из себя «буржуазность», фундированность проекта неблагоприятной средой.

Ирония вводится в текст и более сложным образом. Писатель высмеивает детские представления о мироустройстве, построенные на почерпнутых от взрослых максимах: «То было

райское жилье. По утрам я просыпался в радостном изумлении, ликуя, что мне так неслыханно повезло и я родился в самой дружной на свете семье, в самой лучшей под солнцем стране. Недовольные шокировали меня: на что им было роптать? Смутьяны, да и только. В частности, родная бабушка внушала мне живейшую тревогу: я с грустью должен был отметить, что она недостаточно восторгается мной. Луиза и в самом деле видела меня насквозь»²⁴. Отрывок показывает, как Сартр воссоздает в повести точку зрения ребенка, в упрощенной наивно-детской искаженной форме транслирующую вульгарно-патриотические внушения Швейцера, но затем в них вмешивается интерпретирующий происходящее повествователь, благодаря чему изменяется субъективно-оценочная модальность повествования. Их контрастность и создает иронический смысл, акцентирует разрыв между персонажем и актуальным биографическим автором «Слов».

Эту особенность также можно считать текстообразующим принципом повести. По словам В. Бромбера, «двусмысленность мы можем обнаружить на всех уровнях текста, так как для Сартра каждое событие в повести – есть сепарация от прошлого»²⁵. Описывая эпизод с составлением письма Куртелину, писатель демонстрирует детское пристрастие к панибратству со знаменитыми авторами и одновременно комментирует происходящее: «Несколько лет назад письмо было напечатано в газетах, и я прочитал его не без злости. Оно было подписано “Ваш будущий друг” – это казалось мне вполне естественным: я был на короткой ноге с Вольтером и Корнелем, с чего бы вдруг живой писатель вздумал отказывать мне в дружбе. Куртелин отказал и поступил умно: если бы он ответил внуку, ему пришлось бы иметь дело с дедом»²⁶. Присутствие различных позиций в тексте не приводит к их слиянию, диалогу: Сартр-повествователь и Сартр-ребенок отчетливо различимы, противостоят друг другу.

Интересна интертекстуальная ирония, которая возникает в моменты, когда автор описывает особенности своего приобщения к чтению: выбор книг осуществлялся на основе авторитетности того или иного писателя с целью угодить деду-филологу. В итоге круг читаемых Сартром авторов противоречил интересам и потребностям ребенка: «Я жил не по возрасту, как живут не по средствам: пыхтя, тужась, через силу, напоказ»²⁷. Чтение также превращалось в актерство, исполнение ритуалов: «Выставленный на обозрение, я видел, как я читаю, подобно тому как люди слышат себя, когда говорят. <...> Я начинал плутовать – вскочив одним прыжком, я ставил на место Мюссе и, приподнявшись на цыпочки, тянулся за увесистым Корнелем; мои увлечения измерялись моими потугами, я слышал за спиной восторженный шепот: “До чего же он *любит* Корнеля!” Я его не любил: александрийский стих нагонял на меня тоску»²⁸. Глагол «любит» («*aime*») Сартр выделяет

курсивом и тут же изобличает в ребенке позера, признаваясь, что на самом деле не получал никакого наслаждения от восприятия высокопарного классицистического стиля Корнеля, с которого срывает воображаемый ореол величия.

Однако сам процесс чтения книг подается при этом двояко. Иронично естественное непонимание ребенка, пытающегося читать «взрослые» книги: «Я двадцать раз перечитал последние страницы "Госпожи Бовари", под конец я выучил наизусть целые абзацы, но поведение несчастного вдовца не стало мне понятнее: он нашел письма, с какой стати из-за этого отпустить бороду?»²⁹. Тем не менее, писатель замечает, что удовольствие ему доставляло само непонимание сложных мест: «Мне нравилось это упорное сопротивление, которое я так и не мог преодолеть до конца; я терпелся, изнемогал и вкушал тревожное наслаждение – понимать, не понимая: это была толща бытия»³⁰. Ф. Ни подмечает, что ирония в «Словах» заключается в «неявном признании "пирровой победы", которая лежит одновременно в основаниях вытесненного невроза и его выражения в литературе»³¹. Временами Сартр действительно неподдельно увлекался чтением, вникал в смысл непонятного, что в итоге имело парадоксальный эффект: «В конечном счете Комедия культуры приобщала меня к культуре»³². Эта амбивалентность роднит иронию «Слов» с идейным замыслом психобиографии Флобера. Неестественное раннее окультуривание вылилось в собственное писательство; психопатология, приобретенная вследствие семейного театра, стала фундаментом всего его творчества, вымысел заблуждений обернулся в итоге вымыслом художника: «Раз никто всерьез не нуждается во мне, я решил стать необходимым всему миру. Что может быть прекраснее? Что может быть глупее?»³³

При этом заметим, что ирония в «Словах» имеет и другую задачу – она внушает читателю неуверенность в самой достоверности повествования как таковой. Неожиданно в текст врывается авторский голос, заявляющий: «То, что я написал сейчас, ложь. Правда. Ни ложь и ни правда, как все, что пишется о безумцах, о людях. Я воспроизвел факты с максимальной точностью, насколько мне позволила память. Но в какой мере я сам верил в свой бред? Это самый главный вопрос, меж тем я не знаю, как на него ответить»³⁴. Скептическая метаирония выражает здесь авторское сомнение в том, что в ситуации временного разрыва возможно воспроизвести аутентичный облик ребенка, познать настоящую причину тех или иных психологических явлений. Целью самопознания в «Словах» не является получение истинного знания о самом себе, скорее это некое допущение, измышление, концепция обнаруживаемых в детских проблемах фундаментальных оснований собственной жизни, которые могут оказаться не вполне правдивыми. Сартр пишет о том, что литературное творчество является симптомом

невроза – в форме литературного творчества он создает роман о самом себе, делая себя-ребенка его персонажем, чем акцентирует идеалистическую, патологическую природу творческого вымысла, схожего с памятью и воспоминанием, изгоняя, согласно Луэтту, «всякое восхищение перед зарождением таланта»³⁵. Именно в рамках автобиографического ретроспективного повествования становится возможной эта ироническая комбинация философских смыслов.

Подытоживая сказанное, мы можем заключить, что текстобразующая ирония в экзистенциальной автобиографии Сартра служит средством психотерапевтического отрицания собственного прошлого, обнажающего уродливую театральность воспитавшего автора буржуазного мира. Иронизируя, писатель подчеркивает несоответствие между навязываемыми ему ролями и реальностью своей идентичности, разрушает представление об авторитетности выдающихся представителей французской литературы, акцентирует несовместимость мировоззренческих позиций Сартра-ребенка и Сартра-писателя. Вместе с тем ироническая рефлексия над собственной писательской карьерой как результатом отчуждения и невротизации сближает «Слова» и опыт составления биографий. Скептическая метаирония над потенциалом автобиографического повествования обнажает условность художественного текста, выражает сомнение в возможности самопознания с его помощью.

Примечания

- ¹ Золотухина-Аболина Е. Философская автобиография : опыт Ж.-П. Сартра // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле : люди, тексты, практики : сб. материалов междунар. конф. М., 2016. С. 50.
- ² См.: *Сартр Ж.-П.* Идиот в семье : Г. Флобер от 1821 до 1857. СПб., 1971.
- ³ См.: *Louette J.-F.* Silences de Sartre. Toulouse, 2002.
- ⁴ См.: *Deguy J.* Sartre : une écriture critique. Villeneuve d'Ascq, 2010.
- ⁵ См.: *Smyth E.* Autobiography, contingency, selfhood : a reading of «Les Mots» // *Autobiography and the Existential Self : Studies in Modern French Writing.* Liverpool, 1995. P. 25–38.
- ⁶ См.: *Lejeune Ph.* Le pacte autobiographique. Paris, 1975. P. 14–15
- ⁷ *Sartre J.-P.* Sur «L'Idiot de la famille» // *Sartre J.-P.* Situations X. (Politique et Autobiographie). Paris, 1976. P. 106.
- ⁸ *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов* : сб. М., 1990. С. 323.
- ⁹ *Lecarme J.* «Les Mots» de Sartre : un cas limite de l'autobiographie? // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* 1975. № 6. P. 1047.
- ¹⁰ *Сартр Ж.-П.* Слова // *Сартр Ж.-П.* Слова. Пьесы. М., 2007. С. 15.

- ¹¹ Там же. С. 19.
¹² Там же. С. 20.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же. С. 60.
¹⁵ Там же. С. 55.
¹⁶ Мамардашвили М. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра // Современный экзистенциализм : Критические очерки / ред. Т. И. Ойзерман. М., 1966. С. 155.
¹⁷ Сартр Ж.-П. Слова. С. 19.
¹⁸ Méaux D., Vray J.-B. Traces photographiques, traces autobiographiques. Saint-Étienne, 2004. P. 201.
¹⁹ Сартр Ж.-П. Слова. С. 16.
²⁰ Gagnebin M. Fascination de la laideur. La main et le temps. Lausanne, 1978. P. 14.
²¹ Сартр Ж.-П. Слова. С. 67.
²² Там же. С. 68.
²³ Там же.
²⁴ Там же. С. 23.
²⁵ Brombert V. Sartre et la biographie impossible // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1967. Vol. 19, № 1. P. 156.
²⁶ Сартр Ж.-П. Слова. С. 44.
²⁷ Там же. С. 45.
²⁸ Там же. С. 46.
²⁹ Там же. С. 36.
³⁰ Там же.
³¹ Kneepf. Sartre et la praxis littéraire // Laval théologique et philosophique. 1983. Vol. 39, № 1. P. 71–72.
³² Сартр Ж.-П. Слова. С. 47.
³³ Там же. С. 71.
³⁴ Там же. С. 45.
³⁵ Louette J.-F. «Les Mots» // Sartre J.-P. Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris, 2010. P. 1271–1308.

Образец для цитирования:

Шуринова Н. С. Текстобразующая ирония в «Словах» Ж.-П. Сартра // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 198–202. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-198-202.

Cite this article as:

Shurinova N. S. Text-forming Irony in Les Mots by J.-P. Sartre. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 198–202 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-198-202.

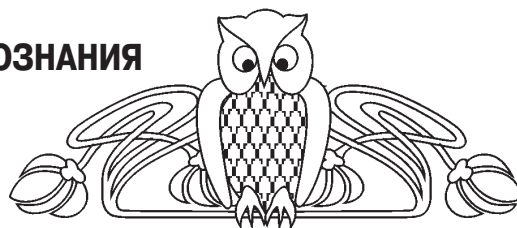

УДК 82.09

РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЕ

С. Ю. Воробьева

Волгоградский государственный университет
E-mail: svewor@yandex.ru

В статье представлены типологические признаки «феминного письма», обнаруженные в текстах современных авторов-женщин, формулируются методологические принципы выявления гендерной составляющей на уровне речевой организации произведения.

Ключевые слова: гендер, гендерная поэтика, гендерный билингвизм, дискурс, феминизм, феминистская критика, феминное письмо.

Speech Representation of the Gender Consciousness in the Modern 'Female' Prose

S. Yu. Vorobyeva

The article presents typological features of 'feminine writing' identified in the texts of modern women writers; methodological principles are set up for the identification of the gender element on the level of the work speech organization.

Key words: gender, gender poetics, gender bilingualism, discourse, feminism, feminist criticism, feminine writing.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-203-208

Интерес к области, обозначенной термином «женское» письмо, возник в отечественной науке в последнее десятилетие XX в. и был обусловлен как целым рядом ярких публикаций российских авторов-женщин, так и очень быстро сформировавшимся вокруг них литературно-критическим полем. Сегодня уже делаются попытки рефлексивно «завершить» феномен «женской прозы» и оценить его как постепенно сходящийся на нет творческий импульс, вылившийся к настоящему моменту в одну из разновидностей массовой литературы¹. «Похоронить» женскую субъектность оказывается, таким образом, проще, нежели разработать алгоритм ее выявления.

Сложность научного поиска в этой сфере обусловлена многими причинами:

- 1) многозначностью понятия «гендер», его слабой разграниченностью с понятием «пол»;
- 2) отсутствием последовательной и четкой дифференциации феминистских и гендерных методов исследования, их принципиально разными целевыми установками и возможными итогами.

Ключевым методологическим тезисом для гендерных исследований в филологии должно стать утверждение о дискурсивной природе гендера, вытекающей из его социально-коммуникативной природы. «Феминное», будучи понятием исключительно дискурсивным, в отличие от

«женского», относящегося к сфере биологического пола, проявляет себя как результат деконструкции фреймов, характерных для патриархатного дискурса. Причем деконструкции с позиции, не противостоящей традиционной антагонистически, но как бы встроенной в нее изнутри.

Дискурс современной женской прозы весьма показателен в плане формирования новых речевых тактик, активно конкурирующих с привычными, традиционными (патриархатными). Их этический смысл связан с возможностью преодоления существующей в культуре гендерной асимметрии, с процессом органичной *самоадаптации* женской субъектности к миру патриархатных ценностей. Эти процессы представлены у женщины-автора поиском таких средств ее речевой репрезентации, которые позволят и обществу в целом осознать наличие в культуре альтернативной и вполне конкурентноспособной эпистемы, последовательно подавляемой на протяжении столетий, а сегодня способной, по мысли Деррида, «расшатать доминирование мужского способа мышления в культуре»².

В определении Фуко, автор – создатель дискурса, причем дискурса принципиально инновационного, новаторского, способного активно функционировать в социальном пространстве, т. е. определенным образом позиционировать себя по отношению к полю власти. Особым статусом, согласно М. Фуко, обладают авторы, находящиеся в транс-дискурсивной позиции, т. е. те из них, которые способны создать не просто текст или произведение, а саму возможность и правила образования других текстов – «установить некую бесконечную возможность дискурсов»³. В связи с этим неизбежно возникает вопрос: способны ли авторы-женщины занять подобную транс-дискурсивную позицию? Способно ли гендерно ориентированное сознание автора-женщины, репрессированное всей предшествующей традицией языка и культуры, породить новые правила, новую «бесконечную возможность дискурсов»?

Механизм смыслового анализа (дифференциации) на каждом его этапе одновременно должен быть подчинен идее смыслового синтеза (интеграции), восходящего к принципиально разным *гендерным моделям* феминного и маскулинного типа. Понятие «гендерная модель», введенное в научный обиход И. Герасименко⁴, видится особенно продуктивным, так как оно восполняет терми-

нологическую лакуну, отсылая к представлению о двух типах комбинаций фреймов, способных по-разному транслировать одну и ту же информацию с позиций маскулинного и феминного сознаний. Фреймы гендерно не маркированы, но, складываясь в модель, они становятся носителями той специфической информации, которая и позволяет атрибутировать то или иное сообщение в гендерном ключе.

Эти фреймы, на наш взгляд, можно выявить на тех уровнях художественного дискурса, которые имеют особую значимость, так как содержат информацию, актуальную для реципиента, т. е. *соотнесенную* с безусловно значимыми для него как личности кластерами смысла. Воспринимая текст целостно, сознание «собирает» (часто нерелевантно) эту информацию со всех уровней текста, но особую концептуальную значимость приобретают те его элементы, которые Ю. М. Лотман назвал «семиотическими монадами». По мысли ученого, они порождаются всеми уровнями семантического универсума и обеспечивают целостность его восприятия⁵. Тремя основными, обусловленными антропоцентрической парадигмой нашей культуры уровнями текста-дискурса являются:

- стилистика речи (слово в его фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом оформлении);
- образ (личность в ее этическом завершении);
- картина мира (космос в его концептуальной завершенности).

Учитывать это особенно важно, когда речь идет о выявлении того или иного типа гендерной субъектности, поскольку если и искать в тексте отраженную феминность как некое дискурсивное качество, то, несомненно, ярче всего оно должно проявиться через эстетическую (завершающую) деятельность автора на всех трех уровнях рефлексии, хотя возможно, что феминность в ее индивидуальном варианте может быть сосредоточена на одном из них, но так ли иначе даст о себе знать и на других уровнях.

Остановимся более подробно на **первом уровне**. Здесь следствием деконструкции языкового знака, способом его узнавания через первичное разуподобление становится особый *тип иронии и самоиронии*, выступающий в статусе доминирующего повествовательного модуса автора-женщины, речь которой отражает подчеркнутое недоверие к пафосности, учительствующему превосходству, «толковательному дискурсу» (М. Фуко). Специфика этой иронии в том, что она действует *на опережение*, ее цель – вызвать снисхождение. Вступив в текст культуры, созданный патриархальным сознанием, закрепившим женскую сущность в определенных стандартах, женщина-автор, осмелившаяся заявить о себе «самовитым», неподражательным словом, не может не ощущать зыбкости своей словесной практики, создающейся фактически без опоры на сколь-

нибудь ощутимую традицию и преемственность. Ее ирония – это своего рода способ самозащиты, подстраховки, когда несерьезность становится слабым гарантом снисходительности со стороны патриархальной рецепции: В силу этого она проявляется зачастую уже в заглавиях, действуя «на опережение»: «Любовь в резиновых перчатках», «Дом со всеми неудобствами», «Тургенев, сын Ахматовой» (Н. Горланова), «Любовь в седьмом вагоне», «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (О. Славникова), «Секс по SMS», «Клуб недобитых сердец» (А. Дюрсо), «Кысь» (Т. Толстая), «Графоманка» (Г. Щекина) и т. п. – каждое из этих заглавий несколько уязвимо в смысловом отношении и нацелено на несерьезное восприятие и «нестрогую» оценку.

Не менее ярко в этом ряду заявляет о себе и прием *реноминации*, проявляющийся с разной степенью очевидности. Так, некоторые авторы-женщины предпринимают попытки перевоссоздать дискурс в целом (Л. Петрушевская. Пуськи бятые), реконструировать древнерусские словоформы и корни (Е. Колядина. Цветочный крест), или создать на их основе подобие нового языка постапокалиптического общества (Т. Толстая. Кысь), или адаптировать под свои нужды просторечные и архаичные словоформы (Г. Щекина. Ор).

Своеобразное проявление тенденции к реноминации находим и у О. Славниковой в сборнике рассказов «Любовь в седьмом вагоне»⁶. *Коробейник* – так назван герой с открытым ноутбуком на груди, в его портрете очевидно сочленение времен через соединение номинаций, разделенных веками (рассказ «Русская пуля»); герой другого рассказа («Новая шапка Падерина») красив, потому что *татароват* – авторский окказионализм также отсылает во тьму веков; «старорежимное» слово *вакация*, употребленное в самом начале рассказа «Любовь в седьмом вагоне», задает концепцию образа героини Леночки, которой уже «под шестьдесят», но поскольку действие происходит в 90-е (на это указывает целый ряд перестроечных реалий), то даже по самым приблизительным подсчетам героиня не могла быть рождена раньше советско-пионерских 30-х или военных 40-х и вряд ли могла усвоить это слово из повседневного быта, следовательно, его также можно атрибутировать как авторский маркер.

Объяснение устремленности феминного сознания к прошлому дает Ж. Бодрийяр в трактате «Соблазн». Развивая идею «до-социального», «параллельного» традиционной культуре пространства, формируемого женским письмом, философ соотносит его с ритуальными и церемониальными архаичными практиками, которые трактуются как примитивные только в силу высокомерия культурных и цивилизационных стереотипов⁷.

Реноминация в рамках феминного письма проявляет себя не только как перекодировка словесного ряда «под архаику», но как вообще любое переназывание: автор-женщина, которая

стремится писать не вслед традиции, а по-другому, по-своему, будет неизбежно переименовывать окружающие ее реалии, вследствие чего для ее дискурса характерно, например, употребление непривычных имен: *Грезка*, *Сон-Обломов*, *Боб*, *Четверьпална* (Н. Горланова), *Халцедонова* (Г. Щекина), *Молекула*, *Прожигатель*, *Пиноккио* (А. Дюрсо), *Бенедикт* (Т. Толстая), *Медея* (Л. Улицкая) и др.

У О. Славниковой прием реноминации заметно активизируется через синтез живого и механического, при котором происходит их уподобление, когда живое репрезентирует себя посредством сделанного, сконструированного или неживого: *пистолет-пулемет задергал хоботком, хитиновые крылья дверей, останки электрички, краны-богомолы*. При этом портретные детали, напротив, подаются автором через неживое, предметное: *уши на сломанном каркасе, руки – брошенные весла, лицо – погашенная лампочка*.

В результате между живым и неживым, обыденным и экстраординарным создается своего рода «буферная» семантическая зона, где происходит перекодировка обычной, логически выверенной реальности в реальность синтетического характера.

Процесс реноминации – не только один из способов освоения внешнего мира, его адаптации к своей субъективности, но и, несомненно, способ самопозиционирования автора текста. Если традиционное сознание творца-мужчины направлено на *объективацию мира* через себя, на его «присвоение» и детерминацию, максимально точным словом, образом, сюжетом, т. е. формой, то автор-женщина в большей степени стремится к *объективации себя* через реальность мира, потому ее сознание активно ищет в этой окружающей реальности, прежде всего, то, что созвучно и адекватно ему, а это зачастую те сферы, которые не «присвоены» общественным и культурным сознанием, не детерминированы строго и однозначно, отсюда, видимо, и эта склонность к архаике и реноминации. Возможны, конечно, и «переходные», диффузные тактики, но решающие векторы всегда будут направлены в разные стороны, на достижение разных целей: маскулинное сознание будет «завершать» картину внешнего мира, атрибутировать и детерминировать ее, и в этом процессе субъективность выступит средством постижения метафизических «вечных» истин, средством постижения и освоения Космоса, формулировки новых концептов; феминное же сознание, напротив, через объективно заданную извне реальность стремится обозначить собственную субъективность, как бы «поверх» традиционных концептов, попутно придавая им новый смысл, подвергая их деконструкции.

В приведенном выше случае имена собственные представляют собой не столько традиционные «говорящие фамилии», сколько субъективные номинации, понять смысл которых, опираясь на

детерминистскую линейную логику причинно-следственных связей, практически невозможно. Их деконструкция приведет, скорее всего, к смысловому коллапсу, индетерминации, в силу чего они актуальны только своей ассоциативной целостностью, они нерациональны по сути и хороши, прежде всего, тем набором исключительного субъективных реминисценций и аллюзий, которые реципиент способен (или не способен) воссоздать.

Подобная номинативная тактика говорит о следующем: сознание автора-женщины ориентировано на принципиальную ценностную незавершенность личности, на ее обманчивую постижимость и невозможность ее редукции. Таким образом, феномен *реноминации* в гендерном аспекте представляется результатом как *недоверия* женщины к традиционной патриархатной системе ценностных ориентаций, так и попыткой выстроить собственную аксиологию, но не путем революционной перестройки внешнего мира, а, скорее, с помощью частичной, не всегда очевидной, но последовательной его *перекодировки* – семантических сдвигов, актуализации подтекстовых и коннотативных значений.

В этот же ряд приемов (опережающая ирония, реноминация) типологически вполне вписывается и *цитирование*, но не как факт отсылки к «чужому» тексту, а как та интенция, которая *переопределяет* (реноминирует) модус художественности цитируемой строки. Здесь наблюдаем ту же попытку автора с феминной ориентацией письма и дискурса «выломаться» из семантики, традиционной для культурного поля современности, и либо иронически переиграть цитату, либо стереть ее образность до паремийного клише, употребляемого автором и героем всуе при каждом удобном и неудобном случае. Так, в «Графоманке» Г. Щекиной читаем: *вбежала в сильном запале под светлые своды поликлиники; потащила прочь, под светлые своды гастронома; под светлыми сводами школы назревало единственное родительское собрание*⁸. «Чужой текст» (в данном случае цитата из полузабытой, 1956 г., песни на стихи Е. Долматовского) выполняет роль культурного клише, которое в новом контексте обретает дополнительные коннотативные значения, актуализируя мотив разрыва мечты и действительности, но уже не в классическом, *трагедийном* модусе, а в *ироническом*, поскольку построено на смысловых нестыковках, противоречиях, которые способен уловить лишь настроенный на сотворчество и столь же ироничный читатель, готовый к «словесному приключению» (В. Набоков).

Недоверие к тексту традиции, стремление к его профанированию как проявление акта недоверия автора-женщины к внешней реальности, как отражение страха перед ее банальностью встречаем у А. Дюрсо («Секс по SMS»): ее героиня, например, постоянно подчеркивает свое негативное отношение к субкультуре КСП (клуб самодетельной песни), делающей, как известно,

ставку на искренность и доверительность интонации, тиражирование которых неизбежно превращает в штампы их риторику и образный строй.

Внешняя, враждебная реальность репрезентирована не только семантически, но и структурно – особым типом высказываний. Это разновидность речевых клише, ориентированных на некий дискурсивный стандарт, отражающий фантомную правильность и незыблемость внешнего мира: *...ты идешь по скользкой дорожке...; ...ты отбилась от рук; потом позвонил Ваня и сказал, что я лишила его тыла; ...она [мама] сказала, что я отравила окружающую среду, что в саду не осталось свежего воздуха и что «Гринпис» при виде меня зазвонил бы во все колокола...; ...Все летаешь? <...> а под тобой, Аглая, разверзлась пропасть; ...все нормальные женщины носят шубы, пекут пироги, красят ногти и воспитывают детей*⁹.

Героиня вступает в конфронтацию, нарушая и дискурсивные, и поведенческие стереотипы: «...я писала ему о самом сокровенном, что составляет истинные ценности, а не условности этого долбанного мира потребления...»; «...я выкопала на пустыре огромный чертополох и теперь он украшает клумбу»; «...у меня не осталось ничего, кроме недостатков, но на эти недостатки я положила жизнь»; «... хотя вокруг глобализм свирепствует, а мы знай свое: от шекспировских страстей к ахматовским безднам»¹⁰.

Никчемность и избранность уравниваются и синтезируются, таким образом, в новое качество – неповторимость, индивидуальность, недетерминированность личности, ее неутилитарность, выводят ее на уровень парадокса, в основе которого – оксюморон, спонтанно порождающий сюжетную динамику, в которой объединены философская глубина и бытовая конкретика.

Заметим, что подобной деконструкции подвергается не только негативный сектор реальности: ее традиционно позитивное начало также не принимается автором-женщиной в стандартизированном, привычном виде. Так, например, своеобразно представлен концепт «счастье»: *...хорошо бы кирпич, что ли, на голову свалился. Так я была счастлива; ...у меня было бессмысленно счастливое лицо и мне было стыдно перед детьми; ...я смотрела на них, и морда у меня просто трескалась от улыбки. Вокруг меня был, несомненно, рай; ...так была счастлива, что ни на что не надеялась; ...я пахну электричеством, когда счастлива*¹¹. Состояние абсолютного счастья табуировано для прямой номинации, для открытого проявления, так как относится к области абсолютно невыразимого, поэтому построено на парадоксе, оксюмороне.

Вследствие этого особую ценность для автора-женщины имеет общение, в процессе которого прямые значения, а вместе с ними и «нудительная действительность» (М. Бахтин) бытия максимально редуцируются и уступают место личностной

активности, пониманию без слов, дискредитированных беспощадной к женщине реальностью:

– Ты знаешь, что такое турбулентные потоки? – начала я издали.

– Ты уронила сигарету?»¹²

Женщина как «говорящий субъект» отдает предпочтение эллиптическим фразовым структурам, сходным с практикой живой речи, поскольку не стремится к максимально точной атрибуции мира. Кроме того, в ситуации общения ей гораздо важнее быть услышанной и понятой без уточняющей и усложняющей описательности, уводящей от сути. В подобном речевом поведении отражается и такое важное качество, как установка на диалогичность, поэтому выбирается эллиптический дискурс: его структура предполагает наличие смысловых лакун, заполнить которые может лишь сознание заинтересованного собеседника.

Природа женского подчеркнута диалогична, если только автор не боится говорить иначе, стремясь уйти от подражания на самых глубинных дискурсивных уровнях. Г. Щекиной в «Графоманке» удается практически невозможное: она буквально воссоздает творящее сознание героини как процесс ее живой реакции словом на внешний мир. Для ее героини «графоманки» Ларичевой этот мир предстает одновременно и потоком событий, и потоком слов. Оба «потока» в равной степени активно перерабатываются ее сознанием и выплавляются в творческий «продукт»: сюжеты многочисленных набросков, которые, переплетаясь с сюжетом ее собственной жизни, образуют синкретизм мифа, «творимой легенды», наглядно демонстрируют, как автор «сочиняет» судьбы героев, параллельно проживая свою собственную. Эти выдуманные или взятые из жизни эпизоды воспринимаются как «продумываемые», «пересказываемые», «печатающиеся на машинке», т. е. как сырой материал, находящийся в стадии становления. В этом плане они вполне адекватны «становящейся» природе творческого сознания самой Ларичевой, являются важным приемом создания ее образа.

Стихия разговорной речи привлекает Ларичеву, как привлекает ее стихия живой жизни: настоящие, живые характеры в противовес всему стандартному, нормативному. Чуткость к звучащему слову позволяет ей улавливать неочевидные связи между явлениями, предметами, событиями, сопрягать далекие смыслы и порождать неожиданные, свежие образы, отсвечивающие двойным ироническим сиянием. Живое слово она берет за образец, создавая свои окказионализмы, которые оживляют окружающую ее рутинную реальность, помогают примириться с ней, превратить в материал для творчества.

«Женский» взгляд автора романа не предполагает завершающих оценок, он всегда оправданно диалогичен, но не для того, чтобы утвердиться в собственном мнении и убедить в нем собеседника-читателя, а для того, чтобы обозначить свое

«Я-для-себя» в качестве *вопрошающей инстанции*, субъекта, готового к процессу речеполагания: *Ларичева чувствовала смутную радость и отчетливую тревогу. Радость оттого, что ее посчитали за человека, и тревогу от необходимости бежать, не узнав продолжения*¹³. В силу этого возникает своего рода парадокс, преодолеть который Ларичевой-графоманке пока не под силу: она стремится обрести голос, но не доверяя себе до конца в мире мужских авторитетов (муж, Радиолов, Упхолов, Батогов), стремится к традиционной нарративности, завершенным сюжетам, завершить которые все-таки не может.

Разрешение этого диссонанса оказывается под силу автору романа – Галине Щекиной. Включив механизм деавтоматизации связи знака и значения, *миметически* изображаемого быта и *антимиметически*, *антидескриптивным* характером творчества, автор-женщина деконструирует привычное и устоявшееся, выявляя внутренние противоречия поработившего ее мира, в котором она не цель, а средство, не субъект, а объект. В силу этого именно ирония выполняет у Г. Щекиной роль связующего звена между «Я-для-себя» и «Я-для-всех». Поскольку сюжет романа о женщине-писательнице предполагает их нерасторжимое единство, автор, зная данную проблему «изнутри», стремится не просто *отразить* ее дескриптивно, «извне», но и *выразить* ее адекватным способом, при котором роль нарратора начинает выполнять сам язык, его ресурсы¹⁴.

Кроме названных приемов, отметим также характерный для дискурса, помеченного грифом «феминный», прием *вторичной рефлексии*: женщина-автор, как правило, избегает прямых самоописаний. Яркий пример подобной опосредованности в самохарактеристике встречаем у А. Дюрсо («Секс по SMS»): облик Аглаи – Глафиры – Глаши буквально собирается при чтении по крупицам, непрямо, через оговорки и небрежные случайно брошенные замечания, через оценку другим сознанием: *это были штаны израильской армии, они были очень широки в талии и коротки даже мне; по-моему, ты мужикам должна нравиться; и еще ты [Аглая] улыбаешься, как Джульетта Мазина в последних кадрах «Ночей Кабириш»; я действительно стала похожа на пролетарку, изможденную многостаночностью; я не голубоглазая блондинка*¹⁵.

Формируется *вторичная рефлексия*, психологическое основание которой то же самое, что и у приема *опережающей иронии* – чувство вины, присущее угнетаемому сознанию, специфическое внимание к собственному телу, которое для мужчины есть предмет сексуального влечения, а для женщины – «храм души», ее вместилище, поэтому усиленное внимание к телу – часть патриархального комплекса, которому сознание женщины противится, но не может не следовать. Это порождает постоянный эмоциональный диссонанс, восходящий к ценностному статусу социальной

роли женщины: быть ли ей «целью» или согласиться на статус «средства». Во всех описанных случаях женское проявляет себя как стратегия, конкурирующая с традиционной (патриархальной) парадигмой, как форма присутствия иного (немужского) оценивающего (номинирующего) мир говорящего сознания. Такая стратегия существенно диалогизирует образ, усложняет его, уводит от прямой атрибуции и оценки, что соответствует задачам «феминного письма»: подать сложное посредством сложного.

Итогом реализации означенных приемов становится изображение мира и человека как «ускользающей реальности», оценить и атрибутировать которую однозначно в строгих рамках традиционных бинарных оппозиций фактически невозможно. Представляется также, что эти приемы имеют онтологический статус, поскольку направлены и на преодоление тотальной утилитарности мира, в котором женщину также активно стремятся низвести до уровня полезной вещи, средства. В мире, преобразенном женским сознанием, нельзя быть примитивным, прагматичным или вторичным: человек в нем непостижим, неповторим и нередуцируем, как художественный образ. Этическая доминанта подобного дискурса может быть определена так: *сложное посредством еще более сложного*, поэтому женские образы в рамках «феминного письма» не типологизируются, а предельно индивидуализируются, изменяя привычную реалистическую парадигму, подчиняя ее новой цели – представить не завершающую детерминацию объекта, а его *индетерминацию*, т. е. выявить его феноменальную нередуцируемую природу.

Приемы, выявленные в процессе анализа произведений современных авторов-женщин, представляют собой систему, репрезентативную именно в плане гендерной маркированности «феминного письма», поскольку имеют ярко выраженную символическую наполненность в качестве трансляторов репрессированного культурного сознания женщины в роли говорящего субъекта, занятого как поисками собственной идентичности, так и выражением своей социальной значимости.

Специфически проявляясь на всех онтологически значимых уровнях художественной коммуникации, маркеры феминности демонстрируют свою системную, типологическую природу за счет того, что 1) дают о себе знать на материале произведений различной стилистической природы, 2) их авторы принадлежат к разным поколениям, 3) «укрупняясь» от уровня к уровню, эти приемы сохраняют свое символическое содержание не только в своем лексико-семантическом и синтаксическом воплощении, но и на более обобщенных – образно-символическом и сюжетно-композиционном – уровнях.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-03-00068).

Примечания

- ¹ См.: *Абашева М., Воробьева Н.* Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков : учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 2007. С. 108.
- ² *Деррида Ж.* Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 125.
- ³ *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой ; под ред. А. Пузыря. М., 1996. С. 30.
- ⁴ См.: *Герасименко И.* Патриархатность как традиционная модель русской лингвокультуры // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Тула, 2007. С. 55–59.
- ⁵ См.: *Лотман Ю.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 165.
- ⁶ См.: *Славникова О.* Любовь в седьмом вагоне. URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=94750> (дата обращения: 20.12.2016).
- ⁷ См.: *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М., 2001. С. 71.
- ⁸ *Щекина Г.* Графоманка. М., 2008. С. 4–12.
- ⁹ *Дюрсо А.* Секс по SMS. М., 2007. С. 33–133.
- ¹⁰ Там же. С. 83, 157.
- ¹¹ Там же. С. 26, 31, 81, 117, 128.
- ¹² Там же. С. 26.
- ¹³ *Щекина Г.* Указ. соч. С. 165.
- ¹⁴ См. об этом подробнее: *Воробьева С.* «Женская логика» Галины Щекиной // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. тр. Ч. 11 / отв. ред. Е. Н. Ильина, Г. В. Судаков. Вологда, 2012. С. 86–94.
- ¹⁵ *Дюрсо А.* Указ. соч. С. 18, 25, 37, 105, 217.

Образец для цитирования:

Воробьева С. Ю. Речевая репрезентация гендерного сознания в современной «женской» прозе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 203–208. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-203-208.

Cite this article as:

Vorobyeva S. Yu. Speech Representation of the Gender Consciousness in the Modern 'Female' Prose. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 203–208 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-203-208.

УДК 821.161.1.09+929Сорокин

«АНТИЛИТЕРАТУРА» ВЛАДИМИРА СОРОКИНА: ЧИТАТЕЛЬ КАК ОБЪЕКТ ТРОЛЛИНГА

А. А. Суворов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: suvorov@list.ru

В статье предложен анализ художественных произведений Владимира Сорокина, созданных на рубеже XX и XXI вв. Ключевой акцент филологического рассмотрения – категория внутритекстового автора и интерактивный потенциал произведений противоречивого современного писателя. Отдельное внимание в статье уделяется проблемам сосуществования читательских поколений в эпоху 1990-х гг. и изменений в литературном процессе указанного периода.

Ключевые слова: Владимир Сорокин, троллинг, читатель, литература, автор, авторская стратегия, русский литературный процесс.

Vladimir Sorokin's 'Anti-Literature': the Reader as the Target for Trolling

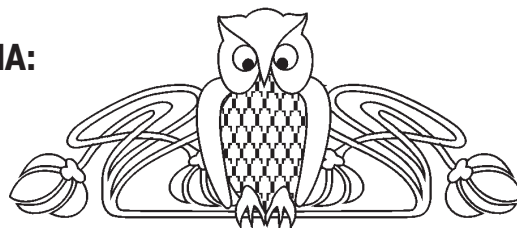
A. A. Suvorov

The article is dedicated to the analysis of Vladimir Sorokin's works of fiction created at the turn of the XX–XXI centuries. The key philological emphasis of the paper is the category of intratextual author and interactive potential of the works of literature created by this contradictory modern writer. The issues of the coexistence of different reader generations in the 1990s and the changes in the literary process of the specified period are given special attention to.

Key words: Vladimir Sorokin, trolling, reader, literature, author, author's strategy, Russian literary process.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215

Русский литературный процесс «рубежных» десятилетий, связывающих календарные XX и XXI вв., не может рассматриваться без упоминания имени Владимира Сорокина. Этот писатель (а также драматург, киносценарист и художник) не только находится на пике популярности в указанное время (в 1991 г. впервые публикуется роман «Сердца четырёх», в 1999 г. – роман «Голубое сало», в 2000 г. – сборник «Пир», в 2002 г. – трилогия «Лёд», также в эти годы выходит ряд пьес, сборники рассказов, повести); автор получает многочисленные литературные премии¹; его произведения не только активно переиздаются, интерпретируются на театральных сценах и экранизируются, но и находятся в «топ-списках» книжной торговли. Список ссылок на литературно-критические отзывы о текстах Сорокина занимает не один десяток страниц²; пристрастным разбором его произведений активно занимаются не только специалисты по русской словесности, но и общественные деятели, что характеризует его не только как востребованного литератора,

но и как успешного «возмутителя спокойствия». Действительно, легкодоступные профессиональные критические статьи и более короткие сетевые читательские высказывания могут диаметрально расходиться в оценках: от вполне серьёзного литературоведческого анализа до принципиального неприятия (на писателя неоднократно подавали в суд – в основном за непристойности в произведениях). Нас же будет интересовать поэтика наиболее востребованных произведений русского писателя, созданных и опубликованных на рубеже веков. А точнее – интерактивные ресурсы³ прозы Сорокина.

Проблема читателя актуализировалась именно на рубеже XX–XXI вв., когда литераторы были вынуждены взаимодействовать не только со «старшим» поколением (условно назовём этот аудиторный сегмент «советским»), но и привлекать к своим текстам внимание читателей, рождённых в 1980-х и начале 1990-х (этот аудиторный сегмент можно предварительно обозначить как «поколение перестройки»). Логика исторического и социального перелома, а точнее, исторической и социальной травмы, которую получило российское общество в 1990-х, неизбежно уводила литературный процесс в зону читательских рисков; среди множества исторических вопросов того времени возник и следующий: способна ли художественная проза удержать ключевые позиции в новой политической реальности, и появятся ли новое поколение писателей, способных «вести» за собой массового читателя? Проблема крушения литературоцентричного мира в годы, связывающие два века, стояла особенно остро. Своеобразный ответ на эти вопросы даёт Владимир Сорокин.

Прежде чем перейти к анализу наиболее востребованных текстов центрального «героя» нашего литературоведческого разбора, необходимо дать дефиницию недавно вошедшему в круг филологических исследований понятию – «троллинг». Публикация, подготовленная в Институте филологии и журналистики Саратовского государственного университета (под руководством профессора В. В. Прозорова), обобщает опыт разработок в различных областях науки и предлагает такое определение: «Троллинг – (от англ. trolling – ловля рыбы на блесну) – один из способов поведения в сети Интернет, направленный на разжигание конфликтов с другими пользователями и характеризующийся

абсолютным отсутствием любых моральных и этических норм»⁴. Действительно, как раз в период конца XX – начала XXI в. (вместе с бумом интернет-технологий) в российскую коммуникацию проникает особая форма сетевого поведения, которая не просто отрицает значение авторитетов, но и активно раздражает все информационные «рецепторы» адресата. Именно возбуждённая, даже агрессивная, реакция становится главной целью разномастных «троллей», заселивших пространство Рунета. От частных комментариев до полномасштабных информационных кампаний, рассчитанных на дестабилизацию положения как отдельных лиц, так и целых организаций, троллинг становится активно используемой технологией информационного воздействия. В терминологической системе литературоведения принцип последовательного «раздражения» аудитории можно отнести к одному из многочисленных вариантов *авторской стратегии*.

Именно *интерактивный потенциал текстов Сорокина* (т. е. особенности внутритекстового диалога «автор – читатель» и авторскую стратегию) мы и будем рассматривать, анализируя произведение названного писателя. Его имя стоит в формулировке нашей темы рядом с понятием троллинга как предупреждение о выдвигаемой гипотезе: *авторская стратегия Владимира Сорокина может быть охарактеризована как имеющая явные признаки троллинга*. Необходимо уточнить нашу литературоведческую задачу.

Исследование проблемы имплицитного читателя остаётся в статусе нашей приоритетной цели, а в случае с творчеством Владимира Сорокина мы задаёмся такими вопросами: каким автор видит своего *предполагаемого читателя*?; какие *реакции аудитории* создатель текста хотел своими текстами *спровоцировать*? и каким творец-художник представляет своего *идеального собеседника* (О. Мандельштам)?

Обращение к текстам Сорокина требует, на наш взгляд, как минимум специального настроя, а то и определённой подготовки (читательского опыта). Связано это с обилием радикально ярких образов и мотивов, находящихся за гранью общепринятых норм морали и права. Подобные художественные «упражнения», вероятно, требуют издательских указаний на возрастные ограничения для публики.

Одна из наиболее популярных книг Сорокина из вышедших на рубеже веков – сборник «Пир» – открывается главой-новеллой «Настя» (авторское жанровое обозначение всей книги – роман, однако главы произведения объединяются не по классическому сюжетному принципу, а по тематической общности); стилистическая ориентация названного текста, по крайней мере, первой его части, сразу же «включает» в читательской памяти те области, которые хранят образцы классической русской литературы. Описания природы, самой героини и её благополучной семьи, диалоги про-

свещённых представителей высшего общества – все детали указывают на быт дворянской усадьбы конца XIX – начала XX в.⁵ В рамках нашего исследования имеет смысл обратить внимание не только на литературный стиль Сорокина, но и на читательскую направленность вступительной части новеллы «Настя». Согласно терминологии В. В. Прозорова, выделенная нами *условно* первая часть произведения будет представлять собой своеобразный авторский приём, предполагающий обнаружение общих с аудиторией культурных ориентиров – здесь вводится в «активный режим» модальность читательского *внимания*⁶. Где же проходит граница между обозначенной выше первой частью новеллы и другими её частями? Отметим сразу, что речь идёт не о графическом делении разделов текста и не о традиционных композиционных элементах. Стилистических «перепадов» в составе новеллы мы тоже не обнаружим. Резким поворотом, даже обрывом, становится следующий сюжетный поворот: любимую дочь – главную героиню – в день её рождения собственные родители отправляют в печь, и она становится... главным блюдом праздничного стола.

С позиции читательских ожиданий, которые, как мы говорили, с первых абзацев были «настроены» на вполне традиционный текст, нет и не может быть более радикального способа развития сюжета. Именно поэтому само по себе поедание человека не должно рассматриваться сейчас как составляющая сюжета – это авторский манифест, и нам важно, каким образом он подобное творит. Вероятно, описание каннибализма в рассказе о дикарях или в контексте экстремальной ситуации не было бы столь неожиданным и даже травматичным, как тот удар по читательскому сознанию, который неожиданно наносит Сорокин. Его персонажи (напомним, что при первом знакомстве они не выглядели как социопаты или попросту психически больные люди) несколько не удивлены таким «блюдом» на праздничном обеде и не считают происходящее незаконным или аморальным (глава-новелла «Настя»):

«– Я зажарил свою дочь, Дмитрий Андреевич, из любви к ней. Можете считать меня в этом смысле гедонистом.

– Какой же это гедонизм? – желчно усмехнулся Мамут. – Это толстовщина чистой воды!

– Лев Николаевич пока не жарил своих дочерей, – деликатно возразил Лев Ильич.

– Да и вряд ли зажарит, – вырезал кусок из Настинной ноги Саблин. – Толстой – либеральный русский барин. Следовательно – эгоист. А Ницше – новый Иоанн Креститель.

– Демагогия, – хлебнул вина Мамут. – Ницше вам всем залепил глаза. Всей радикально мыслящей интеллигенции. Она не способна видеть сущее⁷. И беспощадное убийство собственного ребёнка, и дальнейшее пиршество (приоткрывающее смысл заглавия всего романа) в художественной реальности Сорокина не воспринимаются

выходящими из бытового ряда событиями. Его герои собрались на празднование, но это не более чем важный выход в свет. Как мы видим из цитаты, беседа за столом представляет собой дружеский философский диспут. Он интересен самим участникам, но не столь важен, чтобы стать причиной разлада. *Лёгкость, сопровождающая всё повествование, как раз и входит в противоречие с невероятным ужасом происходящего.* Подобный приём авторского противопоставления внешних стилистических форм и содержательных элементов можно отнести к арсеналу *постмодернизма*. Однако объяснить созданный Сорокиным мир только через ссылку на принадлежность автора к художественно-стилистической парадигме не представляется возможным (да и сама эта парадигма не имеет чётких границ и постоянных примет). Так зачем же Сорокину с такой беззаботностью «поедать» собственного персонажа?

Проследим развитие философской беседы для того, чтобы ответить на этот вопрос (новелла «Настя» – продолжение полилога):

«– О сверхчеловеке заговорил первым только Ницше, – возразил Саблин.

– Чувь! Шиллер употреблял это слово! О сверхчеловеке говорили многие – Гете, Байрон, Шатобриан, Шлегель! Да что Шлегель, черт возьми, – в статье Раскольниковы весь ваш Ницше! С потрохами! А Ставрогин, Версиков? Это не сверхчеловеки? “... свету провалиться, а мне всегда чай пить!” (44). Итак, на «повестке» у героев Сорокина – Толстой, Ницше, Иоанн Креститель, Шиллер, Шатобриан, Шлегель, Ставрогин, Версиков... Если суммировать эти реальные и вымышленные имена, то получится своеобразный *кросс-культурный дайджест*. Через рассуждения персонажей автор составляет, пусть и перечислительно, словарь ключевых имён и понятий русской культуры: здесь и основы западноевропейской философской мысли, и христианская мораль, и золотой век национальной литературы. Такое, на первый взгляд, легкомысленное перечисление позволяет автору установить прочную ассоциативную связь с *литературоцентричным читательским сознанием*.

И последовательно его разрушить.

Под пером Сорокина вместе со всем необозримым богатством смыслов и комплексом культурных связей низвергаются авторитеты – представители религиозно-философских, литературных и политических школ. Действительно, всерьёз рассуждать об основах морали в произведениях Льва Толстого и ссылаться на Ницше с Достоевским, поедая при этом собственную дочь, невозможно. Но именно это и происходит. Автор установил контакт с читателем, сфокусировал его внимание на знакомом по высоким литературным образцам комплексе образов и, без предупреждений, резко обрушил на него мир жестокого абсурда. Таким образом, культурные авторитеты сыграли новую роль: вместо прочного коммуникационного моста «автор – читатель» (уровень

внимания) эти культурные аллюзии «уводят почву из под ног» читателя, противоречивым образом активизируя модальность *соучастия*.

Именно резкое противоречие как здравому смыслу (который явлен автором в первой части произведения), так и традиционным формам литературного мышления становится ключевым авторским приёмом, вводящим читателя в пространство неочевидных смыслов. Спокойное движение сюжета, резко шокировав адресата дикостью и противоречивостью поведения персонажей, заставляет мыслить в режиме *соучастия*, пусть и вынужденного – даже крайне неприятного. Здесь необходимо указать на **важнейшую характеристику авторской стратегии Сорокина: писатель с принципиальной готовностью идёт на конфликт с культурной традицией ради впечатляющего литературного эффекта (шок от текста), т. е. преднамеренно осуществляет коммуникацию с аудиторией не в зоне традиционного комфорта (читательского опыта), а в пространстве рисков.** Какова же цель такой рискованной коммуникации?

Здесь необходимо вернуться к понятию «пространство неочевидных смыслов». Под этим сочетанием мы имеем в виду ту самую зону аудиторных рисков, в которую без каких-либо уведомлений автор отправляет своего адресата. В качестве уведомления, например, могло бы «сработать» точное жанровое определение книги (роман ужасов, триллер, фантастическая антиутопия). Лишь знание стиля Сорокина способно приготовить читателя к такому развитию сюжета, которое мы наблюдаем в новелле «Настя». Все остальные читательские группы (т. е. все те, кто не знаком с творчеством Сорокина) окажутся именно в пространстве неочевидных смыслов. Что, судя по всему, и является главной целью автора – *заставить читателя отвергнуть все нормы литературной морали и отказаться даже от «автоматических» когнитивных форм восприятия художественного текста, чтобы начать свободный от всех этих «условностей» поиск.*

Если продолжать логику нашего анализа различных форм читательского взаимодействия с текстом (интерактивных уровней текста или модальностей), то последний процитированный момент уже нельзя отнести исключительно к уровню *внимания*. Уточним: модальности *внимания и соучастия* – как мы видим – у Сорокина представляют собой симбиотическую форму; не успев включиться в повествовательные условия, адресат получает шоковый удар (мотив каннибализма), и дальнейшее общение с текстом уже протекает в форме нарастающего вопрошающего недоумения. Действительно, повторно шокировать читателя, наблюдающего поедание дочери, сценой супружеской измены уже невозможно. Этот экстремальный художественный приём также соотносим со *стратегией троллинга*; он погружает воспринимающую текст сторону в

пространство соучастия – такого интерактивного состояния, которое позволяет читателю вступать в многочисленные диалоги с автором, преследуя одну цель: попытка понять его (создателя текста) перспективную задачу. Формулируя последний тезис в виде вопроса, спросим от имени читателя: хорошо, эксцентричный автор, зачем же ты привёл меня на празднование дня рождения «Настя»?

Если представить себя в роли той немногочисленной аудиторной группы, которая не захлопнула с яростью книгу Сорокина, чтобы срочно подготовить иск в суд, а всё же прорвалась через все преграды и готова продолжать диалог. К чему нас ведёт автор? Прежде чем предложить версию ответа на этот вопрос, необходимо дать оценку относительной численности «лояльной аудиторной группы Сорокина» и уточнить параметры этой читательской общности.

Данный литературоведческий разбор готовится по прошествии более чем 15-летнего периода после первой публикации «Пира», что даёт нам возможность с очевидной долей погрешности определить, какие же «собеседники» могли вступить в диалог с романом Сорокина. Если автор и планировал «общение» с тем поколением читателей, которые сформировались как личности в советский период, то в этом сегменте он не мог рассчитывать на широкую поддержку (что подтвердили многочисленные высказывания и выпады против Сорокина постфактум); «советская» генерация читателей, для которой комплекс гуманистических ценностей и текстов русской классики является мировоззренческой основой, не могла найти оправданий подобной авторской стратегии. Однако именно яркая протестная активность представителей этого поколения и стала информационным поводом, привлёкшим внимание к творению нашего главного героя. Мог ли он предвидеть и даже спланировать подобный «расклад»? Конечно, мог. Тем не менее, произведение не создаётся для тех, кто после первых страниц захлопнет книгу. Выделяемое нами с той же мерой условности «перестроечное» поколение читателей вполне может быть целевой группой для Сорокина. Отметим, что принципиальным отличием двух условных групп будет не возраст и читательский опыт (хотя это очень важные факторы), а именно отношение к крушению системы литературоцентричного мира: «советские» воспринимали его преимущественно отрицательно («разруха и падение!»), «перестроечные» видели перспективу и положительные стороны («свобода слова и демократия!»). Очевидно, какая читательская группа сможет воспринять полный экстремальных образов и мотивов текст и даже «дотерпеть» до совместного с автором поиска смыслов всей литературной затеи Сорокина. **Борьба созидательного и разрушительного начал может считаться не только характеристикой авторской стратегии писателя, но и лейтмотивом текста «Пира».**

Конечно же, картины безумия – это не предел «авторского задания» (воспользуемся термином А. П. Скафтымова в отношении к прозе драматурга и прозаика Сорокина). Автор провёл читателя через модальности *внимания и соучастия* – на пути к *открытию*, которое невозможно спровоцировать в результате «лобовой атаки», тем более – в тексте с многочисленными смысловыми пластами. Потому художественная реальность Сорокина и представляет исследовательский интерес (убеждаемся в этом, вопреки всем сомнениям), поскольку она включает целый комплекс неявных мотиваторов диалога, провоцирующих интерактивное взаимодействие автора с читателем, мотивов и образов, стиливых решений, в том числе и уникальной фразеологической комбинаторики, формирующей индивидуальный почерк писателя.

Очевидные попытки сознательного раздражения всех морально-эстетических «рецепторов» адресата без видимых на то оснований – сознательного троллинга – мы можем с уверенностью считать чертой авторской стратегии Сорокина. Позитивных объяснений «авторского вандализма» не получит даже самый стойкий читатель, чему подтверждением служит и финал новеллы «Настя», туманно объясняющий смысл убийств собственных дочерей с последующим их поеданием: «якобы» образ Настя обретает жизнь после совершения странного обряда – предстательного читателю как заключительная часть эпатажного литературного шоу (пожалуй, оставим здесь именно это слово).

Необходимо определить, каким образом в художественном мире Сорокина осуществляется – если осуществляется вообще – модальность *открытия*. Говоря о читательской направленности произведения, мы отметили специфический композиционный синтез модальностей *внимания и соучастия*. «Виной» чему – стилистика текста, представляющего собой последовательный сеанс шоковой терапии. Авторское задание, как видно из финала, не имеет положительного окончания, история найдёт продолжение и в следующих частях «Пира» (а также и в других произведениях Сорокина). Таким образом, читателю не остаётся иного пути, кроме поиска символического толкования предложенного сюжета. Роман, как фантастический монстр, пожирает сам себя. Напрашивается астрономическая метафора: именно такими свойствами отличается «чёрная дыра» – мало изученное астрофизиками явление, обладающее столь сильной гравитацией, что поглощает всю окружающую материю и даже свет, который материя самой чёрной дыры должна либо излучать, либо отражать. Так и литературная ткань текстов Сорокина – поедает саму себя и не «отражает» даже самых слабых семантических бликов надежды на внятный финал. Так обстоят дела при «невооружённом» рассмотрении.

Настроим нашу систему литературоведческого восприятия на более масштабный охват: от

образов и мотивов – к сюжету в целом. В таком случае автор может показаться литературным анархистом, желающим сбросить с корабля современности вообще всех, но не предлагающим адекватных кандидатур взамен. Это поверхностное толкование хотелось бы углубить следующей гипотезой: эпатажно-демонстративное уничтожение ценностных систем, а точнее, их отрицание нужно автору для иллюстрации событий и явлений окружающего мира – социальной реальности конца XX – XXI в. Именно такими, как герои новеллы «Настя», видит автор героев своего времени – пожирающими культурные ценности прошлого ради призрачного обряда с малопонятным виртуальным «возрождением». *Художественную реальность «Пира» можно рассмотреть, при таком взгляде, как авторский сатирический гротеск и беззастенчивую социальную пародию.* Так автор создаёт литературную модель общества, не имеющего положительного исторического потенциала. Примером тому служит и новелла «Сонгетные» (сатирическое изображение представителей молодого поколения, создавших себе не только язык, но и целый виртуальный мир), со всеми её языковыми играми и сниженными лексическими намёками, в финале оборачивается простой историей о нескольких часах из жизни московских подростков. Ключевой мотив – влияние поп-культуры на современную молодёжь. Действие новеллы переносит читателя в неотдалённое будущее, где очевидно кросс-культурное воздействие Китая (проявляющееся в сленге героев, а также отсылающее читателя в современное медийное пространство). Магистральная тематическая линия новеллы «Сонгетные» ведёт не к языковой среде, а к самой тенденции – внешних (медийных) влияний, переходящих в массовые зависимости. Блуждание подростков по местам «тусовок» происходит на фоне разложения классической литературной культуры – цитируем (подростки погружаются в игровую виртуальную среду, курсив автора): *«Сонгетные подхватывают Наташу Ростову, поднимают её в воздух и несут над спящей Россией. Наташа визжит. Сонгетные поднимаются всё выше и выше, пока Наташа не начинает задыхаться от нехватки кислорода...»* (88). Молодёжная «тусовка» продолжает сюжет, начало которому было положено в новелле «Настя» – эти герои совершают целую серию актов уничтожения символически значимых образов золотого века русской литературы. Виртуальная реальность игры, таким образом, усложняет структуру текста: читатель из художественного мира фантастических московских субкультур погружается в *метареальность* компьютерной игры, существующей как форма развлечения тех самых подростковых «тусовок».

Автор «Пира» отказывается признать какое-либо значение не только в библейских заповедях и текстах русской классики, но и в жертвах репрессий 1920-х гг. Эта тема может считаться

крайне актуальной для русского литературного процесса конца XX – XXI в., к ней обращаются и признанные мастера (Солженицын, Аксёнов), и представители других поколений литераторов (Толстая, Прилепин). *Раздражая аудиторию своими чудовищными образами, Сорокин смещает фокус общественного интереса: от переосмысления традиционных социально-исторических и морально-эстетических ценностей к полному отрицанию значимости последних. Такой тотально уничтожающий культурный взрыв позволяет писателю, «расчистив» смысловое пространство, обратить внимание читателя на реальное положение дел в окружающем мире, где все вышеозначенные ценностные системы перестали выполнять своё предназначение, они более не ведут к просвещению и моральному очищению. Катарсис сорокинского текста заключается в нагнетании максимального раздражения (вот где уместен термин «троллинг»), которое не снимается в финале. Эта негативная энергия, видимо, и должна сподвигнуть читателя к «очищенному» от культурного гнёта восприятию действительности.*

Свойством авторской стратегии Сорокина можно считать неизменное соседство сакрального и сатирического. Одна из форм реализации такого литературного оксюморона представлена в главе «Пира», названной «День русского едока». Текст представляет собой пародийно-фарсовую пьесу, обращающую читателя к реалиям постсоветской России: «Оболенский: Мы рады приветствовать вас в этот прекрасный осенний вечер в этом замечательном концертном зале, отреставрированном в столь сжатые сроки благодаря спонсорам нашего концерта – банку «Русская нива», акционерному обществу «Аркадия» и московскому заводу Тяжелого Литья!» (146). Стилистика высказывания конференсье (приглашающих на сцену, в том числе и реально существующий ансамбль имени Моисеева), их указания на спонсоров и сроки ремонта зала – все эти приметы пробуждают у читателя ассоциации с окружающим его объективным миром. «Она на меня смотрит, как на Чубайса», «Как коммунисты на несанкционированном митинге», «Какие там Мак-доналдсы, какой там рейв!» – многочисленные пословично-поговорочные комплексы в «Дне русского едока», столь популярные в конце 1990-х и начале 2000-х, помогают автору создать атмосферу погружения в медийно обусловленную реальность России; целью создания такой атмосферы является «фирменный» сюжетный контраст: к финалу пьесы Сорокин снова казнит многих своих героев, в этот раз прямо на созданном силой его воображения концерте. *Указанное свойство авторской стратегии Сорокина (соседство сакрального и сатирического) может реализоваться, как мы видим, через контраст внимательно воссозданного исторического контекста и стилистической буффонады в его детализировке.*

Раздел ритмизованной прозы (с элементами стихотворения) под названием «Жрать!» может считаться одним из ярких и вполне ожидаемых аккордов финальной части «Пира». Состоит отрывок из длинного списка различных явлений живой природы и социальных реалий, которые автор предлагает «Жрать.». Здесь воссоздаётся целый миропорядок: от «похмельных страхов» до «непостижимости грядущего». В уже привычной опытному читателю парадоксальной манере автор предлагает принципиально неограниченный свод явлений человеческой жизни, которая подлежит съедению. То есть переработке, прожёвыванию, исчезновению в людском организме. Отрывок содержит и прямое авторское указание на одну из своих «целевых» аллюзий – это посвящение отрывка «Жрать!» Льву Рубинштейну; этот текст уже не должен оставить у читателя сомнений: абсолютно всё и вся, т. е. вся ткань мироздания, предназначены современным человеком для съедения.

Продолжим начатое выше *размышление об авторской стратегии Сорокина* и сформулируем такое наблюдение: **ключевая идеологическая позиция автора в максимальной степени обобщения сводится к неприятию главенствующего в современном обществе цивилизационного принципа потребления.** Собственное неприятие «консюмеризма» автор провоцирует и у читателя, постоянно заставляя последнего наблюдать картины извращённого физиологизма и терпеть садистское обращение с персонажами.

На основании проанализированного материала мы можем составить представление о *комплексе интерактивных потенциалов художественного текста Владимира Сорокина*. Уже было сказано об уровнях читательского *внимания и соучастия*, которые представляют собой симбиоз шоковой терапии и принуждения к свидетельству разного рода этических и эстетических преступлений, на которые автор идёт совершенно сознательно – в этом смысле его можно назвать рецидивистом. Уничтожению у Сорокина подвергнуты все основания русской языковой культуры: христианская мораль, семейные и правовые ценности, идеалы классических текстов и даже сам литературный язык. Интерактивная модальность *открытия* в таком тексте может быть обнаружена вне его графических и мотивно-тематических пределов, т. е. автор не формулирует самой сокровенной мысли, не доверяет он её и своим героям. Даже читатель, согласившийся с предложенными художественными условиями (что в случае с сорокинским миром всепоглощения не так и легко), получит больше вопросов, чем ответов. Отмеченная особенность роднит прозу Сорокина с направлением *постмодернизма*. Авторская стратегия писателя, будучи крайне рискованной, предполагает необходимое «преодоление» адресатом всех негативных сюжетных элементов, а точнее – всего сюжета, который по преимуществу состоит из негативных смысловых компонентов. Однако та читательская группа,

для которой такое преодоление станет возможным, получит возможность оценить произведение и его социально-культурный контекст в масштабе (что ярко проявляется на материале романа «Пир» с ослабленной композиционной связью).

Модальность *открытия* предполагает целую серию сопоставлений – с произведениями русской, западноевропейской и восточной литературы, с текстами современников Сорокина и, что самое главное, с объективной социальной действительностью. *Масштабированная оценка позволяет читателю связать ряд символических мотивно-тематических комплексов и сатирически гипертрофированных образов в одну картину – таким образом прийти к открытию – к неутешительной авторской оценке наблюдаемого им культурного противостояния.* В прозе Сорокина это противостояние реализуется через конфликт поколений (молодёжь и её профанационная субкультура), через противостояние социальных групп (псевдоинтеллигенция с её бесконечным поиском непродуктивных истин), через исторические парадоксы (общество, прошедшее через массовые потрясения и при этом не желающее делать выводы и меняться), через ситуации политического самообмана (массовые восторги от очевидно фарсовых пропагандистских постановок).

Рассматриваемый нами автор создаёт **«антилитературу»** (мы обращаемся к предложенной в заглавии формулировке), т. е. серию произведений, в своеобразной форме отрицающих как традиции русской словесности, так и все морально-нравственные и культурно-эстетические устои – так, казалось бы, отрицается и само художественное слово. При рассмотрении литературного процесса конца XX – начала XXI в. такая авторская стратегия не воспринимается в качестве контркультурного феномена. Всё же художественному слову Сорокин даёт ещё один шанс. *Автор создаёт свою картину тотального всепоглощения с помощью именно тех средств художественной выразительности, которые состоялись как великая русская словесность (искусством стилиста Сорокин владеет в совершенстве); а своей тревогой, спровоцированной крахом воспитавшей его традиции, он хочет поделиться именно с той аудиторией, которая ужаснётся при виде картины аморального хаоса...*

Читатель Сорокина, а точнее, его заветный и желанный собеседник (О. Мандельштам) – это человек, для которого нестерпимым и совершенно неприемлемым окажется растворение русскоязычной литературной культуры в разлагающе-токсичных влияниях нового времени. За *раздражающим началом сорокинской прозы* («троллинг») скрываются сразу две текстовые модальности – интерактивные категории *внимания и соучастия*. Литературный троллинг вместе с присущими этому явлению внутритекстовыми коммуникативными потенциалами (возбудителями эстетических «рецепторов» адресата) предполагает и ряд рисков

(потеря значительных аудиторных групп); однако для читателя, прорвавшегося через морально-этические преграды и не утратившего *страсти к совместному с автором поиску*, не приготовлена окончательная позитивная система ответов на все вопросы. Модальность *открытия* предполагает осознание всей бессмысленности той жуткой разрушительной игры, в которую, не задумываясь о последствиях, играет современное поколение.

Примечания

¹ В 2001 г. – премия «Народный Букер»; в 2001 г. – премия Андрея Белого «За особые заслуги перед российской литературой»; в 2005 г. – премия «Либерти»; в 2010 г. – лауреат Международной премии М. Горького и литературной премии «Новая словесность» («НОС»); в 2011 и 2014 гг. – вторая премия «Большой книги».

² Портал «Журнальный зал» предлагает возможность оценить противоречивые отзывы профессионального сообщества о Сорокине (<http://magazines.russ.ru/>) – достаточно ввести имя и фамилию писателя в строку поиска.

³ См.: *Прозоров В.* До востребования... : Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 9–29.

⁴ *Земцов А. [и др.]*. Какие смыслы мы вкладываем в понятие «троллинг»? // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов, 2015. Вып. 18, ч. I–III. С. 250.

⁵ На время действия автор намекает чуть позже – это август 1899 г.

⁶ См.: *Прозоров В.* Указ. соч. С. 19.

⁷ *Сорокин В.* Пир. М., 2009. С. 43. Далее цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Суворов А. А. «Антилитература» Владимира Сорокина : читатель как объект троллинга // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 209–215. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215.

Cite this article as:

Suvorov A. A. Vladimir Sorokin's 'Anti-Literature': the Reader as the Target for Trolling. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 209–215 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215.

УДК 821.161.109-32+929

КОЛИЗИИ «СВЕТА И ТЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРИ ПОВЕСТИ 2015 ГОДА

А. И. Ванюков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ai_vanyukov@mail.ru

На материале трёх русских повестей 2015 г. в статье рассматриваются коллизии «света и тени» в современной российской действительности.

Ключевые слова: современность, Россия, литература, повесть, конфликты, коллизии, типология.

Collisions of 'Light and Shadow' in the Modern Russian Literature: Three Short Novels of 2015

A. I. Vanyukov

The article considers collisions of 'light and shadow' in the modern Russian reality on the material of three Russian short novels of 2015.

Key words: modernity, Russia, literature, short novel, conflicts, collisions, typology.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-216-219

История человечества основана на конфликтах.

Ф. Фукуяма

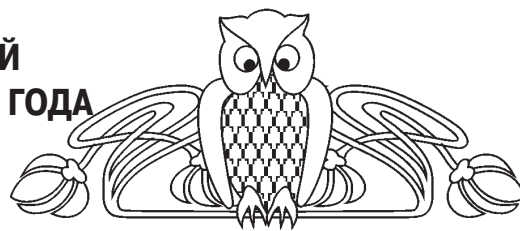
Конфликт в России – больше чем конфликт.

Е. Евтушенко, В. Ильин

Извлеченные из мощного массива современных (конца XX – начала XXI в.) теоретических представлений, политических суждений, философских концепций, художественных сентенций и парадоксов две эпиграфические формулы/максимы, взятые в их содержательном наполнении и единстве, дают, по моему убеждению, достаточно прочные и плодотворные основания для раскрытия заявленной темы.

Знаменитая статья Френсиса Фукуямы «Конец истории?», впервые опубликованная на русском языке в начале 1990 г. (журнал «Страна и мир». № 1 (55)), ставила вопрос, ответ на который был для автора очевиден: «Триумф Запада, западной Идеи»¹, «мощь либеральной идеи» (94), «конец истории – в более общем смысле – на исходе идеологической эволюции человечества, когда западная либеральная демократия утверждает себя как окончательная форма общественного устройства» (89–90).

Анализируя в широком историко-философском контексте «ведущие тенденции в сфере идеологии и сознания» (95), Фр. Фукуяма писал о «фундаментальных противоречиях общественной жизни» (93), преодолении «современным либерализмом» таких вызовов и «альтернатив», как «фашизм и коммунизм» (93) «религия и национализм» (97), и приходил к выводу о том, что «уход марксизма-ле-

низма», «гибель этой идеологии... не знаменует конец мировых конфликтов как таковых. Водораздел тут будет проходить между исторической и пост-исторической частями мира» (100). Американский эксперт по «концу истории» заканчивал свое эссе на элегической, ностальгической ноте: «Я сам чувствую и вижу у окружающих нестерпимую тоску по эпохе, когда история еще существовала. Эта тоска, вероятно, будет раздувать конфликты даже в пост-исторический период... Может быть, именно сама перспектива – перспектива вековой скуки – и побудит историю начаться вновь» (101).

Показательно для нашей темы «утверждение» Фр. Фукуямы о том, «что окружающие Горбачёва либералы тоже пришли к идее конца истории» (100). Четверть века истории России (1990–2015) как раз и показывает, как она вошла в «конец истории», «пост-исторический период» и возвращается (концепция возвращения) в историю, национальную историю.

Вместе с тем современные отечественные специалисты в области конфликтологии отмечают, что в «неангажированной экспертной среде <...> доминирует мнение об универсальной и безусловной конфликтности российского социума, его несимфоничности, антагонистичности, раскольности»². Авторы статьи А. В. Алейников и А. И. Стребков приводят афористическую формулу философа В. В. Ильина: «Конфликты в России – больше чем конфликты» (31), матрицей которой явилась популярная евтушенковская поэтическая метафора: «Поэт в России – больше чем поэт».

Рассматривая «особенности конфликтных ситуаций и реальных поведенческих практик конфликто разрешения в современной России» (27), А. В. Алейников и А. И. Стребков разворачивают обширную типологию «конфликтов современной России» (32), начиная с конфликтных «отношений к Западу», «системного конфликта с современным европейским нормативным порядком» (32), «конфликта по азимуту авторитаризм – демократия» (33), включая «конфликт между установками на социальную справедливость <...> и развитием социальной элитарности» (33) и завершая «конфликтом между установками на формирование общественной морали и принципиально аморальными практиками патроната и коррупции в государстве и государственном бизнесе» (34).

«Анализ российского общества через концептуальную призму конфликтологии» (36) приводит

авторов статьи к достаточно пессимистическому заключению: «Поводы для конфликтов могут быть любой природы... Вражда приобретает собственную динамику. В сегодняшней России зачастую нет даже намёков на договоры и взаимограничения, а мы наблюдаем ситуацию схлопывания поля возможности для диалога, выясняющего принципиальные различия между участниками конфликта» (37).

Традиционно не последнюю роль в художественном выражении современной социальной реальности, исторического опыта играет отечественная литература, концентрирующая в своем Слове (начиная со «Слова о Законе и Благодати», «Слова о полку Игореве» и др.) реальные и метафизические, духовные Вести, национальную Мысль в её нравственно-философском и эстетическом поиске. Важное место в этом процессе занимает русская повесть как один из самых мобильных, оперативных и ёмких, выразительных эпических жанров отечественной словесности («Повесть временных лет» – «повесть перестройки»). Повести 2015 г., который по существу своему был «всемирно известным годом», образуют глубокий передний край истории жанра и дают богатейший материал для изучения «запечатлённой» действительности с её проблемами, противоречиями, действующими лицами и авторскими думами, уроками. Приведу заглавия некоторых повестей 2015 г., «первые слова» которых зримо показывают богатую содержательность и конфликтную систематику жанра: «Пилигрим, или Восхождение на Масличную гору» Н. Громовой, «Деревня Русь» А. Кирова, «Дом над обрывом» Г. Давыдова, «На суше и на море. Повесть света и тени», «Вода и лёд. Экспедиционная повесть» Вл. Березина, «Воскрешение мумий» П. Беседина, «Золотая дорожка поперёк Летейских вод» М. Попова, «Не убит подо Ржевом» С. Микаэляна, «В раю нас ещё подождут. Двойная повесть о днях нашей жизни, проходящих на фоне всемирно известных событий» Е. Гаммера, «Майдан» В. Барабашова и др.

Особый, актуальный смысл на фоне 2015 г. приобретает повесть-быль Сергея Микаэляна «Не убит подо Ржевом», заглавие которой выступает/звучит контрастом классическому трагедийному стихотворению А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», посвящённому теме Великой Отечественной войны. Сергей Герасимович Микаэлян – известный советский и российский режиссер театра и кино, автор таких популярных фильмов, как «Премия», «Влюблен по собственному желанию», «Звездочка моя ненаглядная» и др. Повесть-быль С. Микаэляна – об «истоках дней», о боевой молодости, становлении личности в тяжёлых испытаниях Великой Отечественной войны. В предисловии к журнальной публикации повести Михаил Кураев писал: «Сочинений о войне бездна, в том числе и сочинённых задним числом мемуаров, а повествование “Не убит подо Ржевом”, по моему убеждению, стоит в коротком ряду подлинных исторических свидетельств, где читатель найдёт ответ на самые главные вопросы: кто воевал? Как воевал? Почему – победили?»³

Перед нами честное, правдивое, искреннее, умное повествование, в котором автор рассказывает о себе как об одном из солдат, «только по счастливой случайности не убитом подо Ржевом – с судьбой... полной трагического и смешного, чудес и необъяснимых загадок» (90). Жизненный, профессиональный опыт автора позволяет ему не только развернуть перед читателем хронику военных событий (Часть первая. «Хочу на фронт»; Часть вторая. «Между двумя фронтами»; Часть третья. «Подо Ржевом»; Часть четвёртая. «Не отрезайте!»), нарисовать запоминающиеся картины военного быта, фронтовых будней, но и показать НЕЧТО (95), высшее, бытийное, духовное, просвечивающее быт, увидеть подтекст эпизодов и времени: «Подтекст – это то, что говорится между слов, помимо слов. Под текстом. Подтекст бывает гораздо важнее, многозначительнее самого текста, объёмнее» (113).

Таким подтекстом в повести-были С. Микаэляна становятся экзистенциальные коллизии судьбы: «Мой отец – эзк!» (95–96), «плохой армянин» (101–102), «точно – непутёвый» (105–106), «мы стали предателями» (113), «погибли <...> напрасно?» (121–122). Автобиографический герой С. Микаэляна преодолевает все конфликты, повороты судьбы и выходит победителем: «Война осталась позади. И как потом оказалось, это были хотя и самые трагические, но и самые лучшие мои годы... когда я жил великой Мечтой со всем народом и со всей страной. И когда верил, что больше никогда нигде на Земле никакой войны не будет...» (137).

Основной жанровый поток 2015 г. образуют повести, обращённые к современности в широком/объёмном смысле этого понятия. Так, журнал «Молодая гвардия» в марте 2015 г. опубликовал повесть Валерия Барабашова «Майдан», заглавие которой сразу же вызывает у читателя актуальные политические, идеологические, морально-нравственные коннотации. Автор предпосылает повествованию эпиграф из «Словаря живого великорусского языка» Владимира Даля: «Майдан – площадь, место, поприще. Майданить – мошенничать, промышлять игрою в кости, орлянку, напёрстки»⁴ и уже первым предложением обозначает необычную «майданную» ситуацию в России: «С некоторых пор, а точнее, с ноября 2013-го, совещания у шефа издательско-полиграфического холдинга “Независимый полёт” Ямпольского стали называться майданом. Конечно, по примеру того, киевского» (18).

В. Барабашов пишет остро публицистическую, идеологическую и вместе с тем социально-психологическую повесть, в которой события в российском городе Придонске, в жизни главного «героя» Семёна Михайловича Ямпольского происходят с ноября 2013 по сентябрь 2014-го на фоне и в параллель известным событиям на Украине, и художественно убедительно раскрывают мошенническую, предательскую сущность «майданности». В повести воссоздается процесс саморазоблачения человека – Рогача-Ямпольского, приехавшего в начале девяностых из Львова в Придонск, ставшего

крупным бизнесменом и показывающего теперь во всех сферах: семейной, интимной, деловой, криминальной, конспирологической – свою подлинную, предательскую, мошенническую, аморальную натуру. На первый план в повествовании выходят коллизии внутреннего и внешнего, сущностного и показного, государственного и личного. Автор оставляет финал открытым, противоречия ещё не «сняты», «майданность» не исчезла из нашей жизни: С. М. Ямпольский получает благодарственное письмо нового-старого губернатора «за поддержку в предвыборной кампании и с пожеланием успехов... в деле укрепления государственных и моральных устоев нашей любимой Родины» (106), а он «по-прежнему станет переводить деньги украинской национальной гвардии. И морально поддерживать тех, кто помнит и чтит Степана Бандеру» (106) и ждать тайной встречи со своим «бывшим начальником из Львова» (107).

Одной из значимых повестей 2015 г., несомненно, является повесть Владимира Березина «На суше и на море. Повесть света и тени», опубликованная в майском, пятом номере журнала «Знамя». Она оригинальна по содержанию и по форме и, главное, раскрывает широкий спектр современных коллизий как по горизонтали, так и по вертикали. Важным представляется жанровый подзаголовок: «Повесть света и тени». Повесть состоит из семи новелл/историй/вестей, каждая из которых имеет свой сюжет, своих героев, а все вместе, взятые в единстве, они образуют художественное целое, повествование, органично раскрывающее авторскую концепцию «света и тени» «на суше и на море».

Первую новеллу «День геолога» можно назвать новеллой личности. Её герой – Фраерман – был демобилизован по ранению в сорок четвёртом и поступил в геологический институт, и это был осознанный поступок, рождённый его философией жизни: «...ещё на фронте он понял, что нужно поступать не как все, успех приносит движение зигзагом, обходной маневр. Но это должна быть не трусость, а что-то другое – бросок в сторону, а потом бросок к цели»⁵. В институте «он уделял больше внимания физике» (29), и его «выбор» оказался «правильным», оправданным: в сорок шестом году Геологоуправление доверило ему «разведку на уран» (30) в казахской степи. Фраерман летает на старом самолёте, «радиометрами определяет радиоактивность» (31), получает информацию и «непрямо» («ходом коня»): старики говорят о горах, «которые никогда не светились», но «их волшебная сила в другом – там можно видеть будущее» (31). Герой-геолог «откидывает полог» времени (31), но оказывается, что «особая точка» находится «не под землёй, а над ней» (32). В новеллистическом финале Фраерману кажется, что «он схватил бога за бороду» (33). И тут откуда-то «выплыл самолёт»... «Самолёт медленно шёл на Фраермана, как гость из будущего. Вдруг он выбросил точку, почти сразу обросшую парашютом, и Фраерман, прежде чем подумал, зачем всё это, увидел свет ярче тысячи солнц» (33).

Во второй новелле «Сирены вольфрама» действие происходит на «краю мира» («Нижнего и Среднего мира» (37)), «краю света и ночной черноты» (34), на горно-обогательном комбинате, где всё чаще стали пропадать и гибнуть старатели, золотоискатели. Заговорили: «У нас тут сирены золотого извода. Они поют о золоте и манят его» (36). Герой новеллы – милицкий капитан, которому уже недолго осталось до пенсии, проводит своё расследование этой «мистической истории», раскрывает «суть» дела, но даёт «сирене-почтальону» шанс уехать «на материк»: «Ты добро сделала, женское-неженское твоё дело на пользу людям пошло, и я тебе отплачу. / И, видишь, светать скоро начнёт – считанные дни остались» (38).

Третья новелла «Репортаж» вполне соответствует своему заглавию, написана в репортажном ритме и тоне: «Она поехала к колдунье на электричке. Машина была в ремонте» (39); «– Езжай в Опалиху. Там завтра будут убивать ведьму, – устало сказала колдунья. – Деньги кинь в кувшин у двери» (39); «Она договорилась с оператором и на следующий день выехала из города» (39); «В Опалихе они сразу нашли нужный дом. У резного забора со штaketником стояла толпа. Люди молчали, но что-то в этом молчании было угрожающим... Ничего не происходило»; «Они с оператором прошли в дом», «старуха вдруг цепко схватила её за руку» (40); «они покинули дом», и «толпа обернулась к ним» – «– Ведьма! Ведьма! – кричали ей в ухо... Мир окрасился в яркие и радужные тона. И, наконец, она поплыла в совершеннейшей тишине» (40). В действительности всё было не так, «как в мечтах» (40), а как в рассказе оператора «о своём родственнике, адвокате, который защищал группу крестьян, убивших колдуна»: «Они творили добро. Они убивали колдуна, а не человека» (39).

Центральное место в повести занимает четвёртая новелла – «Свет внутри камеры», в которой основная коллизия «света и тени» разворачивается не только «внутри камеры» (фотокамеры), но внутри человека, внутри реальности. Герой новеллы Хатунцев «давно увлекался фотографией» (41), «имел постоянную клиентуру, заказы», «профессиональную славу» и «время от времени задумывался, что происходит с реальностью, когда она попадает в объектив» (43). «Однажды он встретил старого приятеля, физика из Оптического института» (43), поговорили «о философии изображения» (44), и «оптик предложил Хатунцеву эксперимент» (44). Хатунцев вошёл в отдельную комнату, «камеру-обскуру» (44), и оказался в другой реальности, в мире «тени», превратился в «двойника» реального Хатунцева, которого он теперь считал «двойником». Финал истории и просветляющий, и трагический: «Его двойник нажал кнопку на задней панели камеры. / Она открылась, и явившийся откуда-то свет залил Хатунцева, засвечивая его набело» (47).

Последние три новеллы повести фиксируют острые, «фантастические» коллизии «ззеркалья», граней «света и тени».

«Зерновоз “Валентина Серова”» (так называется пятая новелла) – «блуждающий зерновоз», «Летучий Голландец», «корабль с тайной» (47) – попал в поле зрения Международной санитарной службы, и специалист, «санитар», сотрудник МСС Ванюков (у героя такая фамилия) должен уничтожить зерновоз. Но вместо «истребителя» прилетел «новый специалист по балкерам», «монгол» («настоящий монгол, как говорили в детстве Ванюкова, “Монгол Шуудан”»), и увёл «ржавый зерновоз» (49). Потом оказалось, что «специалист по русским зерновым перевозкам обнаружился в состоянии безумия во Владивостоке» (49), в МСС «решили не рассказывать о произошедшем». И в финале «санитар Ванюков смотрел в стык серого неба и серого моря и представлял себе, как корабль, ведомый этим крысиным Чингисханом, уходит прочь... “Валентина Серова” уходила от французского берега прочь... Её будто и не было, и на этом можно было успокоиться» (50).

Шестая история повести «света и тени» «Дневник» представляет собой рассказ дядюшки, который «учил детей математике и астрономии» в школе небольшого городка, находящегося «на границе русских и язычников» (51), – о необычном, фантастическом случае с дневником одной девочки-отличницы. Дядюшка «нёс свет знаний в тёмное царство, не очень веря в этот свет» (50), хотел помочь девочке, у которой родители утонули, обратился к завучу, женщине «из язычников» (52), та пригласила девочку, взяла её дневник и «написала каллиграфическим почерком “Прошу явиться родителей в школу”». Затем она расписалась, и в этот момент дым начал своё движение... Тьма ступила по краям классной комнаты, а тут стоял дымный серый свет, и он был страшен» (53). «В понедельник девочка не пришла в школу»: «у неё бабка померла», «за ней из города приехали» (53). Завуч сказала молодому учителю: «У вас есть педагогическая жилка. Мне кажется, мы работаемся» (53).

Последняя небольшая новелла «Рекурсия» воссоздаёт роковую встречу психиатра Иосифа с «новым пациентом», в котором он узнаёт пациента психиатрической больницы. Дело было двадцать лет тому назад, и «мистер Грач» тогда «прижал его к стене: “Помните меня? А? Сорок девятый год, суд чести. Вы меня обвиняли, помните?”» (53). «Иосиф тогда пытался убедить больного в своей непричаст-

ности логическим способом <...> И теперь, спустя годы, Грач сидел напротив и доставал из-под полы большой серебристый пистолет» (54). И вот перед Иосифом возникают «видения» сорок девятого года, он пытается «сопротивляться липкому мороку: «– Мистер Грач, да забудьте всё. Двадцать первый век на дворе. – Именно, – ответил пациент. – Пора. / И щёлкнул чем-то металлическим в своём пистолете» (54).

Таким образом, подводя «предварительные итоги» краткого очерка современного состояния русской повести, которая по своей природе образует передний край отечественной литературы, можно сказать, что в зеркале русской повести 2015 г. отразилась богатая палитра противоречий, конфликтов, коллизий российской действительности. И сегодня «конфликт в России – больше чем конфликт» – это метаconflict, или Жизнь, которая проявляется в многомерной системе коллизий реального и мифического, «майданного», яви и Мечты, войны и мира, городского и деревенского, «русского» и «языческого», открытого и закрытого, «света и тени», «родного и вселенского», исторического и апокалиптического. Конечно, история человечества основана на конфликтах, но движется она осмыслением и разрешением, преодолением, «снятием» конфликтов.

Примечания

- ¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Страна и мир. 1990. № 1 (55). С. 89. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- ² Алейников А., Стребков А. Конфликты и социальная стабильность в современной России // Вопр. философии. 2015. № 12. С. 31. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- ³ Микаэлян С. Не убит подо Ржевом. Повесть-быль / вст. слово М. Кураев // Нева. 2015. № 2. С. 90. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Барабашов В. Майдан. Повесть // Молодая гвардия. 2015. № 3. С. 18. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁵ Березин В. На суше и на море. Повесть света и тени // Знамя. 2015. № 5. С. 29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. Коллизии «света и тени» в современной русской литературе: три повести 2015 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 216–219. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-216-219.

Cite this article as:

Vanyukov A. I. Collisions of ‘Light and Shadow’ in the Modern Russian Literature: Three Short Novels of 2015. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 216–219 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-216-219.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК [070:338.43](470+571)|1857/1861|+929Вернадский

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ» (1857–1861) И. В. ВЕРНАДСКОГО

И. А. Сурнина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: isurnina1983@mail.ru

В статье рассмотрены основные условия и тенденции развития периодических изданий рубежа 1850–1860-х гг., в частности деловых газет и журналов. Особое внимание уделено позиции журнала И. В. Вернадского «Экономический указатель» в отношении крестьянского вопроса.

Ключевые слова: экономические газеты и журналы, крестьяне, крепостное право, полемика, община, сельское хозяйство, манифест.

**The Peasant Question on the Pages of *Economicheskij Ukazatel'* (1857–1861)
of I. V. Vernadsky**

I. A. Surnina

The article describes the main conditions and trends in the development of periodicals of the turn of the 1850–1860s, in particular the newspapers and magazines of business. Special attention is paid to the position of I. V. Vernadsky's magazine *Economicheskij Ukazatel'* (Economic Guide) in relation to the peasant question.

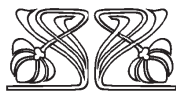
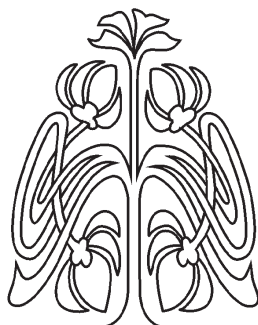
Key words: economic newspapers and magazines, peasants, serfdom, controversy, community, agriculture, manifesto.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-220-226

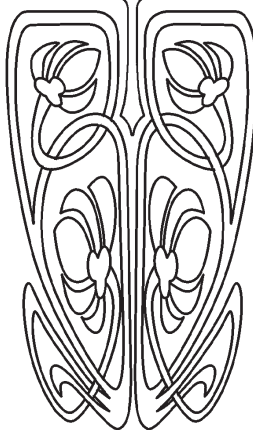
Журнал «Экономический указатель» И. В. Вернадский начал выпускать в канун «великих реформ» Александра II, в 1857 г., поэтому, естественно, темы в нем были весьма разнообразны и актуальны для того времени: крестьянский вопрос, строительство железных дорог, установление железнодорожной связи между центрами торговли, внедрение промышленности как в богатые, так и в слаборазвитые в промышленном отношении районы, изменение таможенных тарифов, развитие торговых отношений с другими странами.

Первый номер «Экономического указателя» вышел за четыре года до отмены крепостного права. К 50-м гг. XIX в. застойный характер экономики России обнаружился по всем решающим показателям. Самым пагубным образом крепостная система отразилась прежде всего на сельскохозяйственном производстве: увеличение вывоза за границу зерна, продовольствия и сырьевых продуктов обеспечивалось не механизацией аграрного сектора, а усилением эксплуатации крестьян, расширением отработочной ренты. Не менее отрицательно сказалось крепостное право и на развивающейся промышленности и торговле, поскольку в стране отсутствовал рынок труда. К тому же крепостные крестьяне имели очень низкую покупательную способность, что значительно сужало рамки рыночных отношений.

Крымская война показала, что крепостническое российское государство оказалось политическим, военным и экономическим банкротом. Она со всей очевидностью продемонстрировала российскому правительству, что экономическая отсталость ведет к политической и военной уязвимости. Поражение в Крымской войне подвело печальный

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

итог николаевскому правлению, всколыхнуло всю российскую общественность и заставило правительство вплотную заняться реформаторской деятельностью.

Рескрипт Александра II от 20 ноября 1857 г. на имя виленского губернатора В. И. Назимова имел в решении крестьянского вопроса принципиально важное значение. Он давал «главные основания» для разработки проектов реформы о ликвидации крепостного права в правительственных учреждениях и губернских комитетах. Опубликование рескрипта означало переход к гласному обсуждению вопроса об отмене крепостного права. Именно данный документ сыграл важнейшую роль в освобождении неполноправного населения от крепостной зависимости.

В 1857 г. Д. А. Милютин (военный историк, военный министр в 1861–1881 гг.) вспоминал о письме брата Николая (государственный деятель, один из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 г.) от 25 февраля: «В публике господствующий разговор – об устройстве помещичьих крестьян <...> По рукам ходят частные проекты, которые большею частью вращаются в одних общих идеях, но ищут разрешения, кажется, искренне и благонамеренно <...> Говорят, что есть большой комитет, для рассмотрения этого вопроса»¹.

С 1858 г. начали создаваться губернские комитеты по улучшению быта помещичьих крестьян, основной задачей которых являлась разработка условий отмены крепостного права. Основные вопросы, рассматривавшиеся в комитетах, сводились к определению надела, повинностей как за усадьбу, так и за полевой надел и определению предела вотчинной власти². Выкуп, согласно рескриптам, должен был быть обязательным.

Между сторонниками освобождения крестьян завязалась борьба: освободить ли их по прусскому образцу, т. е. без земли, или с землей; если освободить с землей, то сохранить общину или же оказывать от нее. Губернские комитеты закончили свою работу в начале 1859 г., значительная часть их проектов претерпела изменения в редакционных комиссиях по крестьянскому делу, которые начали работать 4 марта 1859 г. По результатам их работы составили 37 докладов для решения крестьянского вопроса.

В политике, философии, литературе и, разумеется, в журналистике все более или менее серьезные проблемы были тесно связаны с вопросом об отмене крепостного права самым непосредственным образом. Приходилось преодолевать серьезные противоречия между помещиками черноземных и нечерноземных областей, консерваторами и либералами, столицей и губерниями, интересами землевладельцев и чаяниями крестьян.

В конце 1850-х гг. всех занимало решение крестьянского вопроса: «Свирепые страсти, которые бушевали в первое время, как будто бы приутихли, но они сосредоточились и работают

втихомолку. <...> Вопрос о земле есть корень раздора... Кроме того, пущена в ход идея – предоставления помещикам каких-то *droits seigneuriaux* (чего даже по-русски перевести не могут). <...> Двадцать миллионов народа едва ли удовлетворятся фразами, за которые наложат на них новые оброки и юридические притеснения»³.

Борьба между сторонниками и противниками общинного устройства велась яростная. С марта 1858 г. славянофил А. И. Кошелев начал издавать как приложение к «Русской беседе» – журнал «Сельское благоустройство» (1858–1859), целиком посвященный ходу подготовки крестьянской реформы. В «Экономическом указателе» появилась специальная рубрика – «Крестьянский вопрос», в которой публиковались различные мнения по поводу проведения реформы или обсуждались дискуссионные материалы, опубликованные в других периодических печатных органах.

Именно материалы о реформе и общинном землеустройстве и были одними из самых ярких и животрепещущих на страницах «Экономического указателя».

В № 43 за 1857 г. в небольшой заметке, перепечатанной из «Земледельческой газеты», читателям объяснялось, что такое община и как она действует: казна отводила участок земли в распоряжение общины какого-либо селения, и уже та делила землю между своими членами в различные промежутки времени: в одних местах – каждый год, в других – через три, в третьих – по ревизиям. Деление осуществлялось по количеству наличных душ мужского пола в каждом семействе, на основании этого же распределялись и подати. Крестьяне, работавшие на данной земле, – государственные, но никакого права на нее не имели: не могли ни продать ее, ни подарить, ни обменять.

В № 60 «Экономического указателя» за 1858 г. сообщено о начале работы губернских дворянских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян на следующих основаниях⁴:

- помещикам сохраняется право собственности на свою землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа;
- крестьяне должны быть распределены на сельские общества;

- при устройстве будущих отношений помещиков и крестьян необходимо надлежащим образом обеспечить исправную уплату государственных и земских податей и денежных сборов⁵.

Уже через несколько номеров опубликована программа работы таких комитетов⁶.

В № 62 отмечено, что крепостное право необходимо не просто реформировать, а отменить целиком: «...мы видели, что освобождение крестьян везде вело за собою порядок и благоденствие; видели, как быстро двигает свободный труд образование народов; видели, какую материальную силу придает им образование... надеемся, что и наше

дорогое отечество он (свободный труд. – *И. С.*) приведет к тем же благоприятным результатам»⁷. Если же говорить о вопросе переселения крестьян после освобождения с бесплодных земель, то решить его поможет освобождение с земель⁸.

«Экономический указатель» стал противником общины и всячески пытался отстаивать свое убеждение: Вернадский полагал, что община сковывает личную инициативу крестьянина. А «Современник» Н. А. Некрасова, ведущий демократический журнал того времени, или славянофильские издания Кошелева выступали, напротив, в ее защиту по разным причинам.

Примечательно, что, анализируя первые номера «Экономического указателя», Н. Г. Чернышевский дал весьма высокую оценку многим статьям: «...такие исследования будут всегда читаться с интересом, и только они могут действительно быть полезны делу распространения здоровых научных понятий»⁹.

В «Письме редактору» за подписью К. А. (возможно, Арсеньев Константин Константинович¹⁰. – *И. С.*), опубликованном в № 21 «Экономического указателя» за 1857 г., отмечено, что журналу «брошен вызов» «Современником». Действительно, в журнале Н. А. Некрасова в № 5 за 1857 г. в «Заметках о журналах» напечатан разбор статьи Д. М. Струкова «Сельское хозяйство» из № 5, 7, 9 и 10 «Экономического указателя» за тот же год¹¹. Указано, что причиной данного подробного разбора материала Струкова стали вопросы об общинном пользовании землей, поднятые им в статье, отмечено, что «многие из наших экономистов <...> увлеклись теми временными и односторонними выгодами, какие принцип безграничной поземельной собственности отдельного лица обещает увеличению производства, слишком доверчиво повторяют мнения об этом предмете, находимые в большей части западно-европейских сочинений»¹². При этом критик «Современника» относил Струкова к представителям «старой экономической школы»¹³ и призывал «Экономический указатель» «или признать или опровергнуть научным образом следующие положения, составляющие сущность... замечаний»¹⁴:

– принцип общинного устройства не может быть признан несовместимым с успехами сельского хозяйства;

– «напротив, по достижении государством известной степени экономического развития, определяемой сильным развитием торговли и устройством улучшенных путей сообщения (пароходства и железных дорог), общинное пользование землею представляется единственным средством избавить огромное большинство земледельческого населения от бедствий, соединенных с батрачеством и нищетой, необходимым следствием батрачества»¹⁵;

– Англия и Франция уже вступили в данный период;

– в предыдущее время, когда законы конкуренции не были еще столь ощутимы, мнимые неудобства общинного пользования землей искупались выгодой общинного пользования для благосостояния земледельцев;

– в настоящий момент благо государства, а вместе с ним и благо большинства земледельческого населения, требует сохранения общинного пользования землей;

– все возражения против общинного пользования землей не касаются его принципа, а относятся только к одному из способов этого пользования, а именно ежегодному переделу земель, и легко устраняются.

«Современник» обращал внимание на односторонность и пристрастность «Экономического указателя», говорил о его «рутинной» позиции в отношении общины.

Естественно, журнал Вернадского не мог не отреагировать на данные замечания, в частности К. А. писал: «...положения эти (которые высказывал «Современник». – *И. С.*) по большей части устарели. На чем, например, опирается третье положение? В Англии партия хартистов¹⁶ составляет гордость людей, чуждых интересам своего отечества <...> Во Франции преобразовательные идеи, может быть, сохранили еще несколько большее значение; но огромная масса народа так живо создала их несвоевременность, что бросилась в совершенно противоположную крайность, лишь бы только избежать их губительного брожения»¹⁷. Таким образом, подытожил К. А., данный аргумент «Современника» ничего в себе не содержит и опровергается историческими доводами.

В письме также дан ответ на замечания «Современника» в отношении «Экономического указателя», в которых доказывалась «ложность известной (и столь верной) мысли», что «община убивает энергию в человеке»¹⁸. В свою очередь автор письма не соглашается с этим утверждением оппонента и, ссылаясь на учения Ф.-Д. Мориса¹⁹, Э. Кабе²⁰, Ф. Бастиа²¹ и других, подчеркивает преимущества свободного труда. Звучит и некий упрек в адрес Чернышевского: «Сам автор статьи “Современника”, кажется, отчасти сознает могущество личного интереса, потому что он предлагает раздел земли между общинниками на продолжительные сроки с вознаграждением временного владельца за улучшение»²².

Кроме всего прочего, журнал Вернадского указывал на сочувствие «Современника» славянофилам: он, подобно им, хочет для России какого-то особого пути развития, совершенно отличного от других народов, причем предлагаемые «Современником» способы общинного устройства, по его собственному выражению, смогут применяться в стране «в весьма далеком будущем». К. А. ответил на это: «...зачем же в таком случае заводить спор, не имеющий для нас ни малейшего жизненного интереса...»²³. Всем было понятно, что речь шла о пореформенной России и ее судьбах, поэтому

откладывать решение такого важного вопроса надолго считалось неприемлемым.

«Экономический указатель» в примечании редакции к письму отмечал, что подобный вопрос весьма важен и не может быть исчерпан в пределах одной статьи, поэтому заявлялось о ряде ответов, которые начнутся со следующего выпуска.

В статье «О поземельной собственности (критику «Современника»)» (№ 22, 25, 27, 29) Вернадский настаивал, что «именно земля-то и невыгодна для общего пользования... только из разделов выходят у нас смышленные купцы, сметливые фабриканты, бойкие промышленники; только освободившись от таких условий общины, русский человек расширяет размеры своего хозяйства, берет подряды, изобретает промыслы и т. п.»²⁴. Он считал, что община сковывает инициативу крестьян. Здесь же он, обращаясь к «Современнику», просил доказать его утверждения, что Запад стремится к общинной собственности земли, тогда как во Франции лучшие участки перешли в частное владение из общинного из-за злоупотребления администрации.

Говоря далее о минусах общинного устройства, Вернадский приводит 16 пунктов отрицательного воздействия общины, которые тормозят экономическое развитие всей страны в целом, среди них:

- при одинаковом пользовании землей в общине не все пользуются одинаково своими землями, не все их и возделывают одинаково²⁵, кроме всего прочего, не всем дается одинаковое количество земель (последнее зависит от особенностей при разнообразном составе семей, рабочих сил и других хозяйственных отношений);

- и в общине возможно батрачество и нищенство;

- и тут возможно фермерство своего рода;

- землевладелец при общинном хозяйстве сохраняется, это сама община, «мир, имеющий свой доход, свои издержки»;

- общинное хозяйство весьма редко сможет достичь общего дохода, который указан в «Современнике», а вот участок собственника может достигнуть бесконечной ценности²⁶.

Также рассмотрены и семь практических случаев, доказывающих несостоятельность общины. Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что «Экономический указатель» ключевым недостатком общины считал несвободу и невозможность развития частной собственности, а также то, что община отнимает право хозяйственной инициативы у частного лица и его передачу общине²⁷, умаляет интерес к своим делам и начинаниям²⁸, препятствует накоплению капиталов²⁹.

Принцип общинного пользования, по мнению Вернадского, несовместим с успехами сельского хозяйства, так как при нем не может быть прогресса. Здесь указано и на особенные свойства каждого земельного участка, и на минусы коллективного производства, и на невозможность

осуществления торговли землей и использования поземельного кредита и пр.

Прибегает Вернадский и к иронии: критику некрасовского журнала дан совет – «отказаться от своей литературной собственности и поступить в какую-нибудь общину, которая едва ли ему разрешит заниматься тем (т. е. писательством. – И. С.), что старейшие считают бездельем»³⁰.

Естественно, оспаривалось и утверждение «Современника», что общинное пользование призвано избавить огромное большинство земледельческого населения от бедствия, соединенного с батрачеством и нищетой, и что ни торговля, ни развитие железных дорог не смогут оказать столь благоприятного воздействия на экономическое развитие страны³¹.

Журналу Вернадского было непонятно, почему «Современник» так настойчиво продолжал выступать за общину: «Ему («Современнику». – И. С.) <...> кажется, еще и в мысль не пришло, что при его системе большая часть власти помещика заменяется властью общины и – очень часто – властью одного или нескольких расторопных членов общества»³².

Чернышевский, безусловно, выступал в защиту прав освобождения крестьян на землю и на свободу, говоря об общине, в первую очередь видел в ней ячейку социализма. Конечно, в условиях цензуры он не мог в полемике прямо заявлять об этом. В освобождении же крестьян с землей его больше беспокоили выкупные платежи, он полагал, что выкуп земли крестьянами у помещиков юридически не обоснован, крестьян следует освобождать с землей без выкупной платы³³. Чернышевский жестко и категорично доказывал, что помещики требуют высокую цену за выкуп земель, чтобы крестьянин платил не только за надельную землю, но и за свою свободу, ведь помещик лишился права владения крестьянином. Чернышевский вообще отрицал необходимость выкупа земли. Разоблачая грабительский характер готовившейся реформы, он на основе ознакомления с правительственным проектом реформы к концу 1859 г. пришел к убеждению о возможности решения крестьянского вопроса только революционным путем, в результате крестьянского восстания, поэтому с конца 1859 г. игнорировал в печати ход подготовки реформы.

Также в вопросе преимущества частной собственности перед общинным землеустройством «Экономический указатель» вел дискуссию и с журналами Кошелева, который выступал за освобождение крестьян с землей («крестьянин без земли, как рыба без воды», – считал Кошелев), за сохранение общины: славянофилов пугала ситуация, когда огромное количество безземельных крестьян будет бродяжничать по России.

В № 49 «Экономического указателя» после статьи «Замечания о преимуществах поземельной собственности перед общинным владением» помещика Александра Савельева редакция опубликовала обращение к Кошелеву, «владельцу

несколькими тысячами душ, приобретенными от разных помещиков», который легко может усмотреть, что «не одна ненавистная ему наука, и не одни западники понимают вопрос сей так, как «Экономический указатель»; а что и многие русские практики, русские практики-помещики, решают оный также в пользу частной собственности»³⁴. Примечательно, что статья была частью материалов, посвященных полемике с «Современником», и ее автор действительно указывал на преимущества частной собственности: «...поземельная собственность имеет на своей стороне значительные выгоды перед общинной»³⁵. Автор статьи отмечал, что крестьяне его неохотно удобряют земли, выделенные им общиной, «так как земля у них постоянно делится, и пред каждым озимым посевом происходит дележ, то и не стоит о земле прилагать особенной заботы, а лучше труды и деньги (от продажи навоза. – *И. С.*) употребить на наем земли у неимущих, которые не в состоянии своей земли обработать и засеять...»³⁶

В последующих номерах журнала полемика с Кошелевым продолжилась в том же ключе, но уже Вернадским³⁷: «Нет, господа общинники «Сельского благоустройства»!.. Община отжила свой век вместе с помещичьим правом: по указанию Великого Вождя нашего мы видим время, когда крепостное право должно окончиться, и не полагаем, чтоб эта крепость могла остаться в форме общинного порядка»³⁸.

Являясь представителем либеральной экономической школы, Вернадский считал, что каких-либо особых усилий для ликвидации общины принимать не нужно, так как развитие капиталистических отношений само приведет к распаду общинных отношений в деревне, как это и произошло в западных странах: «...община в ее обязательной форме рушится сама собой, когда перегниют ее узы от действия личного развития и просвещения»³⁹.

В № 65 за 1858 г. дан обзор статей других повременных изданий, которые предлагали различные способы разрешить крестьянский вопрос. «Экономический указатель» вновь обратился к «Русской беседе» и его «особому отделу» «Сельское благоустройство».

«Экономический указатель» в вопросе отмены крепостного права, как отмечалось выше, отвергал идею общинного устройства. Он отмечал абсурдность вопросов, которые ставил журнал Кошелева при проведении реформы, а именно:

– какие пособия необходимо выплатить мелкопоместным помещикам, имеющим менее 21 души;

– какие облегчения в этом случае нужно допустить в пользу помещиков, имеющих от 20 до 100 душ?

Журнал Вернадского задавался вопросом: приведет ли подобная озабоченность «к какому-нибудь полезному результату»⁴⁰, – и отмечал, что «Беседа», в первую очередь, заботится о помещи-

ках, но, увы, не о крестьянах. «Экономический указатель» привел расчеты и доводы, доказывая, что «право собирать с крестьян оброк» несправедливо, так как в среднем плата составит 350 рублей на душу без земли, а такой стоимости никогда не было ни в каких губерниях даже на крестьян с землей. И продолжал настаивать, что «потерь с осуществлением благой цели освобождения крестьян ни для кого ожидать нельзя»⁴¹.

В № 70 напечатан материал «О крестьянском вопросе в польской литературе». Меры предлагались следующие:

– установление денежного оброка (арендной платы) в соответствии с качеством и количеством земли;

– установление того же разными родами хлеба, производимого на земле;

– установление барщины в соответствии со стоимостью, которую должен выплатить крестьянин помещику;

– пропорциональное установление этих трех способов совокупно;

– продажа земель крестьянам⁴².

Обстоятельства освобождения, как видим, предлагались достаточно суровые. После многочисленных рассуждений и примеров автор статьи, основываясь на действиях графа А. А. Замойского из Царства Польского⁴³, делал вывод, что «введение долговременной аренды, основанной на добровольном согласии договаривающихся сторон, при уничтожении навсегда барщины, устройство мелких кредитных установлений, земледельческих училищ, заведений для призрения немощных и т. д. может более всего содействовать развитию благосостояния крестьян и всего края»⁴⁴.

В № 103 за 1858 г. сообщено (со ссылкой на «Ostsee-Zeitung» и пр.), что в Царстве Польском крестьянский вопрос решен «окончательно»⁴⁵: «...представление крестьянам земли с платою оброка и зависимостию от помещика при ее передаче, дележе и пр.; помещик же с своей стороны не имеет права взять этой своей собственности в личную обработку»⁴⁶.

С мая 1859 г. крестьянский вопрос отдельно начал освещаться в приложении к журналу – «Экономисте», о чем свидетельствовало объявление в № 124 «Экономического указателя» (от 16/28 мая 1859 г.). Тем не менее, материалы продолжали присутствовать и на страницах «Экономического указателя»⁴⁷. Одним из таких материалов является статья Вернадского «Туман в крестьянском деле», где он выступает с открытым призывом: «...не прикрепляйте его (человека. – *И. С.*) к земле, дайте ему широкую волю, и – артельные узы добровольных братств покروют Россию для ее блага, в недрах своих неся лучшее обеспечение лица – хорошо вознаграждаемый, производительный труд»⁴⁸. Таким образом, из статьи следует, что залогом хорошей производительности является, по Вернадскому, именно свободный труд.

«Всемилолюбивейший манифест»⁴⁹, по которому крестьяне выходили из крепостной зависимости, принят 19 февраля 1861 г. В столицах его прочитали в последний день перед Великим постом, в Прощеное воскресенье – 5 марта: «Манифест был прочитан с амвона священниками во всех церквях обеих столиц»⁵⁰. Д. А. Милютин, военный министр времен Александра II, вспоминал: «Так день 19 февраля 1861 г. сделался великою историческою эрой для русского народа. В Петербурге ожидали этого дня с различными чувствами: иные – с восторженною радостью, другие – с каким-то страхом, а третьи – с затаенной злобой. Само правительство не чуждо было тревожного ожидания того момента, когда вдруг снимется узда с многих миллионов порабожденного народа»⁵¹.

Вернадский опубликовал манифест в № 228 «Экономического указателя» от 9/21 марта 1861 г. Журнал радостно встретил отмену крепостного права: «Величайшее событие и величайший день недели без сомнения – уничтожение крепостной зависимости двадцати трех миллионного населения России»⁵², – так открылся отдел «Обозрение политическое» одного из мартовских номеров журнала. В № 230 напечатана заметка «Прощеный день», где отмечено, что нужно еще много труда, чтобы «заря, осветившая великое утро... более горела», «нужно чтобы наблюдение за исполнением закона, защита его от попыток самоуправства и притеснения сделались всеобщей задачей...», нужно, чтобы гласность осветила все темные уголки поприща, на котором совершается великое преобразование, нужно, чтобы печать, этот голос современного народа и проводник образования..., явилась хранительницею и объяснительницею живой идеи, положенной правительством...»⁵³

Отдельно в «Экономисте», приложенному к № 229 «Экономического указателя», напечатано «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», к № 230 и № 231 прилагался «Экономист» с «Положением о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий» и др. Однако какого-либо подробного разбора реформы на страницах «Экономического указателя» не было. Не указывались ни плюсы, ни минусы Положения, хотя реформа проведена не совсем так, как желалось Вернадскому:

– община сохранилась;

– помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, но обязаны были предоставить в пользование крестьянам «усадебную оседлость» и полевой надел;

– за пользование надельной землей крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели права отказа от нее в течение девяти лет;

– крестьянам предоставлялось право выкупа усадьбы и по согласованию с помещиком – полевого надела, до осуществления этого они именовались временнообязанными.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что «Экономический указатель» вел активную полемику по вопросу отмены крепостного права. Крестьянский вопрос был ключевым для журнала. Вернадский не был равнодушен к судьбе многомиллионного класса Российской империи – крестьянству – и выступал за его полную свободу, отрицал он и крупную помещичью собственность. По его мнению, труд есть «главный и единственный источник богатства», он – основа не только отношения человека к природе, но и отношения человека к человеку.

Примечания

- 1 Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1856–1860 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2004. С. 133.
- 2 См.: *Зайончковский П.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 95.
- 3 Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1856–1860. С. 271.
- 4 См.: *Экономический указатель.* 1858. № 60. С. 170.
- 5 Там же. № 63. С. 241.
- 6 Там же. № 69. С. 367–371.
- 7 Там же. № 62. С. 205.
- 8 Там же. № 63. С. 227–230.
- 9 *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1939–1953. Т. 4. С. 713.
- 10 См.: *Масанов И.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. Т. 2. М., 1957. С. 11.
- 11 См.: *Современник.* 1857. Т. 63. № 5. С. 121–135. Заметки о журналах.
- 12 Там же. С. 121.
- 13 Там же. С. 124.
- 14 Там же. С. 134.
- 15 Там же.
- 16 Народная партия, требовавшая изменения конституции.
- 17 *Экономический указатель.* 1857. № 21. С. 474.
- 18 Там же. С. 473.
- 19 Фредерик-Денисон Морис (1805–1882) – английский духовно-общественный деятель и социальный реформатор, один из основателей рабочих союзов, вождь христианского социализма.
- 20 Этьенн Кабе (1788–1856) – французский коммунист, его главные идеи изложены в основном в романе «Путешествие в Икарию», вышедшем в 1839 г.
- 21 Фредерик Бастиа (1801–1850) – французский экономист, приверженец мнения, что частная собственность является принципом прогресса и жизни.
- 22 *Экономический указатель.* 1857. № 21. С. 475.
- 23 Там же. С. 476.
- 24 Там же. № 22. С. 506.

- ²⁵ О производительности в общинном хозяйстве см. также: Экономический указатель. 1857. № 24. С. 545–546.
- ²⁶ Там же. № 22. С. 508.
- ²⁷ Там же. № 29. С. 682.
- ²⁸ Там же. С. 683.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 509–510.
- ³¹ Там же. № 27. С. 633–637.
- ³² Там же. 1859. № 130. С. 604.
- ³³ Чернышевский Н. Указ. соч. Т. 5. С. 720.
- ³⁴ Экономический указатель. 1857. № 50. С. 1160.
- ³⁵ Там же. С. 1158.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 1178–1182.
- ³⁸ Там же. 1858. № 101. С. 1016.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. № 65. С. 279.
- ⁴¹ Там же. С. 331.
- ⁴² Там же. № 70. С. 598–599.
- ⁴³ Анджей Артур Замойский (1800–1874) – польский государственный деятель, основатель пароходной компании, осуществлявшей перевозки по Висле, и сельскохозяйственного общества (Towarzystwo Rolnicze).
- ⁴⁴ Экономический указатель. 1858. № 96. С. 1113.
- ⁴⁵ На самом деле крепостное право в Царстве Польском было отменено лишь в 1864 г., 19 февраля. Согласно реформе, земля отдавалась в собственность крестьянам-землепользователям без выкупа, убытки возмещались правительством за счет налогов с населения. Также предусматривалось и наделение землей безземельных крестьян. Эта реформа завершила ликвидацию феодальных отношений на польских землях.
- ⁴⁶ Экономический указатель. 1858. № 103. С. 1177.
- ⁴⁷ Там же. 1859. № 128. С. 542–552.
- ⁴⁸ Там же. № 131. С. 617.
- ⁴⁹ Там же. 1861. № 228. С. 224–227.
- ⁵⁰ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860–1862 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. С. 64.
- ⁵¹ Там же. 62–63.
- ⁵² Экономический указатель. 1861. № 228. С. 241.
- ⁵³ Там же. № 230. С. 244.

Образец для цитирования:

Сурнина И. А. Крестьянский вопрос на страницах «Экономического указателя» (1857–1861) И. В. Вернадского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 220–226. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-220-226.

Cite this article as:

Surnina I. A. The Peasant Question on the Pages of *Economicheskij Ukazatel'* (1857–1861) of I. V. Vernadsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 220–226 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-220-226.

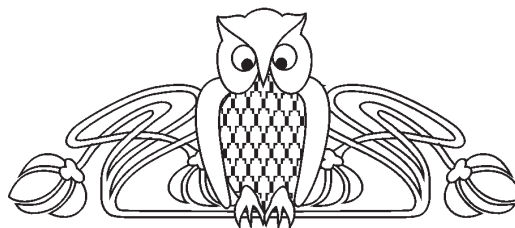

УДК 070(470.44-25)+929Давыдов

М. П. ДАВЫДОВ – ЗАБЫТЫЙ ЖУРНАЛИСТ-СТАРООБРЯДЕЦ ИЗ САРАТОВА

В. В. Боченков

Московская митрополия Русской Православной
Старообрядческой Церкви
E-mail: bo4enkov4@yandex.ru.

Статья посвящена старообрядческой журналистике начала XX в. и публицистическому наследию М. П. Давыдова – саратовского журналиста, активно сотрудничавшего в ведущих старообрядческих журналах того времени. Приводится библиография опубликованных им статей, краткая аннотация некоторых статей, уточнены биографические данные об авторе, его псевдонимы.

Ключевые слова: журналистика, «Церковь», «Слово Церкви», «Щит веры», Максим Давыдов, Федор Мельников.

M. P. Davydov – a Forgotten Old Believer Journalist from Saratov

V. V. Bochenkov

The article considers Old Believer journalism of the beginning of the XXth century and the journalistic legacy of M. P. Davydov, a Saratov journalist who actively contributed to the leading Old Believers' journals of that time. The bibliography of his published articles is presented; as well as short excerpts of some articles; the author's biographical data and his pen-names are specified.

Key words: journalism, *Tserkov* (Church), *Slovo Tserkvi* (The Word of Church), *Schit Very* (Shield of Faith), Maxim Davydov, Fedor Melnikov.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-227-233

На страницах старообрядческих журналов начала XX в. «Церковь» и «Слово Церкви» встречается псевдоним Омега. «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова указывает, что так подписывался писатель и публицист Михаил Петрович Давыдов¹. Здесь имеет место ошибка: неверно указано имя. Старообрядческая журналистика – особая область, и взыскательный ученый не имел возможности изучить в достаточной мере ее значимых авторов и все ее особенности.

Фамилию Давыдов мы встречаем среди корреспондентов редактора обоих журналов Ф. Е. Мельникова в описи его архивного фонда в РГБ (Ф. 164. Карт. 21. Д. 63). Здесь имеются несколько писем саратовского старообрядца-беспоповца М. П. Давыдова, из них видно, что он – один из постоянных авторов журналов «Церковь» и «Слово Церкви» в 1910-е гг., а также его заявление о вступлении в Старообрядческое историко-просветительское общество (Там же. Д. 62). Письма подтверждают, что именно ему принадлежит псевдоним Омега. Но ни в письмах, ни в заявлении инициалы М. П. не раскрыты.

Само заявление представляет собой стандартный машинописный бланк, где только требовалось указать фамилию с инициалами и заверить личной подписью. Под заявлением стоят подписи (автографы) рекомендующих лиц: А. С. Рыбакова (отец академика Б. А. Рыбакова), К. Н. Швецова, самого Ф. Е. Мельникова.

Расположим письмо в хронологическом порядке, который несколько отличается от присвоенной им архивной полистовой пагинации.

Первым по хронологии можно считать, очевидно, недатированное письмо (Д. 63. Л. 3–4; далее ссылки в тексте сделаны на это дело), полученное Ф. Е. Мельниковым, судя по пометке (синий штамп в левом верхнем углу), 19 января 1913 г. Очевидно, эта дата – начало сотрудничество М. П. Давыдова с журналом. В «Церкви» за 1912 г. нет публикаций, подписанных псевдонимом Омега. М. П. Давыдов указывал, что он беспоповец, и предлагал сотрудничество: «Характера и количества статей, предполагаемых мною, сейчас определить, разумеется, не могу, скажу только, что думаю писать на темы неоднобразные. Об условиях не говорю, потому что, надеюсь, они для меня общие; со своей стороны я ставлю единственное условие – строгое сохранение моего псевдонима. Если для Вас интересно, то сообщая, что я беспоповец». Адрес, указанный в письме: Саратов, Большая Горная улица, между Вольской и Ильинской, дом № 214. Спустя примерно два месяца в № 12 от 24 марта в «Церкви» появилась статья Омеги:

1. Беспоповцы на пути к просвещению // Церковь. 1913. № 12. С. 276–280. Подпись – Омега.

Это был отклик на опубликованные в качестве приложения к саратовскому беспоповскому журналу «Щит веры» труды так называемого Двинского съезда старообрядцев-беспоповцев по народному образованию. Они публиковались в 1912 г. в этом журнале из номера в номер с особым счетом страниц. «Несмотря на все громкие фразы, беспоповские поборники просвещения, как ни порывались, но не смогли уйти дальше г. Любацкого с его Псалтырем и Часословом», – пишет М. П. Давыдов, критикуя доклад одного из участников. Общий вывод: беспоповцы за обучение, за образование, но в большинстве против светской науки. Довольно много места уделено разбору выступления редактора «Щита веры»

В. З. Яксанова (Щит веры. Труды I Всероссийского съезда по народному образованию старообрядцев. 1912. № 7. С. 64–74; № 8. С. 75–81. Отдельный счет страниц).

Следующая статья М. П. Давыдова появилась в октябре 1913 г. Она продолжала образовательную тематику.

2. Исторические корни старообрядческого просвещения // Церковь. 1913. № 41. С. 979–983; № 42. С. 1003–1006. Подпись – Омега.

Вскоре после этой публикации в другом письме, датированном 13 ноября 1913 г. (Л. 5–5 об.), М. П. Давыдов предложил статью о христианстве, которое, как он писал, «не расходится с научными открытиями в виду своего постулата свободной воли». В правом нижнем углу письма на обороте (Л. 5 об.) имеется карандашная пометка рукой Ф. Е. Мельникова: «Омега», указывающая на псевдоним. «Подробно я сейчас не могу развить мысль, – писал М. П. Давыдов, – так как и сам еще очень серьезно не думал, да и бесплодно думать не люблю, но если Вы дадите согласие, то я сяду за ее разработку». В этом же письме он упоминает о сотрудничестве со старообрядческим публицистом С. И. Быстровым, жившим в Саратове, по созданию старообрядческого художественного сборника, делится мыслью о поступлении в Московский городской народный университет А. Л. Шанявского (в письме назван институтом). Указанный им обратный адрес: Саратов, Вольская, № 80. Отметки об ответе нет.

Третье письмо (Л. 6–7 об.) датировано 23 декабря 1913 г. Из него можно видеть, что Ф. Е. Мельников отвечал адресату и делал некоторые замечания по предложенной в ноябрьском письме статье: «Благодаря за письмо и считая Ваши упреки справедливыми, постараюсь от иностранщины всемерно избавиться (исключая, конечно, случаи необходимые). Очень бы хотелось исполнить Вашу просьбу относительно размера статей, но, боюсь, не сумею; со временем, может быть, приспособлюсь, а пока прошу извинить». М. П. Давыдов вновь сообщает о намерении поступить на историко-филологический факультет в Москве, высказывает желание устроиться на работу в какой-либо газете, интересуется, во сколько обойдется проживание для одного человека («“благоверной” я обзавестись не успел»), просит опубликовать прилагаемую статью в первых номерах 1914 г., указывая, что 21 января он – именинник (21 января – день церковного поминовения прп. Максима Исповедника (VII в.) и Максима Грека). И вновь упоминает о работе над альманахом – сборником рассказов старообрядческих писателей. Упоминание о дате именин ставит под сомнение раскрытый И. Ф. Масановым псевдоним «Омега», принадлежащий Михаилу Давыдову, в нашем конкретном случае речь идет о другом человеке, беспоповском публицисте Максиме Давыдове.

На четвертом, недатированном письме (Л. 8–8 об.) имеется пометка Ф. Е. Мельникова: «Отвечено 12/II. 1914 г. Омега». В нем М. П. Давыдов просил сообщить ему о судьбе своей статьи, не указывая ее названия, говоря, что не получил ответа на предыдущее декабрьское письмо, и повторял вопросы относительно стоимости жизни в Москве.

Очевидно, в трех последних письмах 1913–1914 гг. говорится о работе над статьей «Интеллигенция и народ». Журнал опубликовал первую ее подачу 16 февраля 1914 г. Речь в ней идет об участии/неучастии науки в нравственном самосовершенствовании человека, о старообрядческом просвещении, о развитии души, которая не может быть отнесена к простой физиологической деятельности мозга:

3. Интеллигенция и народ // Церковь. 1914. № 7. С. 155–159; № 8. С. 184–187; № 9. С. 206–209. Подпись – Омега.

В пятом, недатированном письме (Л. 1–2 об.) М. П. Давыдов приветствовал образование Старообрядческого культурно-просветительного общества (1914 г.), уточнял адрес, по которому проживал в Саратове (ул. Вольская, д. 80, кв. 4), указывал также на опечатки в своей статье, опубликованной в № 7 («Интеллигенция и народ»): на странице 157, стб. 1, строка 17 снизу: напечатано «Мэнс», нужно «Мэн» (имеется в виду Генри Мэн (1822–1888), английский историк права, юрист, профессор); та же страница, стб. 2, строка 26 снизу: напечатано «имени», нужно «племени»; страница 158, стб. 1, строка 27 снизу: напечатано «абсолютно таких», следует читать «абсолютно шатких». «У нас здесь продолжают интересоваться настоящей фамилией г. Омеги, – сообщал он. – Угораздило ведь меня проговориться о моем беспоповстве (в статье. – В. Б.): столько работы наделал людям – и смешно, и обидно. Смирнов В. (беспоповский наставник и автор «Щита веры»). – В. Б.) прислал сюда извинительное письмо за то, что напечатал у вас свою ст[атью], вот вам и объединительные стремления».

Следующее, шестое письмо (Л. 10–11) содержит пометку Ф. Е. Мельникова: «Отвечено 9/VIII. 1914 г.» В нем М. П. Давыдов писал, что высылает очередную статью (первую половину), просил сообщить ему о том, предполагаются ли занятия в университете Шанявского в Москве. В двух октябрьских номерах «Церковь» опубликовала его статью «Религия и наука». Номер 42 от 19 октября оказался последним, издание журнала было прекращено.

4. Религия и наука // Церковь. 1914. № 41. С. 949–952; № 42. С. 972–974. Подпись – Омега.

В нескольких номерах возрожденного в 1914 г. журнала «Слово Церкви», в ноябре и декабре, опубликовано было продолжение статьи «Религия и наука», но под другим названием, которое, впрочем, только подчеркивает их предметность:

5. Взаимоотношение религии и науки // Слово Церкви. 1914. № 1. С. 6–9; № 2. С. 32–35; № 3. С. 62–65; № 4. С. 100–103; № 5. С. 126–128; № 6. С. 155–158. Подпись – Омега.

Наконец, последнее письмо (Л. 12) датировано 12 мая 1915 г. Оно написано на бланке Главной конторы старообрядческого церковно-общественного журнала «Слово Церкви» и, судя по всему, по почте не отправлялось: автор находился в Москве, зашел в контору и, не застав Ф. Е. Мельникова, оставил ему записку на чистом бланке, который ему предложили. М. П. Давыдов сообщал, что оставляет в редакции статью, называя ее «Религия и наука», ее хватит, по его мнению, на два номера, продолжение он обещает выслать из Саратова, куда уезжает. Благодаря подшивке журнала «Слово Церкви» с гонорарной разметкой (РГБ. Ф. 164. Карг. 15. Ед. хр. 6) можно определить подписанные псевдонимами и анонимные публикации М. П. Давыдова за этот год.

6. Взаимоотношение религии и науки // Слово Церкви. 1915. № 4. С. 85–87; № 6. С. 133–135; № 7. С. 159–161; № 10. С. 233–235; № 11. С. 252–253. Подпись – Омега.

7. Маркыч: Из эпизодов войны: Рассказ // Слово Церкви. 1915. № 12. С. 285–287. Без подписи.

8. В петле // Слово Церкви. 1915. № 19. С. 457–459. Подпись – М. Статья, посвященная проблеме самоубийств. Поводом послужило самоубийство студента Санкт-Петербургской духовной академии.

9. Топи // Слово Церкви. 1915. № 26. С. 604–606. Подпись – М. Продолжение темы, поднятой в статье «В петле».

10. Христианство и наука // Слово Церкви. 1915. № 33. С. 760–763; № 37. С. 858–861; № 38. С. 881–884. Подпись – Омега. Очевидно, об этой статье и шла речь в письме от 12 мая 1915 г. Первая подача (в № 33) увидела свет 16 августа.

11. Германизм // Слово Церкви. 1915. № 42. С. 961–963; № 44. С. 999–1000. Подпись – Омега.

12. Вместо храма Божия // Слово Церкви. 1915. № 48. С. 1080–1081. Подпись – Омега.

Более поздней по времени переписки между М. П. Давыдовым и Ф. Е. Мельниковым нет. Однако саратовский старообрядец продолжал регулярно публиковаться. Необходимо заметить, что, кроме 1915 г., мы не можем определить его анонимные статьи, если таковые были, и статьи, подписанные другими псевдонимами, опять же если таковые были. Псевдоним М., который стоит под обзорами военных действий на фронтах в «Слове Церкви» за 1916 г., может не принадлежать М. П. Давыдову, однако такое предположение можно и оспорить, о чем мы укажем чуть ниже, и, таким образом, общее количество публикаций значительно увеличится за счет этих обзоров. В 1916 и 1917 гг. в «Слове Церкви» увидели свет статьи:

13. Жрецы насилия // Слово Церкви. 1916. № 8. С. 169–172; № 26. С. 553–556. Подпись – Омега.

14. Христианство и право // Слово Церкви. 1916. № 39. С. 793–796; № 40. С. 810–812; № 42. С. 845–847. Подпись – Омега.

15. Воскресения день // Слово Церкви. 1917. № 14. С. 250–251. Подпись – М.

16. Впечатления от съезда // Слово Церкви. 1917. № 19. С. 354–355. Подпись – М. Статья повествует о съезде старообрядцев-поморцев, открывшемся 30 апреля в Москве в Токмаковом переулке.

17. Каинов прогресс // Слово Церкви. № 9. 1917. С. 161–163; № 13. С. 232–234. Подпись – Омега.

18. Что же дальше? // Слово Церкви. 1917. № 12. С. 203–204. Подпись – М. Д-вь.

19. Народовластие // Слово Церкви. 1917. № 15. С. 273–276; № 17. С. 311–313; № 20. С. 365–368; № 21. С. 382–384; № 23. С. 425–427; № 24. С. 450–452. Подпись – М. Д-вь.

20. Старообрядчество и свобода // Слово Церкви. 1917. № 39. С. 651–653; № 42. С. 691–693. Подпись – М. Д-вь.

Последняя из указанных статей должна была публиковаться с продолжением, которого не последовало. После 1917 г. журнал «Слово Церкви» не выходил. Все статьи 1917 г. посвящены осмыслению того положения староверия, в каком оно оказалось в новых политических условиях. В старообрядческом журнале «Голос Церкви», который выходил в 1918 г., статей М. П. Давыдова нет.

Проживая в Саратове, М. П. Давыдов активно сотрудничал с поморским беспоповским журналом «Щит веры», который издавал там замечательный подвижник-старообрядец В. З. Яксанов. Печатался под псевдонимами, которые легко раскрываются (М. Д-вь и т. п.), и без них. На страницах журнала увидели свет статьи самой разной тематики, рассказы, стихотворения М. П. Давыдова, а также обзоры происходящих в России событий, представлявших ему наиболее важными: обсуждение в Государственной думе тели или иных вопросов, отклики на старообрядческую поповскую и миссионерскую периодику (журналы «Церковь», «Миссионерское обозрение» и т. д.). «Поморцы-руководители враждебно настроены к нашей иерархии, что видно из их “Щита”, – общал в одном из писем Ф. Е. Мельникову саратовский публицист-старообрядец С. И. Быстров, упоминавшийся М. П. Давыдовым, – но некоторые интеллигентные из них, и особенно молодежь, смотрят на нас далеко не враждебно»². Очевидно, к этой последней категории саратовских поморцев М. П. Давыдов и принадлежал. Но С. И. Быстров в сохранившихся письмах к редактору «Церкви» не упоминает ни о нем, ни о совместной работе с М. П. Давыдовым над сборником художественных сочинений старообрядческих авторов, который, по всей видимости, не был издан.

Продолжим библиографический список далее.

21. Кто виноват? // Щит веры. 1912. № 1. С. 71–77; № 2. С. 147–154. Подпись – М. Давыдов.

22. Весна: Стихотворение // Щит веры. 1912. № 4. С. 315. Подпись – Максим Д. Здесь во второй раз мы встречаем указание на полное имя автора, не совпадающее с тем, что дает «Словарь псевдонимов». Обозначение фамилии латинской буквой является, возможно, типографской ошибкой, в библиографическом списке опубликованных в журнале материалов за 1912–1913 гг. она уже исправлена на русскую «Д». К слову сказать, в «Щите веры» опубликованы также стихотворения, подписанные псевдонимом Альфа, который изредка встречается и под статьями в «Слове Церкви», и тут можно предположить, что под ним также скрыт М. П. Давыдов. Интересное замечание: «Альфа» стоит в «поповском» журнале только под художественными произведениями малой прозаической формы (см.: Старый бор: Стихотворение в прозе // Слово Церкви. 1916. № 2. С. 33–35; Под гул шрапнели: Рассказ // Там же. 1916. № 14. С. 327–330, № 17. С. 397–401; В святую ночь: Из записной книжки солдата // Там же. 1916. № 52. С. 1031–1034; Мани... Текел... Фарес... // Там же. 1917. № 14. С. 252–253).

23. Историческая несообразность // Щит веры. 1912. № 4. С. 328–333; № 5–6. С. 449–456. Подпись – М. Давыдов. Статья представляет собой полемику с работой старообрядческого апологета И. К. Перетрухина «Значение патриарха Никона как реформатора русской церкви» (см.: Старообрядческая мысль. 1911. № 10. С. 837–841; № 11. С. 921–932; № 12. С. 1018–1027).

24. О наставниках и настоятелях // Щит веры. 1912. № 7. С. 601–613; № 8. С. 681–693; 1913. № 2–3. С. 148–153; № 5. С. 453–460; № 6–7. С. 587–595. Подпись – М. Петров. В 1913 г. эта статья – полемика с циклом работ Ф. Е. Мельникова «Простецкое священство», написанных им по поводу Первого Всероссийского собора старообрядцев поморцев, приемлющих брак, – была издана отдельной брошюрой: *Петров М. (псевд.)*. О наставниках и настоятелях: По поводу статей г. Шалаева. Саратов: Тип. «Сотрудник школы», 1913 (88 страниц). Брошюра открывала серию изданий «Библиотека «Щит веры»». Не исключено, что, обращаясь в 1913 г. к Ф. Е. Мельникову с предложением о сотрудничестве, М. П. Давыдов не знал, что Шалаев – его псевдоним (впрочем, он давно был раскрыт миссионерской периодикой, в статьях журнала «Миссионерское обозрение» и др.).

Псевдоним «Петров» указывает на отчество автора. Итак, полностью: Максим Петрович Давыдов.

25. Значение деятельности Л. Ф. Пичугина в церковно-общественной жизни // Щит веры. 1912. № 11. С. 904–909. Подпись – М. П. Д.

26. Из пророчеств Исаяи // Щит веры. 1913. № 1. С. 9–13. Подпись – М. Д-в.

27. Минувший год // Щит веры. 1913. № 1. С. 33–38. Подпись – М. Д-в. Эта статья открывает целый цикл обзоров, посвященных тем или иным событиям, которые делал для журнала М. П. Да-

выдов, фактически это была его собственная рубрика, которую он регулярно вел.

28. Призрак минувшего // Щит веры. 1913. № 1. С. 81–83. Подпись – М. Д-в. Статья рассказывает о попытках старообрядцев установить памятный крест на месте гибели протопопа Аввакума.

29. За два месяца // Щит веры. 1913. № 2–3. С. 222–239. Подпись – М. Д-в.

30. Воскресения день // Щит веры. 1913. № 4. С. 309–311. Подпись – М. Д-в. Статья, приуроченная к Пасхе.

31. Случай: Рассказ // Щит веры. 1913. № 4. С. 321–334. Подпись – М. Давыдов.

32. За месяц // Щит веры. 1913. № 4. С. 399–411. Подпись – М. Д-в. Это традиционный обзор, в котором М. П. Давыдов... полемизирует сам с собой, откликаясь на собственную публикацию в «Церкви» и стараясь тем самым, видимо, дополнительно «замаскировать» авторство и сотрудничество в «поповском» журнале: «В 12-м номере журнала “Церковь” напечатана статья г. Омеги о печатавшихся в минувшем году в нашем журнале трудах Двинского съезда. Не разбираясь в ней по существу (так как это делают другие в особой статье), все-таки хотелось указать автору, что брошенный им упрек Двинскому съезду беспоповцев в не меньшей степени относится и к нему. Так, обвиняя участников Двинского съезда в слишком общих местах их суждений и неопределенности, и все его довольно длинное рассуждение по этому поводу по существу тоже наполнено одними общими местами и соображениями» и т. д. (с. 404).

33. За месяц // Щит веры. 1913. № 5. С. 515–526. Подпись – М. Д-в.

34. За два месяца // Щит веры. 1913. № 6–7. С. 622–686. Подпись – М. Д-в.

35. За два месяца // Щит веры. 1913. № 9. С. 967–991. Подпись – М. Д-в.

36. Путник: Фантазия // Щит веры. 1913. № 10. С. 1100–1107. Подпись – М. Давыдов.

37. За месяц // Щит веры. 1913. № 10. С. 1108–1113. Подпись – М. Д-в.

38. За месяц // Щит веры. 1913. № 11. С. 1225–1242. Подпись – М. Д-в.

39. Рождественская звезда: Стихотворение // Щит веры. 1913. № 12. С. 1257. Подпись – М. Д.

40. Талисман: Рассказ // Щит веры. 1913. № 12. С. 1321–1332. Подпись – М. Давыдов.

41. За месяц // Щит веры. 1913. № 12. С. 1351–1362. Подпись – М. Д-в.

42. Старообрядческие монастыри: В описании газетных фельетонистов // Щит веры. 1914. № 1. С. 40–54. Подпись – М.

43. За год // Щит веры. 1914. № 1. С. 107–133. Подпись – М. Д-в.

44. За два месяца // Щит веры. 1914. № 2–3. С. 279–302. Подпись – М. Д-в. Отклик: Открытое письмо сотруднику журнала «Щит веры» М. Д-ву // Щит веры. 1914. № 4. С. 415–418. Под-

пись – В.; Замечания на открытое письмо // Там же. С. 418–422.

45. На Пасху // Щит веры. 1914. № 4. С. 341–345. Подпись – М.

46. За месяц // Щит веры. 1914. № 4. С. 406–414. Подпись – М. Д-вѣ.

47. Отчего началась война: Обзор за четыре месяца // Щит веры. 1914. № 8. С. 787–791. Подпись – М. Д-вѣ.

48. Война // Щит веры. 1914. № 10. С. 984–992. Подпись – М. Д-вѣ.

В № 4 «Щита веры» за 1914 г. (с. 426) опубликовано групповое фото, на котором среди прочих лиц, учителей и учащихся Саратовских учительских курсов по подготовке старообрядцев на звание учителя начальных училищ, изображен М. П. Давыдов.

В фонде Российской государственной библиотеки, которым мы пользовались, а также в других центральных научных библиотеках (РНБ, ГМИР, ГПИБ, БАН, Московская и Санкт-Петербургская духовные академии)³, к сожалению, полностью отсутствуют подшивки «Щита веры» за 1915 г., и сложно судить о сотрудничестве М. П. Давыдова с этим изданием. Однако уже в № 1 за 1916 г. в «Годовых отчетах по Саратовскому старообрядческому училищу и общине» содержится упоминание, что «учитель М. П. Давыдов оставил должность и поступил в Московский университет Шанявского», и его место занял другой человек (см.: Щит веры. 1916. № 1. С. 56). Итак, стремление свое М. П. Давыдов воплотил в жизнь и, следовательно, с 1915 г. он продолжительное время проживает в Москве. В 1916 г. он не сотрудничал со «Щитом веры» вовсе, его публикаций здесь нет (однако заметим, что мы пользовались подшивками РГБ, среди которых отсутствуют 11-й и 12-й номера «Щита веры» за 1916 г.).

В 1917 г. вышел только один номер журнала, в нем – две статьи М. П. Давыдова:

49. Россия и старообрядчество // Щит веры. 1917. № 1. С. 6–10. Подпись – М. Давыдов.

50. Обзор войны // Щит веры. 1917. № 1. С. 40–54. Подпись – М.

Мы видим, что жанр обзора, в том числе военного, не был для М. П. Давыдова чуждым и, обучаясь в Московском университете А. Л. Шанявского, он вполне мог вести военную рубрику в «Слове Церкви». До него подобные обзоры в 1915 и 1916 гг., публиковавшиеся здесь под заголовками «Общеввропейская битва народов», «Обзор военных действий», делали В. Е. Мельников и Н. Н. Пушкин (псевдоним – П.). Псевдоним М. под обзорами в «Слове Церкви» появляется только в 1917 г.

В 1917–1918 гг. саратовские старообрядцы-беспоповцы продолжали издательскую деятельность. С марта по июнь 1917 г. вышло 14 номеров журнала «Свободная Россия» и, по крайней мере, тогда же в июне, один номер журнала «Старообрядчество и кооперация» (с подзаголовком «Орган

Саратовского старообрядческого общества потребителей»). В центральных библиотеках их нет, и судить об участии М. П. Давыдова в этих изданиях сложно. В 1917–1918 гг. М. П. Давыдов редактировал «Вестник Всероссийского союза христиан Поморского согласия» (редактором первого и второго номера назван В. Н. Хвальковский). Статьи М. П. Давыдова, опубликованные здесь, были посвящены наиболее актуальным вопросам, стоявшим на повестке дня в ту революционную эпоху. Первый номер вышел в свет 10 августа 1917 г.

22 марта 1917 г. на общем собрании Второй Московской общины старообрядцев-поморцев был избран Политический комитет, которому съезд поручил разработку вопроса об отношении «к переживаемому моменту». Комитет высказался за созыв старообрядческого съезда, который и состоялся в Москве 30 апреля, 1 и 2 мая 1917 г. По вопросу о политическом положении в стране съезд полностью поддержал Временное правительство, высказался за республику как форму нового правления, проголосовал (128 голосов – за, 9 – против) за продолжение войны с Германией. На этом съезде М. П. Давыдов выступил с докладом о земле. Съезд поддержал перераспределение земли и ее передачу тем, кто способен ее обрабатывать, высказался за передачу земельных недр в собственность государства, рассматривал вопросы об особенностях арендных отношений. Самому съезду и земельному вопросу М. П. Давыдов посвятил несколько статей, опубликованных в «Вестнике...»:

51. Думы и впечатления на Всероссийском съезде в Москве // Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия. 1917. № 1 от 10 августа. С. 8–10. Подпись – М. Д-вѣ.

52. Стратотерница // Вестник... 1917. № 3 от 30 октября. С. 2. Подпись – М. Давыдов. Статья о современном положении послереволюционной России. «Нет, не невежественное самомнение и самодовольная национальная гордость назвали Русь святою. Страдания – вот что сделало ее такой». Автор пишет о разделении на равнодушную к делам веры интеллигенцию, поработанную иностранными веяниями, и «простой народ, отданный во власть суеверий». «Все живое, все жизнедеятельное, все творческое уходило, отрывалось от холодного запустелого синодального вертограда. И с этой духовной и душевной отупелостью огромной части народа русского мы вступили в полосу 20 века, в полосу революционных потрясений». В этом же номере появилась интересная статья И. А. Кириллова «Падение монархии и новое положение старообрядчества» (С. 6–5).

53. Учредительное собрание // Вестник... 1917. № 4 от 30 ноября. С. 4–6. Подпись – М.

54. Земельные очерки // Вестник... 1917. № 4. С. 7–9. Подпись – М. Давыдов. Публикация очерков, посвященных вопросу о новых земельных отношениях, продолжалась в последующих номерах, пятом и шестом, отсутствующих в журнальной коллекции РГБ, и далее: 1918. № 7 от

15 февраля. С. 19; № 8 от 28 февраля. С. 30–32; № 11 от 20 мая. С. 74–78. Статья дает более подробное представление о взглядах М. П. Давыдова на земельную собственность, изложенных им и на съезде, упомянутом выше.

55. «Правда старой веры» // Вестник... 1917. № 4. С. 12. Подпись – М. Отзыв на книгу И. А. Кириллова, вышедшую в 1916 г.

56. Суд истории // Вестник... 1918. № 8. С. 27–28. Подпись – Петров.

57. «Похабный» мир // Вестник... 1918. № 9 от 31 марта. С. 39–40. Подпись – Петров. Статья посвящена Брестскому миру, заключенному 3 марта, и выходу Советской России из войны. «Хочется, закрыв глаза, бежать в пустыню от этого безмерного и безграничного позора».

58. [Пасхальная статья без заглавия] // Вестник... 1918. № 10 от 22 апреля. С. 57–58. Подпись – М.

59. «Дурильщики» // Вестник... 1918. № 11 от 20 мая. С. 70–71. Подпись – Петров. Статья посвящена русской интеллигенции, свое определение автор вынес в заголовок. Это попытка ответить на вопрос, «почему, в чем корень тех причин, в результате которых огромное, мощное государство, гроза Европы, вдруг стало разрушаться, распадаться с необыкновенной быстротой...». Интеллигенция «вместо того, чтобы заниматься делом, служить своим знанием народу и государству, занялась его оплевыванием». Она воспитана на чуждых идеях и идеалах, ее основное свойство – «пресмыкательство перед всем западным».

Проживая в Москве, М. П. Давыдов включился в работу Старообрядческого института. В 1918 г. было решено создать в Москве Старообрядческую Народную академию и на ее базе провести цикл лекций по истории и культуре старообрядчества. М. П. Давыдов должен был читать курс «Введение в историю старообрядчества». Его фамилию, среди прочих лекторов-старообрядцев, упомянул журнал «Голос Церкви» в короткой заметке «Курсы по истории и культуре старообрядчества»⁴. Открытие академии состоялось в помещении школы вспомогательного общества купеческих приказчиков на Маросейке⁵. Первую лекцию прочитал известный историк, профессор А. А. Кизеветтер. Основные положения исторического курса, который должен был читать М. П. Давыдов, в конспективной форме охарактеризованы в докладе, прочитанном на торжественном заседании учредителей академии в июле 1918 г. «Русь строится двумя живыми силами, – указывал М. П. Давыдов, – живой религией и ясным национальным самосознанием. Весь строй Московского государства отражает на себе эти основы русской общественности. Как верхи, так и низы Московской Руси пропитаны религиозными началами: московское правительство организуется около и под покровом Церкви, и на местах общество собирается также около Церкви и церквей. Начало местного церковного самоуправления, при-

несенное в Московскую Русь из Руси Киевской, создает крепкую и устойчивую основу, на которой вырастает могущественное Московское государство, стоящее твердо и непоколебимо, пока процесс централизации церковного и государственного управления не оттесняет местные церковные самоуправления от общественно-государственных дел...». Процесс государственной централизации привел и к церковному кризису. К середине XVII в. сложились две программы реформ: кружка ревнителей благочестия и Никона, поддерживаемая царем Алексеем Михайловичем. Возобладал курс, взятый царем и патриархом. «В конце XVII столетия завершаются закрепостительные процессы, – продолжал М. П. Давыдов. – Власть церковная вырождается в деспотизм архиерейского дома и становится на нерусский, антинациональный путь. Власть царская перерождается в императорскую, и реформирование общества передается в руки полицейского принуждения; государство теряет религиозную основу и связь с общественными силами. Таким образом, в XVIII столетии отвергаются как раз все те начала, во имя которых русское общество строило Русь, и само общество отделяется от государства»⁶. Различные старообрядческие согласия выступают с этого времени против государственного централизма и абсолютизма, вставая на защиту религиозно-общественных и национально-русских идеалов.

В том же 1918 г. старообрядческие учебные заведения прекратили свое существование.

«Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. А. Венгерова сообщает о Максиме Петровиче Давыдове скупое: родился в 1887 г. в Петровском уезде Саратовской губ. в крестьянской семье, был учителем старообрядческой школы в Саратове, печатался в провинциальных изданиях, автор статей по старообрядческим вопросам⁷. Ничего нового не добавляют и разыскания Н. П. Рогожина, главного библиографа Всесоюзной книжной палаты⁸. Но обратим внимание: указываемый год рождения совпадает с тем, что отмечен в словаре псевдонимов И. Ф. Масанова, а значит, в книге попросту ошибка в имени, и имелся в виду именно наш старообрядческий публицист из Саратова.

Имя Максима Петровича Давыдова стоит на рекламном объявлении, приуроченном к выборам в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. Старообрядцы в ту смутную эпоху смены власти предприняли усилия провести в него своих кандидатов. В июне 1917 г. постановлением Всероссийского съезда старообрядцев (Белокриницкой иерархии) было решено образовать во всех приходах политические исполнительные комитеты, которые должны были бы знакомить местное население с политической жизнью страны и готовить к выборам. Другим постановлением решено было организовать Политический союз старообрядцев всех согласий на основе одобренной съездом политической программы⁹.

М. П. Давыдов включился в политическую борьбу. Нижегородский политический союз старо-

обрядческих согласий выдвинул кроме него в Учредительное собрание Д. В. Сироткина (его имя стоит первым), С. Г. Фомичева, М. И. Бриллиантова и других лиц, всего девять человек. Рекламный список опубликован был в газете «Нижегородский листок», а в наше время перепечатан в качестве иллюстрации к статье С. Антонова «Выборы и старообрядцы» в нижегородской газете «Старообрядец» в 2000 г. Предвыборное объявление указывает адрес М. П. Давыдова в Москве: ул. Земляная, д. 73, кв. 4¹⁰. Никто из Политического союза старообрядческих согласий в Учредительное собрание не прошел.

В лице М. П. Давыдова мы обретаем замечательного старообрядческого публициста начала XX в., поднимавшего и разрабатывавшего те же темы, что, например, епископ Михаил (Семенов), И. А. Кириллов, С. И. Быстров: образование и просвещение, взаимоотношение веры и науки, их взаимная непротиворечивость. В годы Первой мировой войны исследовал влияние немецкой (и шире – западной) культуры и мысли на русскую, Германии на Россию, революционных перемен, царского отречения на все русское общество и старообрядчество как его часть. К сожалению, ничего не известно о деятельности М. П. Давыдова после 1918 г., вопрос о его возможном сотрудничестве в нестарообрядческих изданиях также подлежит изучению. Однако и та часть публикаций, среди которых лишь считанные статьи подписаны полной фамилией, могла бы лечь в основу отдельного сборника, способствуя тем самым более подробному изучению наследия старообрядческого публициста и апологета.

Примечания

- ¹ Масанов И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1956–1960. Т. 4. С. 156.
- ² Быстров С. Письмо Ф. Е. Мельникову от 30 апреля 1913 г. // РГБ. Ф. 164. Оп. 1. Карт. 21. Д. 9. Л. 4.
- ³ См.: Андреев Г. Христианская периодическая печать на русском языке. 1801–1917. Библиографический указатель : в 3 т. Нью-Йорк, 1998. Т. 2. С. 217.
- ⁴ См.: Курсы по истории и культуре старообрядчества // Голос Церкви. 1918. № 5. С. 267.
- ⁵ См.: Старообрядческая народная академия // Голос Церкви. 1918. № 6. С. 315.
- ⁶ Весенние 1918 года курсы Старообрядческой Народной академии по истории и культуре старообрядчества // Голос Церкви. 1918. № 7–8. С. 330–332.
- ⁷ См.: Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Т. I–IV. Пг., 1915–1918. Т. 1. С. 227.
- ⁸ См.: ОР РГБ. Ф. 683 (Рогожин Н. П.). Карт. 2. Д. 1. Л. 1.
- ⁹ Любопытная характеристика тех событий и задача, стоящая перед старообрядцами при выборах, озвучена была еп. Иннокентием (Усовым), см. его «Доклад Нижегородскому губернскому съезду Политического союза старообрядческих согласий» (*Иннокентий (Усов), еп.* Собр. соч. Т. 1. Статьи из старообрядческой периодики 1905–1918 гг. / сост., подг. текстов, вводная ст., примеч., указ. В. В. Боченкова. М., 2014. С. 412–414). (Наследие старообрядческих апологетов, начетчиков, писателей).
- ¹⁰ См.: Нижегородский листок. 1917. 12 нояб. С. 2. Выборы в Учредительное собрание проходили 12–14 ноября 1917 г.

Образец для цитирования:

Боченков В. В. М. П. Давыдов – забытый журналист-старообрядец из Саратова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 227–233. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-227-233.

Cite this article as:

Bochenkov V. V. M. P. Davydov – a Forgotten Old Believer Journalist from Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 227–233 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-227-233.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Кадькалова Э. П. Выход в теорию словообразования. Саратов: ООО «Буква», 2015. 341 с.

Книга «Выход в теорию словообразования» стала последним трудом Э. П. Кадькаловой и посмертным изданием, которое было подготовлено Ю. Г. Кадькаловым. В монографии обобщены раздумья автора о многих важнейших проблемах теории словообразования: понятиях производности и мотивированности, видах мотивированности, о соотношении мотивированности и лексической идиоматичности производного слова, о предмете и объекте словообразования. Центральное место в книге занимают два взаимосвязанных вопроса: о соотношении понятий «словообразовательная производность» и «словообразовательная мотивированность» и о построении «словообразовательной грамматики».

Рассуждения автора строятся на базе тщательного анализа истории становления, осмысления и переосмысления понятий «производность» и «мотивированность» применительно к материалу русского языка (от Ломоносова до наших дней). Одна из 3-х частей книги – историко-лингвистическая – называется «Ход времени и движение мысли» (с. 7–165).

В истории понятий «производность» и «мотивированность» в русистике от XVIII до XXI в. Э. П. Кадькалова выделяет как минимум четыре этапа с выходом на этап пятый. Это:

1) недифференцированное понятие *производное слово* (образованное, делимое на части, состоящее из воспроизводимых значимых частей и т. п.) – от М. В. Ломоносова;

2) понимание производности в качестве «бинарной» членности основ разной степени сложности – продукта мотивированных обозначений предметов действительности – от Г. О. Винокура;

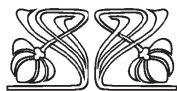
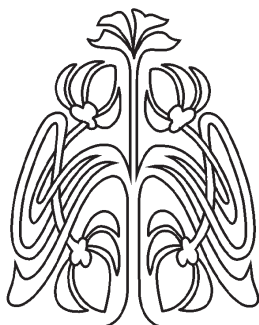
3) разграничение *членности* (морфемного состава, оформленности) и *производности* (словообразовательной структуры) слов и основ – от Е. А. Земской, Н. М. Шанского и др.;

4) освобождение от синхронического понятия *производность* в пользу синхронической *мотивированности* (соответственно переход от формулы *производящее* → *производное* к формуле *мотивирующее* → *мотивированное* при изучении словообразовательной синхронии) – ОПОГ, АГ-70, РГ-80;

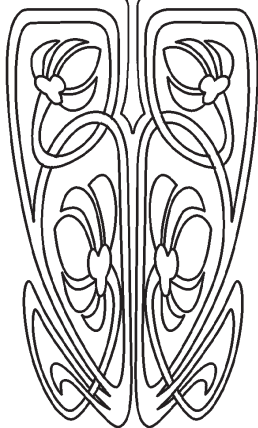
5) выход на новый этап разработки критериев разграничения отношений *членность* – *производность* – *мотивированность* («словообразовательная мотивированность») как явлений сосуществующих, взаимоналожимых, но существенно разных по роли, бытованию и экспликации в языке.

Значительное место в книге занимает обсуждение вопроса о феномене мотивированности языкового знака, о типах мотивационных отношений между словами, о понятии «словообразовательная мотивированность». На конкретном языковом материале автор выстраивает «поле» возможных структурно-семантических связей между словами языка, в котором «могут как обособляться, так и совмещаться между-словные синтагматические отношения (МСО) – отношения однокорневых слов со свободными корнями (полными и усеченными, полными и десемантизированными) и междусловные парадигматические отношения (МПО) – отношения слов с общим связанным корнем или разнокорневых слов (с регулярными аффиксами, с омофинальными и омоинициальными частями разной природы и др.)...» (с. 208).

Исследователь ставит важный для теории словообразования вопрос: «все ли мотивационные отношения показанного поля соответствуют понятию *словообразовательных отношений* – точнее, отношений *значимых* для словообразования (**не**: рожденных словообразованием;

ПРИЛОЖЕНИЯ

такая трактовка уводила бы нас от синхронии языка)?» (с. 210). Э. П. Кадькалова склоняется к утвердительному ответу на поставленный вопрос, полагая, что словообразовательная мотивированность «не совпадает ни с узким представлением о словообразовательной мотивированности как структурно-семантической обусловленности слова другим словом с тем же корнем, ни, конечно, с констатацией фактического участия тех или иных виртуальных образцов в образовании реальных слов» (ср. слова «типа *жених, попадья, стеклярус*, которые, будучи носителями четко выраженной мотивированности однокорневыми словами, тем не менее по каким-то причинам не вышли на роль реальных словообразовательных образцов») (с. 215).

Словообразовательная мотивированность, по мысли автора, репрезентирует «потенциальные словопроизводственные способности системы языка» (с. 213), а «мотивационные (на основе понятия “словообразовательная мотивированность”) классификации слов, в том числе и при расширительном понимании словообразовательной мотивированности, способны вывести нас на знание резервов (виртуальных образцов) словопроизводства, но не более того» (с. 215). С этих позиций, пишет Э. П. Кадькалова, «словообразовательная мотивированность... может быть определена как мотивированность слова, достаточная для его выдвигания на роль виртуального словообразовательного образца. Мотивированное слово в этом случае может быть определено как такое, в материальной структуре которого так или иначе обозначен некий логико-интерпретативный и/или чувственно-ассоциативный сигнал номинативной технологии, доступный естественному восприятию носителей языка и повторному использованию в актах словопроизводства» (с. 212–213). И далее: «Понятая таким образом словообразовательная мотивированность складывается в широкое поле мотивированных слов, в структуре которых могут быть отражены МСО + МПО, только МПО, только МСО» («в каждом из трех показанных микрополей можно выделить свой центр и свою периферию») (с. 213).

В связи с обсуждением вопроса о *словообразовательно значимых* структурно-семантических мотивационных отношениях между словами интересным и перспективным представляется следующее рассуждение автора монографии: «...когда пытаешься собрать вместе слова, которые в той или иной ситуации вызывали сомнения, поскольку не укладывались ни в рубрику “чисто условных обозначений действительности” по Г. О. Винокуру, ни в рубрику слов, отвечающих показателю “словообразовательной мотивированности” (“мотивации”) по определению РГ-80 (с позиций определмости словообразовательно мотивированного слова через мотивирующее его слово с тем же корнем. – О. К.), то оказывается, что их очень много, чуть ли не больше тех, которые

беспрепятственно укладывались в обе названные рубрики. Не значит ли это, что *аналогическое* словопроизводство носит в языке всеобщий характер, а *корреляционное* и *дефиниционное* (по определению Е.С. Кубряковой) – всего лишь частные его проявления?» Вопрос, на который сегодня, замечает Э. П. Кадькалова, вряд ли возможен аргументированный ответ (с. 206).

Феномен *производности*, реализованный в *производном слове*, рассматривается в книге в аспектах отношения к языковому времени, функций производного слова в словопроизводственном процессе и лексической системе языка, места производного слова в уровневой модели языка, соотношения мотивированности и идиоматичности в производном слове.

Производное слово в концепции Э. П. Кадькаловой – единица, соотносимая как с синхронией, так и с диахронией языка: «...*производное слово* – это всегда своеобразный синхронно-диахронный феномен: *продукт* процесса продвижения (“было – стало / не было – появилось”) от накопленного в языке строевого материала и аналогических на него реакций человека к созданию окказиональных (ситуативных) “вербидов” и вызреванию на их основе лексем языкового стандарта. В синхронии языка *производное слово* остается таковым лишь постольку (и до тех пор), поскольку в контексте своих системных связей осознается как (1) обладающее структурной и семантической мотивированностью (единственной или неединственной) другим словом (сочетанием слов им под.) с тем же корнем, (2) большей сложностью (по обоим или одному из указанных параметров) в сравнении с мотиватором и (3) энергией словообразовательного образца (образцовой словообразовательной модели; в случаях неединственной мотивированности – вариативной)...» (с. 233).

И в той, и в другой временной плоскости производное слово «открывается как своеобразная “двухуровневая” единица – (1) *словообразовательная модель*, отсюда и *словообразовательный образец* и (2) *номинативный знак*.

Как словообразовательная модель (и образец) оно представляет собою *бинарную структуру*, базирующуюся на ею же реализуемом (мотивируемом) *словообразовательном значении* (семантике ‘связи’ итоговой единицы с единицей исходной). *Разделить их нельзя: это две составляющие единого феномена – словообразовательной модели, обладающей строем, выводимым из им же выраженной зависимости производного от производящего* – как в словообразовательно мотивированных словах, так и в номинативно идиоматичных словах-метафорах.

Как номинативный знак производное слово – это “мотивированная идиома”, совмещающая в своей семантике структурно выраженные значения – словообразовательное и грамматическое – с неизбежно в той или иной мере “скрытым” (идиоматичным) лексическим значением» (с. 325).

Главное, что выделяет производное слово из ряда других структурно-семантических категорий слов, – это «*функция словообразовательного образца*» (с. 263). Данная функция, по наблюдениям автора, реализуется при сочетании «языкового и личностного факторов в процессах словопроизводства» в трех основных видах: 1) ориентация на регулярные и продуктивные словообразовательные образцы, представленные в узуальных производных, – независимо от частотности такого рода производных в речи самого «творца слова»; 2) ориентация на регулярные словообразовательные образцы производных слов, наиболее частотных в речи самого «творца слова»; 3) «внетиповое» (произвольное) словотворчество на основе приемов преобразования слов путем замены звуков или морфем (*супер* → *пупер*; *подкоп* → *раскоп*), сочетания реальных слов или их частей (*хочмячокнетя*; *Чубайс* + *ваучер* → *чубаучер*) (с. 261).

Рассуждая об «уровневом» статусе производного слова, автор монографии, во-первых, считает целесообразным опираться на понимание уровня языка «в качестве среза его [языка] сложной, но целостной структуры, представляющего собой систему относительно однородных единиц с общей коммуникативно значимой функцией» (с. 245), и, во-вторых, разграничивать для характеристики словообразовательного «уровня» два типа его единиц: 1) *строительную конкретику*: производные и производящие слова, основы и образующие средства разных рангов; 2) *словообразовательные образцы* (словообразовательные «модели»), отчуждаемые от производных слов, словообразовательных пар и их группировок (с. 249).

Рассматривая соотношение феноменов мотивированности и производности, автор отмечает неравнозначность понятия «производность» и коррелятивной формулы «производящее → производное», равно как понятия «мотивированность» и коррелятивной формулы «мотивирующее → мотивированное», что ранее не обращало на себя внимания дериватологов. Э. П. Кадькалова пишет: «... темпоральные признаки формул “производящее → производное” и “мотивирующее → мотивированное” (в отличие от темпоральных признаков самих “производных” и “мотивированных” слов) не совпадают. Отношения “производящее → производное” – это фактически формула словообразовательного *процесса*. В любой синхронной системе языка (на любом участке его истории) она информирует о *наличной* в языке связи... *синхронно-диахронного* типа: “было (первичное слово) → стало, появилось (вторичное слово)” (в плане восприятия обязательно “первичное → вторичное”, хотя в реальности может быть и наоборот). В отличие от этого формула “мотивирующее → мотивированное” на любом синхронном участке истории языка несет в себе информацию о сугубо *синхронических* отноше-

ниях *сосуществования* двух однокоренных слов, находящихся во взаимной связи определенности одного (как правило, более сложного по составу) через другое» (с. 243).

По мнению Э. П. Кадькаловой, «для определения уникальной методической специфики словообразовательных исследований в целом предпочтительным является обращение “к термину” (точнее было бы сказать “к понятию”) *производное слово*, так как понятие *мотивированное слово* в большей степени уводит нас от словообразования в сторону лексико-семантических процессов» (с. 325). Производное слово «в ранге словообразовательного образца» – основной объект словообразовательной дериватологии.

Одной из основных задач науки о словообразовании, главным ее предметом автор считает построение «*словообразовательной грамматики*», выявление *правил словопроизводства* (решение вопроса о том, «как можно делать новые слова», по Л. В. Щербе). Многие страницы книги посвящены обоснованию научной ценности этой задачи и обсуждению способов ее достижимости.

Возможно ли практическое решение этой задачи, насколько реальна ее достижимость? Этим вопросом задается автор монографии: «Может ли такое определение “объекта” словообразовательной науки (как науки о действующих правилах образования слов. – О. К.) стать по-настоящему эффективным, работающим, результативным определением; можно ли действующие в языке правила образования слов наблюдать, извлечь из речевых актов и поставить на систематическое изучение? Если можно, то как? Как, например, определить, от чего в современном русском языке образуются слова типа *слесарничать*, *токарничать*: от названий лиц или от прилагательных, рожденных соответствующими названиями (“быть слесарем” или “быть мастером слесарного дела”/ “выполнять слесарную работу”)? Список подобных вопросов можно продолжить». «И тем не менее, – пишет Э. П. Кадькалова, – по ходу времени стремление дериватологов выйти в зону изучения действующих в синхронии правил словопроизводства явно усиливается» (с. 5).

Встает вопрос о *материале*, на котором такая задача выполнима, и о *методике* его исследования.

Вопрос о том, «как можно делать новые слова», решается, по убеждению автора, только на основе глубокого проникновения в то, «как сделаны слова». Остановив внимание на получившей большую популярность формуле Л. В. Щербы («вопрос о том, “как можно делать новые слова” (вопрос о правилах словообразования) принадлежит грамматике, вопрос же о том, “как сделаны готовые слова” – дело словаря»), Э. П. Кадькалова видит ее ценность не в противопоставлении или изоляции двух аспектов анализа производных слов (как этот нередко происходит), а в признании «их неоднородной функции в системе языка: в роли

типа *лексем* и собственно словообразовательных образцов» (с. 23). Такое понимание глубокого и выразительного определения Л. В. Щербы подчеркивает двуединство и тесное взаимодействие «словообразовательной грамматики» и «словообразовательной лексикологии».

В этом взаимодействии вопрос о том, «как сделаны слова», подчеркивает Э. П. Кадькалова, не имеет этимологического содержания (вопрос об этимологии слов составляет самостоятельную проблему). «Как сделаны слова» – это вопрос о том, «как они осознаются сделанными (отсюда и как “членятся”) в контексте их структурно-семантических связей с другими (сосуществующими с ними в данной лексической системе) словами того же корня» (с. 219). От того, как слова осознаются сделанными, зависит и то, как они членятся, и то, как можно делать новые слова. Реальный словотворческий процесс идет «от воспринимаемых конструкций “готовых” слов к стимулируемым ими конструкциям слов потенциальных» (с. 5).

Любые ли производные (мотивированные) слова являются носителями той словообразовательной мотивированности, которая наиболее информативна для выявления правил словопроизводства? Э. П. Кадькалова пишет об этом: «Несомненно, что главным путем пополнения состава узуальной лексики является аналогия, основанная на точном копировании продуктивных языковых моделей сбывшихся производных слов – основного фонда накопленных языком словообразовательных образцов. Другие “аналоги” имеют меньше шансов войти в языковой узус, а следовательно, стать полноценным экраном действующих в синхронии законов словопроизводства. И все-таки опора говорящего на слова “готовые” при создании новых слов (вербоидов) так или иначе *всегда* дает о себе знать, что само по себе позволяет (или даже предписывает) основным (исходным) *материалом изучения* в дериватологии считать производные слова во всех их разновидностях и аспектах бытия» (с. 263).

С помощью какой методики исследователь может выйти к раскрытию действующих на данном синхронном срезе правил словопроизводства? Эта задача, по мнению автора, практически неосуществима «без опоры на методику последовательного (систематического), комплексного (мотивированность/производность в их совокупности), синхронно-диахронного (современного и исторического) анализа “готовых” слов» (с. 326–327).

Названные методические принципы применены в книге Э. П. Кадькаловой к описанию конкретного языкового материала – *производных глаголов деятельности и глаголов поведения* (глава «От теоретических постулатов к иллюстративному материалу» – с. 264–319). Производные глаголы деятельности и поведения на *-ить, -ничать, -ствовать* (типа *портняжить, слесарничать,*

секретарствовать; лицемерить, кокетничать, зверствовать) рассмотрены автором:

1) в составе соответствующих словообразовательных категорий (в каждом случае – для глаголов деятельности и для глаголов поведения – проанализирована вся совокупность словообразовательных типов с общим словообразовательным значением);

2) с учетом тематических групп мотивирующих эти глаголы имен лиц (что позволило выделить ядро мотивационной базы глаголов каждого типа);

3) с учетом всего спектра ограничений к реализации каждой из словообразовательных моделей;

4) с привлечением систематических исторических данных.

В результате автору удалось сформулировать *правила образования агентивных глаголов*. Во-первых, доказано, что правилом является их образование на базе имен лиц (а не других возможных мотиваторов: абстрактных существительных и прилагательных типа *губернаторство, нахальный* и под.). Во-вторых, выявлена преимущественно работающая логика распределения «контактных» моделей в границах глаголов ‘деятельности’ и глаголов ‘поведения’. Эта логика может быть сведена к двум стандартным ситуациям:

1) дистрибуция моделей на *-ить, -ничать, -ствовать* в соотношении с названиями лиц *по роду деятельности* зависит от социального статуса («престижа») соответствующего рода деятельности: высокие должности, интеллектуальный труд ← *-ствовать (директорствовать)*; практическая, прикладная работа ← *-ить* и/или *-ничать (бочарить, слесарничать)*;

2) в соотношении с *оценочными именами лиц* (по образу жизни, чертам характера, поведению) дистрибуция этих же трех моделей зависит, главным образом, от степени пейоративности той оценки, которая заключена в имени лица, а затем (в зоне промежуточных оценок) – и от эмоциональной реакции говорящего. Снисходительное порицание ← только *-ить (бедокурить)*; рациональная констатация непростительной порочности ← только *-ствовать (ренегатствовать)*; в промежуточной зоне при повышенном эмоциональном «неприятии» говорящим оцениваемого ← *-ничать (разгильдяйничать)* (с. 318–319).

В заключении книги, определяя перспективы научного поиска действующих в языке законов словопроизводства, Э. П. Кадькалова пишет: «...для осуществления систематического исследования в языке законов словообразования явно недостаточна та классификация производных слов (первая в русистике и на сегодняшний день единственная), которая представлена в академических грамматиках современного русского языка. Нужна классификация, основанная на учете значительно большего набора определяющих признаков производящих и производных единиц: (1) не только

“лексико-грамматических свойств” производящих “основ” (слов), но и их когнитивных, экспрессивно-стилистических, структурных и фонетических характеристик, (2) не только “семантического соотношения между производным и производящим”, но и отношений, в которые анализируемые производные включаются в соответствующих тематических группах, синонимических и одноформантных рядах, в соответствующих гнездах, (3) не только “словообразовательной структуры” производных (их “способа производства и словообразующей морфемы”), но и вклада компонентов словообразовательной структуры производного

слова в его семантику (ср. *озаботить*, *озаглавить*, *огласить*, но *огорошить*, *околпачить*), и возможных вариантов членения анализируемых производных (ср.: *плотнич-а-ть*, но *столяр-нича-ть* и *столяр-н-ича-ть*). Выйти на такую классификацию производных слов – одна из важнейших и очень трудоемких задач дериватологии» (с. 326).

Здесь автором обозначены важные векторы развития дериватологии XXI в., пути ее выхода фактически к анализу словарного состава языка в целом – под углом зрения словообразования.

О. Ю. Крючкова

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ: ОТ ЗАУМИ – К СОНЕТНОМУ ВЕНКУ СТАЛИНУ

Письма ссыльного литератора: Переписка А. В. и М. В. Туфанова (1921–1942) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 904 с.: ил.

Образ Александра Туфанова – загадочного «Председателя Земного Шара Зауми», как он себя называл, делаясь тем самым преемником Велимира Хлебникова, теперь стал яснее и жизненнее благодаря этой книге, в которую вошла его уникальная переписка с женой на протяжении почти 20 лет.

Эти письма, сохранившиеся в архиве Туфанова в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), разобранные Татьяной Двинятиной и опубликованные и прокомментированные ею совместно с А. В. Крусановым, теперь дают возможность прекратить многие споры и исправить многие ошибки в биографии Туфанова. Долгое время его считали малоизвестным поэтом, русским футуристом, опоздавшим не только на торжество футуризма, но и даже на его похороны. Изредка упоминали его роль поэтического наставника будущих обэриутов Д. Хармса и А. Введенского на первом этапе их творческого пути.

Публикуемая переписка охватывает 20 лет письменного общения – с момента знакомства, когда Александр Васильевич Туфанов и Мария Валентиновна Тахистова еще не только не были женаты, но лишь начинали свой путь друг к другу. И далее – подробные, искренние письма: из Петрограда в Галич, из лагеря в Потье в Ленинград, а затем – письма из Орла, Новгорода и – самые трагические – с дороги в эвакуацию и последние – от умирающего Туфанова из Галича. По жуткой иронии судьбы, его жена выжила в страшном блокадном Ленинграде, а он – умер от истощения в эвакуации,

Среди всех арестованных по делу Детиздата в конце 1931 г. Туфанов получил самый большой срок – 5 лет концлагерей. К счастью, в эти «вегетарианские» времена он отбыл только два года – «помогла» инвалидность. Но вернуться в Ленинград, к жене, ему было уже не суждено. Оставшийся

срок заключения Туфанову был заменен высылкой. Поэтому еще два с половиной года он жил в Орле, а после окончательного освобождения – в Новгороде. Прописка в Ленинграде, приграничном городе, человеку с судимостью была запрещена, а добиться ее снятия он так и не смог.

Письма приоткрывают нам жуткий мир районного города средней полосы России: шпана, хулиганье, хамство, невозможность общения. Предельная изоляция и одиночество. Единственное спасение – почти ежедневные письма жене и почти столь же частые письма от нее, а еще – многочасовая работа над переводами Шекспира. И почти три года – вплоть до устройства Туфанова на работу в Новгороде – Мария Валентиновна спасала своего мужа, посылая ему деньги (половину скудного жалования), посылки с вещами и продуктами. Если бы не это, Туфанов бы умер гораздо раньше: советская власть не заботилась, на что будут жить ссыльные и высланные, которых зачастую не брали ни на какую работу. Можно смело сказать, что Мария Валентиновна Туфанова полностью соответствует той ахматовской женщине-героине, у которой уже ничего не осталось кроме ежедневной тюремной очереди.

Публикация этих писем имеет очень большое значение для понимания внутренней эволюции Туфанова – от практика и теоретика зауми – к одам вождю и его приближенным. Но более чем спорным представляется утверждение, что Туфанов «незаметно сам для себя становится все больше похож на героев Зощенко, искренне вписывает в себя коммунистическую идеологию и утверждает в мысли, что “<г>олько у высших властей находишь правду”» (с. 16). Такое ощущение, что авторы предисловия забыли, как именно шел разговор через пространство у Туфанова и его жены. Дело происходило в 1930-е гг., – Туфанов, бывший лагерник, высланный с «минус 12» и лишенный избирательных прав, пишет своей жене письма,

прекрасно понимая, что любое из них – перлюстрированное – может оказаться для него новым приговором, да и не только ему, но и адресату. Вот почему Туфанов выверяет каждое слово и, ругая местные власти, не забывает каждый раз напомнить, что это только «местные перегибы», а он, Туфанов, помнит и знает, что там, наверху, есть высшая власть, настоящие коммунисты, у которых всегда можно найти справедливость, защиту и поддержку.

Письма Туфанова, конечно, напоминают рассказ Дудорова из «Доктора Живаго» – о том, как его перевоспитало следствие и ссылка. Выслушав его, Юрий Андреевич говорит, что это выглядит так же, как если бы лошадь рассказывала, как она сама себя объезжала в манеже. Однако разница очень существенная. Дудоров говорит совершенно искренне, находясь в кругу близких друзей, которым полностью доверяет. Туфанов после освобождения из лагеря почти 8 лет жил в обстановке, которая может быть описана формулой Гоббса 'Bellum omnium contra omnes' – «война всех против всех». Живя восемь лет в обстановке постоянного напряжения, полной изоляции – поскольку любое естественное движение души (будь то помощь, угощение, какое-то человеческое сближение, да и просто – неосторожное слово) могло привести к доносу с печальными последствиями. Лагерная психология помогала ему. «... Не знакомлюсь, не подпускаю, не разговариваю», – так он формулирует в письме от 2 января 1934 г. свои отношения с местными жителями в Орле (с. 172). Лишенный всех прав, живущий в городе, где властвовали шпана и хулиганы, Туфанов избирает для себя единственно возможный в его случае способ защиты: он учится языку своей эпохи и начинает применять его в своих интересах. Надо сказать, что во многих случаях это ему действительно удается: на звонкую идеологическую риторику начальства он отвечает еще более агрессивной идеологической риторикой, разного рода обвинения он оборачивает против самих обвинителей, пользуясь их же языком, этим же способом ему время от времени удается защищаться даже от шпаны и хулиганов. Практически каждый свой шаг в отношениях с официальными инстанциями он подкрепляет письменным заявлением, оставляя себе копии, а войну с враждебно настроенным по отношению к нему институтским начальством в Новгороде он ведет уже, используя все существующие в советской системе рычаги – от прессы до народного суда, и побеждает.

Да, из писем бывает уже трудно отделить маску от подлинного лица, однако вряд ли можно ставить это в упрек Туфанову – пытавшемуся выжить и остаться человеком в ситуации, когда против него была вся мощь тоталитарного государства, а на его стороне – лишь несчастная супруга, работающая почти круглые сутки, чтобы на скудное жалование больничного статистика содержать свою мать, свекровь, да еще ежемесячно посылать половину полученных денег в Орел мужу: все его попытки устроиться там хоть на

какую-нибудь работу закончились неудачей. Отсюда и его венок сонетов Сталину, стихотворные славословия Калинину и проч. Это была не более чем попытка физического спасения – себя и жены, и стихи эти имеют не большее отношение к поэту Туфанову, чем цикл «Слава миру» – к Анне Ахматовой.

Признавая несомненную ценность публикуемых писем, хочется одновременно высказать удивление совершенно нехарактерной для авторов публикации и комментариев поспешностью, невнимательностью, неточностью и т. д. и т. п.

Прежде всего, вызывают вопросы принципы составления книги. Во-первых, видно, что письма публикуются выборочно. Однако принципы выборки не описываются ни в предисловии, ни где бы то ни было еще. В издании постоянно цитируются письма, не вошедшие в публикацию. И если бы это действительно были письма «проходные» или малоинформативные! К примеру, в книге содержится только 39 писем Туфанова 1920-х гг. – до ареста (писем 1930-х гг. во много раз больше). Что мешало опубликовать имеющиеся? Зачем, скажем, на с. 49 цитировать письмо от 23 мая 1922 г., указывая, что оно «в публикацию не вошло»? Почему не привести хотя бы частично расшифрованный текст одного из самых последних писем уже умирающего от голода Туфанова – от 30 ноября – 2 декабря 1942 г.? Неужели составители и комментаторы были настолько ограничены в объеме?

Но если действительно они были ограничены в объеме, то зачем в предисловии приводить полностью (!) письма, которые в том же издании будут опубликованы еще раз? Так дважды в издании публикуется письмо М. В. Тахистовой к А. Туфанову от 22 марта 19<22> г. (с. 13 и 42–43), письмо А. Туфанова М. Туфановой от 14 июня 1932 г. (с. 16–18 и 112–114). Ощущение такое, что работа над предисловием и над составлением корпуса текстов книги совершалась то ли разными людьми, плохо взаимодействовавшими друг с другом, то ли в очень разное время.

Вопросы остаются и по опубликованным письмам. Многие из них имеют купюры, помеченные, как положено, многоточиями в ломаных скобках. Но читателю снова приходится гадать: по каким же принципам сделаны эти купюры? Объяснений нигде не содержится. Надо полагать, изъяты фрагменты, которые публикаторы посчитали неинформативными, но каковы критерии информативности? Ответа опять нет.

Странно порой располагаются публикуемые письма Туфанова и его жены. Все они разделены на пять частей по хронологии: 1920-е гг., тюрьма и лагерь, Орел, Новгород, эвакуация. В каждой части – сквозная нумерация писем, начиная с № 1. Письма как Туфанова, так и его жены публикуются подряд – по дате написания. И, казалось бы, этот принцип действительно соблюдается. Однако, если, например, начать просмотр переписки орловского периода, то хронологический

порядок соблюдается только с 26 сентября 1933 г. по 6 июня 1934 г. Далее почему-то после письма Туфанова № 98 от 6 июня 1934 г. следует письмо № 99 его жены от 4 июня. Потом – вплоть до письма № 217 от 29 мая 1935 г. – хронология опять строго выдерживается, но письмо № 218 ее снова нарушает: оно датировано 25 мая, следующее № 219 – 27 мая – и затем опять уже до конца без нарушений. Почему такие сбои, чем они вызваны, – никаких объяснений публикаторами не дается.

Сталкиваемся мы и с неточной терминологией. Конечно, в Орле Туфанов находился не в «административной ссылке» (с. 25). Это называлось высылкой: человеку запрещали жить в определенном количестве крупных населенных пунктов («минус»)¹. Выражение было настолько общепринято и общеизвестно, что в 1928 г. бывший имажинист Матвей Ройзман опубликовал роман с названием «Минус шесть». Это было одно из распространенных в 1920-е гг. ограничений для высылаемых. Запрещалось проживать лишь в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе и Ростове-на-Дону. Поэтому неправильно и название третьей части – «Ссылка в Орел». Не было «ссылки в Орел», здесь Туфанов прав, говоря, что «в Орле ссыльных нет» (с. 369). К самому названию книги («Письма ссыльного литератора») претензий нет – выражение довольно устойчивое и употребленное не в терминологическом смысле.

Однако к концу 1920-х – началу 1930-х гг. гайки постепенно завинчивались – и «минус шесть» превратились в «минус двенадцать». Именно такое ограничение получил Туфанов при освобождении из лагеря. Однако, конечно, сообщая об этом читателю (с. 19), нужно было и перечислить содержание этого запрета, чтобы было понятно, из чего приходилось ему выбирать. Этот список был уже гораздо шире. Туфанову было запрещено проживать во всех погранокругах, в Московской области (включая, конечно, Москву), в Ленинграде и Ленинградской области, на Северном Кавказе (включая Дагестан), во всех центральных округах областей, краев, автономных и союзных республик, на Украине, в Белоруссии и территории Белорусского военного округа, в Закавказской Федеративной Республике, в Ашхабаде, Каркаралинске, Мерве и их округах, в Красноводске, в Узбекской и Таджикской ССР.

Полезно было бы сообщить читателю и что именно угрожало Туфанову за нарушение этого «минуса». Часть 1 ст. 82 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., действовавшая на момент высылки, устанавливала в качестве наказания лишение свободы на срок до года за самовольный приезд в место, запрещенное для проживания. То же самое грозило ему и после окончания высылки – за незаконный приезд гражданина, имеющего судимость, в приграничный город Ленинград, вот почему он всячески отказывается от попыток приехать из Новгорода к жене на несколько дней без командировки или разрешения.

Постоянно повторяемая с гордостью Туфановым в Орле фраза «я без прикрепления» означала как раз высылку, а не ссылку. Впрочем, описанная в его письмах осени 1934 г. эпопея с безрезультатной попыткой обжаловать лишение избирательных прав подчеркивает схожесть положения ссыльных и высланных. Конечно, оставлять это без комментария было неправильно, следовало указать, что по избирательной инструкции 1930 г. избирательных прав лишались как те, так и другие, независимо от того, была ли эта санкция записана в приговоре. Туфанов этого не знал, а слова юриконсультанта о том, что Туфанов не является административно высланным (с. 351), надо отнести на счет его юридического невежества.

Завершая тему жизни Туфанова в Орле, укажем и на оставшуюся без комментариев сквозную тему, связанную с необходимостью для Туфанова иметь постоянный денежный резерв на случай внезапного выезда на новое место жительства по требованию ГПУ. Дело в том, что уже с 1934 г. начинают циркулировать слухи (отчасти просачивающиеся в газеты – см. письмо Туфанова от 2 марта 1934 г.) о том, что Центрально-Черноземная область будет разделена и Орел станет таким же областным центром, как и Курск. Для Туфанова это означало бы автоматический запрет на проживание в Орле².

Особая и большая беда в издании с датами жизни и с информацией об упоминаемых людях. Действительно, бывают случаи, когда даже архивные разыскания не помогают их установить, равно как и сведения о людях. Но комментаторы игнорируют зачастую базы данных «Мемориала», справочники «Блокада», базы данных о деятелях белого движения, о погибших и пропавших без вести на Второй мировой войне и многие другие – как электронные в Интернете, так и печатные, не говоря уже об архивах.

Вот некоторый перечень примеров. Александр Васильевич Юковлев (с. 73) – не просто «лектор, знакомый П. В. и А. В. Туфановых», а бывший прапорщик, воевавший в 1919 г. в Северо-Западной армии Родзянко – Юденича, затем эмигрировавший в Эстонию и вернувшийся в СССР в 1923 г. Кстати, фамилия Юковлев имеет преимущественно архангельскую локализацию, так что это был явно знакомый еще с архангельских времен.

Давид Лазаревич Вейс (его полное имя Давид-Тевель Эфроимович-Лейзерович) был в 1925–1926 гг. не только заведующим производственно-издательским сектором издательства «Прибой» (с. 74), а еще и членом президиума правления издательства, вторым заместителем председателя его правления. Это вообще человек весьма известный в истории русской литературы и русской журналистики. Достаточно сказать, например, что в 1906–1917 гг. он заведовал издательством «Шиповник», а с августа 1920 по

январь 1921 г. был заместителем заведующего Госиздатом. Следовало бы указать и даты его жизни: 1878–1938. Он был арестован 29 декабря 1937 г. и через 8 месяцев расстрелян.

Достаточно много приведено информации о поэте-имажинисте Иване Афанасьеве-Соловьеве (с. 77), включая и то, что он с 16 мая 1924 г. был членом Ленинградского отделения Союза поэтов. Однако в связи с упоминанием его в письме Туфанова 1925 г., конечно, следовало указать, что Афанасьев-Соловьев в 1925 г. был членом Мастерской по изучению поэтики при Союзе поэтов, возглавлявшейся Туфановым³.

Комментарий к описанному Туфановым своему визиту к Запанкову, «заведывающему школой 2 ступени», которого он называет «очень умным человеком» (с. 83) исчерпывается взятыми из справочника «Весь Ленинград» адресами Н. А. Запанкова в 1926 и 1927 гг. Между тем стоило указать, что роль Николая Александровича Запанкова не исчерпывалась его скромной должностью в середине 1920-х гг. Он был весьма известным еще до революции педагогом, занимавшимся вопросами подготовки учителей народных школ и городских училищ, популяризатором и пропагандистом идей К. Д. Ушинского, писал статьи о школьной реформе.

Действительно, как правильно пишут комментаторы к письму Туфанова № 41 от 21 августа <1927 г.> (с. 88), его планам на совместную с Хармсом «зимнюю кампанию» 1927–1928 гг. не суждено было реализоваться. Однако Туфанов был одним из тех, кто получил персональное приглашение на вечер ОБЭРИУ «Три левых часа», состоявшийся 24 января 1928 г. Сохранился приглашенный билет № 26, выписанный на его имя почерком Хармса, имеется имя Туфанова и в списке приглашенных на вечер в записных книжках Хармса. Упомянутый же в том же письме литератор Карл Станиславович Мазовский действительно был в то время сотрудником журнала «Бегемот». Однако читатель не знает, что Мазовский – это псевдоним, сатирика и юмориста Шандадушиса. Даты жизни комментаторами также не указаны, хотя хорошо известны – 1893–1962.

Прозаик и поэт Борис Алексеевич Западалов родился не в 1898, а в 1899 г. (с. 81). Профессор физики и астрономии Николай Петрович Каменьщиков (с. 91) скончался в 1939 г., вопросительный знак вместо даты смерти удивляет. Владимир Федорович Динзе родился не в 1880, а в 1886 г. (и без всякого вопросительного знака). О нем сообщается много разных сведений, но почему-то не сказано главного – что нужно было бы сказать в связи с А. Туфановым: именно В. Ф. Динзе, давно сотрудничавший с издательством «Прибой», рекомендовал туда Туфанова⁴. Сам Динзе, поступил на постоянную работу в «Прибой» уже позже – в октябре 1925 г. в качестве редактора детского отдела⁵. Писал он много и для журнала «Вокруг света», для которого Туфанов и адапти-

ровал по договоренности с Динзе к советским условиям «Жизнь термитов» М. Метерлинка (рассказ Туфанова не был опубликован, рукопись сохранилась в его архиве). Комментарий был бы неполным, если бы мы не упомянули то, что перевод «Воспоминаний о Шерлоке Холмсе», выполненный Туфановым, был издан в 1928 г. в качестве дополнительного приложения к тому же журналу «Вокруг света», а это заставляет думать, что и тут не обошлось без протекции В. Ф. Динзе.

Не стоило оставлять без комментариев и год смерти Динзе – 1938. В этом году он был арестован и расстрелян. К слову: если о расстрелах писателей и политических деятелей комментаторы, большей частью, сообщают (что правильно), то надо это делать везде. Например, не создавать у читателя впечатления, будто писатель и литературовед А. О. Старчаков мирно скончался в своей постели в 1937 г. (с. 189) или шекспировед С. С. Динамов в 1939 г. (с. 489).

Исследовательская небрежность видна во всем, что касается сотрудников издательства «Прибой», особенно – когда речь заходит о сослуживцах Туфанова по корректорской работе. Архив издательства «Прибой» открыт и доступен – можно было расшифровать инициалы, указать хотя бы год рождения этих людей, а также немного подкорректировать служебную биографию самого Туфанова. Так, он действительно начал работать в «Прибое» с 10 апреля 1923 г. (с. 56), но не сразу ответственным корректором, а сначала старшим, потом – ответственным, и только в 1925 г. он становится заведующим корректорским отделением производственного сектора. Что касается других корректоров, то Владимир Иванович Осипов (с. 73) родился в 1885 г., Владимир Сергеевич Коржевин (с. 74) – в 1894 г., а умер в 1930 г. и похоронен в Александро-Невской лавре. Е. С. Вознесенская (с. 77) – Елена Сергеевна, родилась в 1886 г. Непросто сложилась судьба у Н. А. Азарьева (с. 79). Николай Андреевич Азарьев родился в 1880 г. Дворянин и бывший капитан царской армии, он был арестован в 1935 г. и приговорен к пяти годам ссылки в Астрахань. Через три года, в 1938 г., в Астрахани, он был снова арестован, обвинен в шпионаже и расстрелян.

Не нашли авторы комментариев года рождения известного французского педагога Шарля Туссена (почему-то его фамилия записывается через «э») – Туссэн, как это делалось в XIX в.; Туфанов уже пишет через «е») – 1813 (с. 105). Парадокс, но на с. 552 (сноска 8) его фамилия пишется уже через «е» и сведений о нем дается больше, хотя вместо года рождения – тот же вопросительный знак.

Трудно себе представить, что комментаторы не смогли найти даты смерти В. К. Мюллера (1941) и С. К. Боянуса (1952) – авторов одного из самых знаменитых англо-русских словарей (с. 195), – но это так. Вместо дат смерти – вопросительные знаки.

Технический редактор К. А. Гранстрем, упомянутый Туфановым в письме от 23 июня 1934 г. (с. 310), родился в 1877 г., а умер в блокаду – в октябре 1942 г. Также в блокаду умер и названный там же литературовед Н. Н. Пенчковский – но не в 1943 году, а в декабре 1941 г. (с. 311). Даты жизни журналиста Николая Адамовича Томина: 1878–1942 (с. 312), он тоже умер в блокаду. Наконец, эта же участь постигла и Льва Александровича Федорова (даты жизни: 1881–1942), технического редактора (а не корректора), а еще – юриста и библиографа, с которым, кстати, работал в одно и то же время в издательстве Академии наук СССР Д. С. Лихачев, называвший Федорова «энциклопедически знавшим Россию» и «одним из образованнейших людей», которых он, Лихачев, встречал⁶. Генрих Карлович Клаас, директор Ленинградского областного государственного издательства (с. 312), родился в 1879 г., в 1935 г. был арестован и погиб в 1937 г.

Во многом иллюстрирует характер подготовки книги ситуация с журналистом, прозаиком и переводчиком Василием Владимировичем Гадалиным (наст. фамилия – Васильев), который с 1920 г. находился в эмиграции. В 1921 г. он переехал в Ригу, куда и посылал ему Туфанов свои произведения для публикации в эмигрантской печати (это стало одним из факторов, отягчающих вину Туфанова в деле 1931–1932 гг.). Имя В. В. Гадалина в этом контексте впервые появляется на с. 16 – и вообще никак не комментируется. Затем на с. 51 читаем: «Известно и о контактах Туфанова с литератором В. В. Васильевым-Гадалиным (Так! – А. К.), жившим в Риге» – опять-таки без каких-либо комментариев. И только на с. 105 читатель, наконец, узнает, что «Васильев-Гадалин», которого упоминает Туфанов в письме к жене от 19 апреля 1932 г., – это знакомый Туфанова по Архангельску «Васильев Василий Владимирович (псевд. Гадалин, 1890–1959), поэт, журналист...» Впрочем, и тут не без дефекта: правильный год рождения литератора – 1892. А в указателе имен (с. 888) присутствует уже «Васильев-Гадалин В. В.», как будто речь идет о двойной фамилии.

Непонятны лакуны в данных о родственниках Туфанова. Дата смерти Марии Викторовны Туфановой (жены Петра Васильевича Туфанова) известна (с. 69), она умерла в январе 1942 г. и похоронена на Пискаревском кладбище. В марте 1942 г. скончался и сам Петр Васильевич (с. 39), похоронен там же. Известна и дата его рождения – 1881 год. Следует уточнить и дату рождения их сына Кирилла Петровича Туфанова – 1912 год (скончался он в январе 1942 г., место захоронения неизвестно). Вся эта семья, проживавшая в кв. 12 д. 12 по Нижегородской ул., погибла во время ленинградской блокады. Наконец, известны и даты жизни Алексея Егоровича Туфанова (1877–1942), жившего на Арсенальной ул., д. 10, кв. 66 и также скончавшегося во время блокады (с. 106). В сноске 8 на с. 85 Алексей Егорович

назван «неизвестным родственником Туфанова», но «неизвестность» рассеивается к с. 162 – там, в сноске 1, читатель узнает, что он был двоюродным братом поэта.

Такая странная несогласованность видна во многих комментариях. М. В. Туфанова в письме от 11 марта 1933 г. упоминает врача по фамилии Сервиог – и комментаторы сообщают, что в справочнике «Весь Ленинград» (1932) значатся два врача с такой фамилией: Александр Павлович и Александр Александрович. Комментаторы письма Туфанова к жене от 22 июня 1934 г. знают гораздо больше: им известно не вошедшее в данную публикацию письмо М. В. Туфановой от 18 июня того же года, в котором она сообщает ему об увольнении «любимого доктора» ее мужа Александра Павловича Сервиога.

Ошибочно указан год рождения П. И. Чагина (Болдовкина): 1897 (правильно – 1898, источник ошибки, видимо, – неверное указание года рождения на карточках ГАРМ РНБ) – с. 146. Юлия Ивановна Калачева (сестра Е. И. Маккавеевой-Калачевой, жены врача И. Ф. Маккавеева) скончалась в блокаду, в декабре 1941 г. и была похоронена на Пискаревском кладбище (с. 174). Семья Маккавеевых, с которой дружили Туфановы, соседствовала с ними в д. 12 по Нижегородской ул., где они жили в кв. 72, а Туфановы – в кв. 12.

Николай Николаевич Филиппов, сотрудник издательства «Академия» и редактор словаря-справочника, в котором принимал участие Туфанов (с. 207), родился не в 1894, а в 1893 г. Дата смерти его известна – январь 1942 г., умер в блокаду, похоронен на Серафимовском кладбище. В том же январе 1942-го умер и другой знакомый Туфанова по издательским делам – Александр Федорович Добрынин (с. 215), похоронен на Пискаревском кладбище. Вообще, игнорирование блокадной ленинградской «Книги памяти» – общее место рецензируемого издания. К примеру, на карточках Генерального алфавитного каталога РНБ действительно указан только год рождения профессора Александра Францевича Бенкена (с. 640), но ведь в «Книге памяти» указаны и дата смерти (декабрь 1941 г.), и даже место захоронения – Большеохтинское кладбище.

Дату смерти директора Орловского пединститута Г. И. Строчицкого, с которым разговаривал Туфанов в бесплодных попытках устроиться на работу (с. 239–240 и почему-то повторено на с. 383), установить, к сожалению, не удалось, но зато о нем известно, что он не канул в лету после второго ареста в 1949 г., а выжил, в 1956 г. был освобожден и добился полного снятия обвинений.

Указанный год рождения поэтессы Марии Комиссаровой (1904) не может считаться однозначно установленным (с. 267), по другим источникам, это 1900 или 1903 г. Видимо, это следовало бы оговорить, как и то, что она была женой поэта Н. Л. Брауна, чьи стихи Туфанов очень любил (из его письма от 9 декабря 1934 г. (с. 377) мы

узнаем, что именно стихи Брауна он читал жене непосредственно перед арестом в 1931 г.). Во всяком случае, на могиле Брауна и Комиссаровой в Комарово ее год рождения указан как 1900.

Композитор М. М. Черемухин (с. 435) скончался в 1983 г.

Совершенно непонятно указание года смерти поэта Н. Н. Шульговского как «1934?» (с. 460) – если в вышедшей еще в 2011 г. статье М. Ю. Эдельштейна финал его биографии указан совершенно точно: умер в Ленинграде в 1933 г.⁷

Д. Хармс и А. Введенский действительно вернулись из курской ссылки (с. 302), а точнее – тоже из высылки в октябре 1932 г., но если для Хармса это стало окончательным возвращением, то для Введенского – только промежуточным пунктом перед отбытием в новое место проживания – Борисоглебск. Только перед новым 1933 г. Введенскому тоже удастся получить отмену своих «минусов» и вернуться в Ленинград.

Директор Новгородского учительского института Петр Мартынович Кимен (с. 557) скончался в 1961 г. Ошибочно указан год рождения профессора-филолога Александра Илариевича Германовича (с. 578): 1898 вместо правильного – 1896. Перепутано отчество историка Василия Александровича Фигаровского (ошибочно указано – Алексеевич, с. 648). Неправильно указано и нынешнее название ЛГПИ им. А. И. Герцена (с. 663), правильно: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Следует также уточнить настоящее имя Альвэка (с. 779) – Пинхус-Иосиф.

А вот еще один характерный пример удивительной небрежности комментаторской работы. Вместо даты смерти профессора, историка языка Александра Петровича Георгиевского стоит вопросительный знак (с. 734). При этом о нем сообщаются краткие сведения со ссылкой на статью Н. В. Хисамудиновой об ученом⁸. Однако при наличии печатной версии статьи ссылка дается на электронную, причем – заведомо неполную, в чем можно легко убедиться⁹. В неполной версии даты смерти нет, но она есть в полной, печатной. Статья заканчивается словами: «5 марта 1955 г. педагога и ученого не стало»¹⁰.

Столь же несложно было установить дату рождения доктора педагогических наук, профессора Бориса Васильевича Рождественского (с. 821) – 1886 год¹¹.

Публикаторы оставляют без комментария то, что Туфанов, цитируя в письме от 20 января 1934 г. стихотворение Андрея Белого «Жизнь» (с. 183), ошибочно относит его к «Золоту в лазури», тогда как оно было написано в 1908 г. и вошло в сборник «Урна». Следовало поправить и утверждение Туфанова в письме от 15 февраля 1934 г. – якобы британская королева Виктория носила траур 50 лет: ее супруг скончался в 1861 г., и она действительно носила по нему траур до конца жизни, но она сама умерла в 1901 г., следовательно

но, речь могла идти о 40 годах. Без комментария остается сравнение Туфановым А. И. Изюмова с «арцыбашевским “жеребцом”» (с. 236), между тем с «горячим, веселым жеребцом» в романе «Санин» сравнивается Зарудин.

«Испекла ты настоящий торт (tortus полатыни), – пишет Туфанов жене 7 апреля 1934 года» (с. 248). Действительно, русское слово «торт» через серию заимствований восходит к латинскому tortus – «крученный». Это не комментируется – как и то, что Туфанов записывает, видимо, по памяти с ошибкой в письме от 25.01.1939 г. латинское выражение – ‘Oderint, dum metuant’ (в тексте письма – ‘metuarit’ – с. 688).

В письме от 12 апреля 1934 г. Туфанов говорит о своем «аналитическом методе» борьбы за возвращение в Ленинград и пишет, что без фактов он не может шагу сделать, «как Шерлок Холмс без следа от шины автомобиля». Комментарий отсутствует, хотя тут явная отсылка к рассказу А. Конан-Дойля «Случай в интернате» из книги «Возвращение Шерлока Холмса». Память немного изменила Туфанову: в рассказе Холмс изучает следы не автомобильных, а велосипедных шин.

Без комментариев также остается цитирование Туфановым Юлиана Отступника в письме к жене от <22 апреля 1934 г.>. Точнее – ссылка содержит только даты жизни Юлиана (кстати, 331 год его рождения не является признанным, вариантом остается и 332 год) и указание на то, что он был римским императором. Создается впечатление, что Туфанов читал какие-то его труды, а между тем ни один текст Юлиана Отступника до нас не дошел, а лишь фрагменты дошли в цитатах других авторов. Однако цитата – человек «хуже дикого зверя» (с. 263) – цитатой из Юлиана вообще не является. Это несколько видоизмененный текст римского историка Аммиана Марцеллина из его «Римской истории». Марцеллин так говорит о Юлиане: «Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях» (XXII, 5). Вторая цитата из этого же письма («никто из христиан не мог бы сделаться честным человеком», с. 263) представляет собой несколько видоизмененную цитату из дошедшего до нас в цитации христианских полемистов трактата Юлиана «Против христиан»: «...от ваших писаний никто не может стать порядочным человеком» (кн. 1).

Следовало бы, наверное, в числе работ, посвященных стихотворению Д. Хармса «На смерть Казимира Малевича» (М. В. Туфанова называет его «На смерть Малевича», а комментаторы не исправляют – с. 447) упомянуть и нашу статью 2007 г., в которой впервые были приведены – по письмам М. В. Туфановой от 20 и 22 мая 1935 г. – ее свидетельства о похоронах Малевича, впервые опубликовано стихотворение Туфанова «На смерть художника Малевича», а также комментируется упомянутое стихотворение Хармса¹².

Не соответствует действительности утверждение, будто «трагедия А. П. Сумарокова “Синав и Трувор” отдельным изданием не выходила» (с. 547). Только при жизни поэта вышли два отдельных издания этой трагедии (1751, 1768) и третье уже после его смерти (1786). Непонятен и принцип выборочного комментария бытовых реалий. Так, Туфанову приходится в отсутствии электрического освещения пользоваться разными типами ламп. Почему-то масляная лампа («клепселей») полюбилась комментаторам – и они разъясняют принцип ее действия, а вот фраза «сизу с 7-линейной лампой» (с. 554) – уже нет, как будто семилинейные лампы всем хорошо известны. Между тем это не что иное, как керосиновая лампа с шириной фитиля в 7 линий – т. е. около 18 мм.

Будем надеяться, что переписка мужа и жены Туфановых будет еще переиздана – в полном варианте и с учетом настоящих замечаний.

Примечания

- ¹ См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» от 10 января 1930 г. URL: <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/zak/vysylka.html> (дата обращения: 05.02.2007).
- ² В июне 1934 г. Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую, Орел стал городом Курской области (см. письмо Туфанова от

16.06.1934). Областным центром Орел стал только в 1937 г. – Туфанов уже жил в это время в Новгороде.

- ³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 699. № 88. Л. 2 об.
- ⁴ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9. Л. 236 об.
- ⁵ Там же. Д. 21. Л. 1 об., 2.
- ⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 299.
- ⁷ См.: *Эдельштейн М. Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов» : два письма Н. Н. Шульговского к В. В. Розанову // От Кибирова до Пушкина : Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова / сост. А. Лавров, О. Лекманов. М., 2011. С. 704.
- ⁸ См.: *Хисамутдинова Н. В.* А. П. Георгиевский – один из зачинателей архивного дела в Приморском крае // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 11–16.
- ⁹ См. электронную версию: URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/19780780> (дата обращения: 05.02.2017).
- ¹⁰ *Хисамутдинова Н. В.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹ См., например: *Чертков В. Ф., Бренчугина-Романова А. Н.* Научно-методическое наследие Б. В. Рождественского // Наука и школа. 2012. № 3. С. 180.
- ¹² См.: *Кобринский А.* Стихотворение Даниила Хармса «На смерть Казимира Малевича» : история создания, датировка, текстология // Озерная текстология : Труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы / под ред. А. Кобринского, О. Лекманова, М. Люстрова, Г. Обатнина. Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2007. С. 21–31.

А. А. Кобринский, Санкт-Петербург

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОРИЯ МЕДИАКРИТИКИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ»

6 декабря 2016 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета (СГУ) состоялся круглый стол «История медиакритики: итоги и перспективы работы над проектом», в котором приняли участие сотрудники кафедры общего литературоведения и журналистики, занятые в проекте.

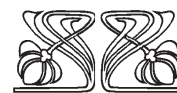
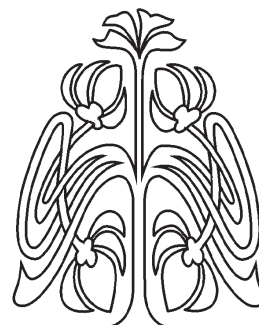
Открывая круглый стол, руководитель проекта – заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики СГУ профессор **В. В. Прозоров** отметил: «Наряду с историей журналистики мы с полным правом можем говорить и об истории журналистской критики. История эта пока не обрела необходимого ей общественно-научного статуса: не осмыслено её предметное поле; не выявлена источниковедческая база; не обозначены приоритеты в поэтапном освоении этой научной отрасли и т. д. В чем разница между историей журналистики и историей журналистской критики? Историю журналистики занимает “движущееся прошлое” журналистики, соотносящееся с социально-политической, экономической, общественно-культурной жизнью, с развитием материально-технической базы СМИ, с появлением газет, радиовещания, телевидения, новейшей сетевой коммуникации.

История журналистской критики сосредоточивается на эволюции профессиональных истолкований „готовой“ журналистской продукции; на рефлексии самих журналистов и литераторов по поводу текстов, создаваемых ими и их коллегами по цеху; на интерпретациях журналистских произведений компетентными экспертами и потребителями СМИ. Объект преимущественного внимания критиков – текст СМИ, совсем недавно опубликованный, прозвучавший по радио, только что вышедший в телеэфир. Важнейшие характеристики медиакритики – оперативность высказываний, повышенный градус их эмоционально-экспрессивной окраски, почти неизменная полемическая настроенность. Причем полемика ведётся и с создателями медиапродукта, и с вероятной читательской, радиослушательской и телезрительской аудиторией, и с коллегами-оппонентами. Критик СМИ одним из первых публично (в прессе, по радио, на ТВ, в Интернете) пробует определить ценностные параметры медиатекстов.

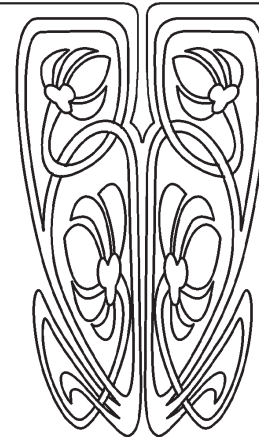
Три века русской журналистики и опыт, накопленный журналистской критикой, дают право ставить вопрос о разработке истории, которая продолжается ежедневно и ежечасно. История медиакритики в России станет со временем обязательной составляющей университетского журналистского образования.

Творческий коллектив кафедры общего литературоведения и журналистики СГУ ставит перед собой следующие задачи в работе над новым проектом, связанным с историей медиакритики в России:

- 1) продолжение поисковой работы (источники, комментарии к ним, оформление самостоятельных исследовательских сюжетов и их публикация;
- 2) работа над соответствующим научно-практическим лекционным курсом для магистрантов-журналистов (С. В. Артеменко, А. В. Раева, М. В. Ерохина);
- 3) постепенное введение элементов медиакритики в специальные лекционно-практические курсы для бакалавров-журналистов;
- 4) введение в медиакритику и её историю – в средней школе. Ведь в конечном счёте, для чего нужно медиаобразование в школе? Для вос-

ПРИЛОЖЕНИЯ

питания вкуса к качественной медиапродукции. Для умения самостоятельно и по достоинству оценивать медиапродукцию. Для того, чтобы понимать, что такое хорошо, а что такое плохо в современном медиамассиве».

Результатами своей работы поделился на круглом столе профессор кафедры **И. А. Книгин**, руководитель группы, изучающей историю медиакритики XIX – начала XX в. В своем выступлении, говоря об основных направлениях журналистской критики XIX в., он поставил вопрос о роли изданий и журналистов XVIII в. в развитии медиакритики, а также охарактеризовал основные жанры журналистской критики XIX в., к которым относятся программная редакционная статья, обзор периодической печати, творческий портрет, рецензия. По мнению И. А. Книгина, значительное внимание отечественные журналы и газеты второй половины XIX – начала XX в. уделяли провинциальной печати, что тоже должно стать предметом изучения журналистской критики. Особая же страница в ней принадлежит еженедельным иллюстрированным журналам, активно и с пристрастием обсуждавшим самые животрепещущие проблемы журналистики, включая специфику журналистской профессии, авторские права и обязанности перед читательской аудиторией.

В заключение докладчиком была высказана мысль, что в работе по накоплению и осмыслению историко-журналистских материалов нужно стремиться к объективности, а значит, включать публикации, подготовленные представителями различных направлений, ориентаций и даже отклонений в журналистике, потому что так может быть представлен живой процесс становления и развития медиакритики в досоветской России.

С отдельными сюжетами о проявлениях журналистской критики в XIX в. выступили старший преподаватель **С. В. Артеменко** (о жанре «письмо к издателю» в «Вестнике Европы» и «Московском вестнике»), доцент **К. М. Захаров**

(о фельетонистике и иронии в медиакритике XIX в.), ассистент **Т. А. Волоконская** (о вопросах медиакритики на страницах журнала «Всемирная иллюстрация»).

Профессор **Е. Г. Елина**, под руководством которой идёт изучение истории медиакритики в России XX–XXI вв., рассказала о тенденциях её развития в это время. Е. Г. Елина отметила, что медиакритика осознаётся как значимое социокультурное явление в те периоды истории, когда становятся востребованы идеи массовости (для России это 1920-е и 1980–1990-е гг.), когда происходит либерализация социально-политической жизни (1960-е гг.) и, наконец, когда меняются сами формы массовой коммуникации (2000-е гг., период распространения Интернета). Именно эти периоды и должны стать опорными точками в подготовке учебного курса по истории медиакритики XX–XXI вв. для студентов-журналистов.

Е. Г. Елина охарактеризовала особенности медиакритики 1920-х гг., когда журналистика и литература активно взаимодействовали и потому имели много общего.

Доцент **А. В. Раева** и старший преподаватель **М. В. Ерохина** рассказали о материалах к учебному курсу «Медиакритика 1920–1980-х и 1980–2010-х гг.».

В заключение на круглом столе была представлена работа студентов-журналистов 4-го курса: под руководством старшего преподавателя Р. И. Павленко они подготовили доклад «Телевидение в советской прессе 1930-х – 1990-х годов». **А. Левко** и **А. Анюхина**, обобщившие итоги работы студенческой группы, рассказали, что анализ публикаций демонстрирует необходимость обращения к телевизионной медиакритике в пиковые моменты развития общества. Перспективное исследование телемедиакритики 1990-х гг. может дать очень интересные результаты.

С. Артеменко

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдевинна Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии. E-mail: olga.rosauzb@gmail.com

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Balashova53@yandex.ru

Боченков Виктор Вячеславович – кандидат филологических наук, заведующий архивом Московской митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. E-mail: bo4enkov4@yandex.ru

Ванюков Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ai_yanyukov@mail.ru

Воробьева Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Волгоградского государственного университета. E-mail: svewor@yandex.ru

Гарагуля Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. E-mail: garagulya@mail.ru

Данилина Наталия Ивановна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской классической филологии Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. E-mail: danilina_ni@mail.ru

Захаров Кирилл Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: zahodite@list.ru

Ильясов Вадим Садыкович – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sartheorlingv@yandex.ru

Катяня Ришика – аспирант кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета. E-mail: hrishikakatyayan@gmail.com

Коневец Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: svkonev@mail.ru

Пырклов Иван Владимирович – доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии. E-mail: allekta@yandex.ru

Суворов Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: suvorov@list.ru

Сурнина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: isurnina1983@mail.ru

Тарасова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tarasovaia@mail.ru

Устратова Мария Викторовна – аспирант кафедры литературы Псковского государственного университета. E-mail: Marius1888@rambler.ru

Шакирова Ульяна Андреевна – преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. E-mail: uljana.gusynina@yandex.ru

Ширяев Николай Сергеевич – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: shiryaevns91@gmail.com

Шуринова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета, Ростов-на-Дону. E-mail: interjectio@yandex.ru

Юхнович Юлия Вячеславовна – старший научный сотрудник филиала «Дом-музей Ф. М. Достоевского» Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. E-mail: yulyayu@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avdevnina Olga Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Culture, Saratov State Law Academy. E-mail: olga.rosauzb@gmail.com

Balashova Lyubov Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: Balashova53@yandex.ru

Bochenkov Viktor Vyacheslavovich – Candidate of Philology, Head of the Archdiocese Archive of the Russian Orthodox Church of Old Believers, Moscow. E-mail: bo4enkov4@yandex.ru

Danilina Natalia Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Classical Philology, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. E-mail: danilina_ni@mail.ru

Garagulya Sergey Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov. E-mail: garagulya@mail.ru

Ilyasov Vadim Sadykovich – Graduate Student, Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: sartheorlingv@yandex.ru

Katyayan Rishika – Graduate Student, Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University. E-mail: hrishikakatyayan@gmail.com

Konevets Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Social Communications, Saratov State University. E-mail: svkonev@mail.ru

Pyrkov Ivan Vladimirovich – Associate Professor, Department of Russian Language and Culture, Saratov State Law Academy. E-mail: allekta@yandex.ru

Shakirova Ulyana Andreevna – Lecturer, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: uljana.gusynina@yandex.ru

Shiryayev Nikovay Sergeevich – Graduate Student, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: shiryayevns91@gmail.com

Shurinova Natalia Sergeevna – Graduate Student, Department of Theory and History of World Literature, Southern Federal University, Rostov on Don. E-mail: interjectio@yandex.ru

Surnina Irina Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of History of Russian Journalism and Literature, Lomonosov Moscow State University. E-mail: isurnina1983@mail.ru

Suvorov Andrey Alexandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: suvorov@list.ru

Tarasova Irina Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Primary Language and Literature Education, Saratov State University. E-mail: tarasovaia@mail.ru

Ustratova Maria Viktorovna – Graduate Student, Department of Literature, Pskov State University. E-mail: Marius1888@rambler.ru

Vanyukov Alexandr Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Saratov State University. E-mail: ai_vanyukov@mail.ru

Vorobyeva Svetlana Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Volgograd State University. E-mail: svewor@yandex.ru

Yukhnovich Yulia Vyacheslavovna – Senior Research Fellow, «Memorial House of F. M. Dostoyevsky» Branch of Novgorod State Dostoyevsky Museum Reserve. E-mail: yulyayu@list.ru

Zakharov Kirill Mikhailovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: zahodite@list.ru